

Александр Валентинович.
Амфитеатров

Паутина

Александръ Амфитеатровъ.

Паутина

Повѣсть.

[1]

Издание второе.

1913.

С.-Петербургъ.

**Александр Валентинович.
Амфитеатров**

Паутина

*Поэту житейской правды
Александру Ивановичу КУПРИНУ
съ дружествомъ
и любовью посвящаю этотъ романъ,
Александръ Амфитеатровъ.*

I

Весною 190* года, въ холодныя и дождливыя сумерки, по тихой окраинной улицѣ очень большого губернскаго города тихо пробирался, — щадя свои резиновые шины отъ колдобинъ и выбоинъ мостовой и осторожно объѣзжая лужи, которыя могли коварно оказаться невылазными провалами, — щегольской «собственный» фаэтонъ, везомый парю прекраснѣйшихъ гнѣдыхъ коней въ строжайшей вѣнской упряжкѣ, но съ русскимъ бородатымъ кучеромъ-троечникомъ на козлахъ. Сочетаніе получалось смѣшное, но экипажъ принадлежалъ мѣстному руководителю модъ, настолько признанному въ авторитетѣ своемъ, что не только никто изъ встрѣчныхъ прохожихъ и проѣзжихъ господъ интеллигентовъ, но даже ни единый изъ дворниковъ

у воротъ, либо верхомъ на доживающихъ въкъ свой, архаическихъ тумбахъ, и лавочниковъ въ дверяхъ лавокъ своихъ, ни единый и никто не смѣялись. Напротивъ, всѣ провожали фаэтонъ взглядами одобренія и зависти: вотъ это, дескать, шикъ такъ шикъ! Смѣшно было, кажется, только самому хозяину фаэтона, губернскому Петронію, *arbitre elegantiarum*. То былъ маленькій, горбатый человѣчекъ, съ огромною головою, покрытою превосходнымъ парижскимъ цилиндромъ, — *haut de forme*, а *huit reflets*, — а ниже сверкали подъ золотымъ пэнснэ умные, живые, семитическіе глаза, бѣлѣлъ тонкій длинный носъ малокровнаго больногаго человѣка, и роскошнѣйшая черная борода спускалась по груди на... русскій армякъ тончайшаго англійскаго сукна, украшенный... значкомъ присяжнаго повѣреннаго!..

— Вендль шикауетъ, — сказала, глядя на страннаго господина въ странномъ экипажѣ, изъ-за гераней, заростившихъ кособокія окна низенькой столовой, учитель городскаго, имени Пушкина, училища, Михайль Протопоповъ.

Тогда тощая, на зеленую кочергу похожая, жена его сорвалась изъ-за стола съ самоваромъ и бросилась къ окну, оставивъ безъ вниманія даже и то обстоятельство, что тяжело шмякнула о полъ дремавшаго на ея колѣняхъ, любимаго желтаго кота.

— А-а-а... скажите, пожалуйста... а-а-а..., — стонала она, покуда, медленнымъ и граціознымъ движеніемъ, точно танцуя на своихъ четырехъ колесахъ классическій босоногій танецъ какой-нибудь, эластически влачился мимо оконъ учительскихъ безукоризненный вѣнскій экипажъ. — Ну, до чего-же, однако, люди въ прихотяхъ своихъ доходятъ!.. удивленія достойно... а-а-а...

Супругъ внимательно гладилъ кустистую рыжую бороду и, не то съ сожалѣніемъ, не то съ умиленною гордостью, повторялъ:

— Шикуетъ, Вендль, шикуетъ... Жжетъ бабкины денежки... Только, братъ, дудки! Сколько ни состязайся, Эмильки тебѣ не перешиковать...

Супруга спокойно оглянулась на дверь въ кухню и, убѣдившись, что она плотно заперта, сказала мужу съ упрекомъ:

— Ты бы, Михайлъ, потише...

— А что? — пріосанился учитель Протопоповъ, услышавъ въ голосъ жены привычную ноту житейскаго трепета, на которую онъ, въ качествѣ мужчины, интеллигента и выборщика, долженъ приготовить привычную же ноту мужественнаго гражданскаго протеста. — Что я сказалъ особеннаго? Кажется, ничего.

— То, что нехорошо: какая она намъ съ тобою Эмилька? Не сломаешь языкъ назвать и Эмилией Ѳедоровной.

— Очень надо! Не велика пани. Обыкновеннѣйшая помпадурша изъ сочиненій Щедрина.

— Ужъ этого я не знаю, изъ какихъ она сочиненій, но только Воздуховъ вылетѣлъ изъ-за нея со службы по телеграммѣ изъ Петербурга. А потомъ едва укланяли ее, чтобы генераль-губернаторъ простилъ, оставилъ его въ предѣлахъ губерніи. А Воздуховъ былъ не тебѣ чета: податной инспекторъ, со связями, свой домъ...

Учитель Протопоповъ взглянулъ на жену съ снисходительнымъ презрѣніемъ къ ея ба-

бъему робкому разуму и возразилъ:

— Сравнила! Воздуховъ гулялъ передъ ея окнами въ пьяной обнаженности и, съ мандолиною черезъ плечо, спѣлъ ей испанскую серенаду. Это публичный скандалъ и притомъ было среди бѣлаго дня. За это, братъ, кого угодно. Каковъ ни есть нашъ городъ, но голымъ ходить по улицамъ и на мандолинѣ бряцать податному инспектору не полагается... А я что-же? Я въ четырехъ стѣнахъ...

— А, вотъ, подслушаетъ кто-нибудь, — такъ и будутъ тебѣ стѣны.

— Ѳедосья, что-ли, донесетъ?

— А то нѣтъ? — злобѣще кивнула госпожа Протопопова лысоватымъ проборомъ бурыхъ и жиденькихъ волосъ своихъ. — Акцизный Ѳедоровъ черезъ кого въ политикѣ увязъ? Катька, горничная, любовника-сыщика имѣла. Ну, и обличилъ.

— Ну, тамъ политика... А я, кажется...

— То-то... кажется! — со вздохомъ заключила учительша, отходя отъ окна, такъ какъ интересный экипажъ уже исчезъ изъ виду за угломъ, и вновь подбирая на колѣни обиженного кота своего.

— Это Вендль опять къ Сарай-Бермятовы-
мъ поѣхаль, — сказаль супругъ, присажива-
ясь къ самовару. — Часто ѣздитъ.

— Друзья съ Симеономъ Викторовиче-
мъ-то, — почему-то вздохнула учительша, пе-
редавая мужу дымящійся стаканъ. — Съ уни-
верситета товарищи.

— Товарищи! — недовѣрчиво ухмыльнул-
ся учитель. — А я такъ думаю: онъ тамъ боль-
ше по барышенской части. Ты, Миня, не гля-
ди на него, что онъ горбатый и, съ виду, въ
чемъ душа держится. Этакого другого бабни-
ка поискать. Онъ, да еще вотъ Мерезовъ Вась-
ка. Два сапога пара — аѳинскія ночи-то устраи-
вать.

— Для аѳинскихъ ночей извѣстно, кого на-
нимають, — перебила учительша, не безъ до-
сады. — А къ благороднымъ барышнямъ съ
подобными пошлыми намѣреніями мужчина
обратиться не можетъ. Это глупо и бесполез-
но — то, что ты говоришь. А ужъ въ особенно-
сти, что касается Сарай-Бермятовыхъ. Слава
Богу, съ малолѣтства ихъ знаемъ. Аглаечка,
конечно, красавица, и соблазнъ ей отъ вашей
мужчинской козлячьей породы предстоить

многій. Но характеръ у нея совсѣмъ не такой категоріи, чтобы какой-нибудь бабникъ во-кругъ нея пообѣдалъ. Дѣвушка серьезная, — хоть Богу не молится, а живетъ святѣй иной монашенки. А Зочка еще ребенокъ, — что ей? Много, если пятнадцать минуло... Да и со-бой нехороша.

— Ребенокъ-то ребенокъ, — возразилъ су-пругъ съ нѣсколько сконфуженною язвитель-ностью, — но въ какой гимназіи этотъ ребе-нокъ воспитаніе свое получаетъ?

Госпожа Протопопова насторожилась:

— Извѣстно, въ какой: у Авдотьи Васильев-ны... Чѣмъ гимназія нехороша?

Протопоповъ захихикалъ надъ стаканомъ своимъ:

— Сегодня въ «Глашатаѣ» видѣлъ замѣтку, будто у китайцевъ въ Пекинѣ въ женской школѣ имени Лао Цзы открыта «лига люб-ви»... Вотъ они каковы, ребенки то ваши!

Госпожа Протопопова, въ волненіи, поста-вила чашку на блюдце, всплеснула худыми руками и трепетно опустила ихъ на кота сво-его, который, сквозь дремоту, вообразилъ, будто его ласкаютъ, а потому пренѣжно за-

мурлыкаль. А Протопоповъ многозначительно сказалъ:

— То-то вотъ и оно то... Эмилиі Ѳедоровны школа... Прежде, чѣмъ въ помпадурши свихнуться, сколько времени она у Сарай-Бермятовыхъ гувернанткою была?.. Ну-ка, посчитай.

Не получивъ отъ взволнованной супруги отвѣта, онъ вздохнулъ и продолжалъ, обжигаясь въ мѣрныхъ перерывахъ горячимъ чаемъ.

— Но, тѣмъ не менѣе, относительно Вендля я, дѣйствительно, такъ полагаю, что понапрасну мальчикъ ходитъ, понапрасну ножки бьетъ... Еще, если бы годъ, два тому назадъ, то, по тогдашней бѣдности Бермятовыхъ, можетъ быть, и очистилось бы ему что нибудь...

— Женатому то? — съ негодованіемъ воскликнула супруга, и костлявые пальцы ея произвольно вонзились въ кота съ такою силою, что тотъ взвизгнулъ и, хвостъ трубою, дернулъ отъ хозяйки, однимъ прыжкомъ, черезъ всю комнату, на триповый синій диванъ. — Женатому то? Да ты, Михаилъ, съ ума сошелъ! Ты въ развратномъ настроеніи

ума!

Но Михаилъ вдругъ почувствовалъ подъ собою твердую почву и осьнился вдохновеніемъ къ радикальнымъ идеямъ.

— Другъ мой Миня! — прочувствованно воскликнулъ онъ, — при нынѣшнемъ торжествѣ гражданскаго брака и расшатанности моральныхъ устоевъ, какое препятствіе можетъ быть бѣдной дѣвушкѣ въ дилеммѣ: ухаживаетъ за нею холостой женихъ или женатый претендентъ?.. Теперь, конечно, все это — другой коленкоръ. Какъ скоро Симеонъ Викторовичъ отвоевалъ дядюшкино наслѣдство, — теперь, братъ, шалишь! Теперь дѣвицы Сарай-Бермятовы будутъ первыя по городу невѣсты... Полъ-милліона, чистоганчикомъ, хватили Сарай-Бермятовы! Шутка! Теперь Аглаю съ Зоею женихи наши съ руками рвать будутъ...

— Наслѣдство прекраснѣйшее, — съ осторожностью замѣтила скептическая супруга, — но вѣдь Аглаи съ Зоей оно мало касается. Я слыхала такъ, что главный капиталъ назначенъ по завѣщанію ему — Симеону, а сестрамъ и прочимъ братьямъ оставлено всего по

несколько тысячъ...

— Ну, все-таки! По нынѣшнимъ нашимъ губернскимъ временамъ, когда невѣста стала дешевая, а женихи вздоржали, — и то хлѣбъ!..

Тѣмъ временемъ Вендль — господинъ въ армякѣ и въ цилиндрѣ, возбуждившій эти супружескіе — господъ Протопоповыхъ — разговоры, подѣхалъ въ вѣнскомъ экипажѣ своемъ съ русскимъ кучеромъ на козлахъ къ длинному, какъ казарма или больница, одноэтажному дому, за заборомъ съ гвоздями, надъ которымъ розгами торчали частые, еще безлистые тополя, а за тополями чернѣли стекла, далеко не всегда цѣлыми, далеко не весьма опрятныя окна. По деревяннымъ мосткамъ, вдоль забора этого, спѣшно шагаль высокій господинъ, тоже въ армякѣ и въ цилиндрѣ, точнѣйше скопированныхъ съ Вендля: только значка присяжнаго повѣреннаго не доставало, да матеріаль одежи былъ грубѣе и хуже, дешевенькій. Увидавъ Вендля, господинъ всею фигурою своею выразилъ и смущеніе, и гордость перваго счастливаго подражателя и гоголемъ шель мимо, пока не

исчезъ въ сѣрыхъ сумеркахъ, которыя лишь теперь и очень вдали, въ туманномъ центрѣ города, подъ горою, начали пестриться электрическими фонариками. Вендлю стало совсѣмъ весело.

— Максимъ! — окликнулъ онъ кучера слабымъ, звенящимъ, двичьимъ почти, голосомъ.

— Чего изволите? — откликнулся тотъ съ козель, не оборачивая бородатаго лица.

— Видѣлъ?

Тотъ помолчалъ и сказалъ:

— Видѣлъ.

— Хорошъ?

— Чего лучше!

Вендль залился тоненькимъ дробнымъ стекляннымъ смѣхомъ, грустнымъ, нѣжнымъ и переливчатымъ, — какъ тритоны звенятъ въ лѣтнихъ болотахъ.

— Выросъ въ соборную колокольню, а — увидалъ на горбунчикѣ Вендль цилиндръ и армякъ. — сейчасъ же и повѣрилъ, что такъ надо, и — давай себѣ!.. Экой дуракъ! Вотъ дуракъ! Ты не знаешь, кто такой?

Максимъ подумалъ и улыбочивымъ голосо-

мъ отвѣтилъ:

— Да, кажись... какъ его, бѣса?.. Въ желѣзнодорожной конторѣ служить... Антифоновъ, что ли... песъ ли ихъ разбереть!

Вендль еще ярче залился смѣхомъ, отчего звукъ смѣха сталъ еще грустнѣе, и продолжалъ:

— Ну, скажите, пожалуйста! Антифоновъ!.. Поповичъ по фамиліи, а за жидомъ тянется... Если мы съ тобою, Максимъ, еще съ недѣлку поѣздимъ такъ по городу, ты увидишь: всѣ наши здѣшніе чудаки вырядятся намъ подобными гороховыми шутами... А? Максимъ?

Максимъ качнулъ кучерскою своею шляпою съ павлиньими перьями и отвѣчалъ равнодушнымъ басомъ:

— Стадо-народъ... Чего отъ нихъ ждать?... А ужъ вы тоже, Левъ Адольфовичъ! Только бы вамъ соорудить дурака изъ каждаго человѣка...

— Развѣ я строю, Максимъ? — звенѣлъ тритоннымъ смѣхомъ своимъ Вендль. — Сами строятся... Я только произвожу опыты. Глупость и пошлость тутъ сами пруть изнутри. Я только готовлю формы, да подставляю ихъ

подъ кранъ. Какую форму ни подставь, сейчас же полна сверхъ краевъ. Развѣ же не смѣшно? Максимушко! другъ единственный! Знаешь, что я тебѣ скажу! Придумалъ я...

— Мало ль у васъ придумокъ, — усмѣхнулся въ бороду свою Максимъ.

— Собственно говоря, я вру. Собственно говоря, не придумалъ, но вычиталъ въ книжкѣ Эдгара По. Помнишь, мы однажды пили портвейнъ, и я читалъ тебѣ вслухъ «Паденіе дома Ашеровъ» — о братъ, который нечаянно похоронилъ живую свою любимую сестру? Такъ вотъ этого же самага писателя... Слушай, Максимъ! Давай — въ слѣдующемъ мѣсяцѣ — обваляемся въ пакль и шерсти и въ этомъ самомъ вотъ фаэтонѣ... или нѣтъ! чортъ съ нимъ! лучше съѣздимъ въ имѣніе къ Фальцъ Фейну и купимъ пару ѣздовыхъ страусовъ. Такъ больше стиля: выѣдемъ двумя обезьянами, въ шерсти и пакль, на одноколкѣ, запряженной парюю страусовъ.

— Эка васъ разбираетъ!

— Да вѣдь ты пойми, — завизжалъ Вендль, — ты пойми же, Максимъ: вѣдь — черезъ недѣлю послѣ того, ну, много двѣ

недѣли, — въ городѣ не останется ни одного человѣка: однѣ обезьяны будутъ ходить... въ шерсти и пакль... однѣ обезьяны! Вѣдь это же надо будетъ умереть со смѣха.

— Полиція, чай, не позволить, — возразилъ Максимъ.

— Да, вотъ, развѣ что полиція! — пожалѣлъ Вендль.

Смѣясь и качая головою, вышелъ онъ, маленькій, горбатенькій, изъ экипажа и пошелъ къ калиткѣ каменныхъ, съ облупившеюся штукатуркою, воротъ, надъ которыми еще виднѣлись постаменты разрушенныхъ львовъ. Толкнулъ калитку ногою и, по кирпичному выбитому тротуару, направился, хромя, къ дворовому крыльцу того стараго, длиннаго, казарменнаго дома... Было оно съ навѣсомъ и сѣнцами, точно опущенная крыша громаднаго старомоднаго тарантаса.

Вендль давно зналъ, что въ этомъ домѣ не звонятъ и не стучать, а прямо входятъ, кто къ кому изъ обитателей пришелъ, ибо двери никогда не заперты, и обитателямъ рѣшительно все равно, когда, кто и какъ ихъ застанетъ. Изъ передней, гдѣ, на ворохъ наваленнаго

платья, весьма сладко спала довольно неприглядная дѣвчонка-подгорничная, которую приходъ гостя нисколько не потревожилъ, Вендль осторожно, изъ-за дверной притолоки, стараясь быть невидимымъ, заглянулъ въ залъ, откуда слышался бодрый шумъ юныхъ голосовъ, взрывы молодого хохота. Съ дюжиною молодыхъ людей — студенты въ тужуркахъ, молодые военные, офицеры и вольноопредѣляющіеся, въ дешевыхъ мундирахъ, барышни, похожія на курсистокъ и начинающихъ драматическихъ актрисъ, — сумерничали въ папиросномъ дыму вокругъ стола съ самоваромъ... Одинъ — длинноногій, не мундирный, въ очкахъ — влѣзь на столъ и, съ серьезнымъ лицомъ жреца, отправляющаго таинство, зажигалъ висячую лампу-молнію, стоически вынося помѣху со стороны двухъ, не весьма красивыхъ дѣвицъ, которыя дергали его за ноги. Вендлю захотѣлось войти въ веселый кругъ рѣзвой молодежи. Но онъ вспомнилъ, что сейчасъ онъ пріѣхалъ въ этотъ домъ по серьезному дѣлу и, слегка вздохнувъ про себя, постарался остаться незамѣченнымъ и заковылялъ изъ передней

не въ залъ, но въ длинный бѣлый корридоръ, опять таки говорившій не столько о жиломъ семейномъ домѣ, сколько о больницѣ или арестантскихъ ротахъ, либо казенномъ пріютѣ, что ли, какомънибудь для матросскихъ или солдатскихъ сиротъ.

Минувъ двѣ затворенныя двери, Вендль остановился у третьей и, на этотъ разъ, постучалъ. Отвѣта не послѣдовало, но, когда Вендль терпѣливо постучалъ во второй разъ, дверь распахнулась, и, на порогъ ея, въ сильномъ бѣломъ свѣтѣ ацетиленовой лампы, появился самъ хозяинъ этого длиннаго, стараго, скучнаго дома — Симеонъ Викторовичъ Сарай-Бермятовъ. Нахмуренный и недовольный, что его потревожили, съ привычною сердитою складкою между густыми бровями, какъ черными півками, на желтомъ лбу желчнаго, сорокалѣтняго лица, онъ нѣсколько прояснился, узнавъ Бендля. Черные, безпокойные глаза повеселѣли. Замѣтно было, что этотъ сухощавый, средняго роста, стройный брюнетъ когда то былъ очень красивъ, да еще и сейчасъ можетъ быть красивъ, если захочетъ, — несмотря на начинающую

свѣтитъся со лба лысину. Черты лица сухи, но благородны и почти правильны; только легкая расширенность скуль выдаетъ старую примѣсь татарской крови. Голова на широкихъ плечахъ сидитъ гордо и мощно, движенія тѣла, въ красивомъ и изящно сшитомъ темно-синемъ, почти черномъ костюмѣ, смѣлы, сильны и гибки. Словомъ, былъ бы молодцомъ хоть куда, лишь бы избавились глаза его отъ тревожнаго выраженія не то гнѣва, не то испуга, точно человѣкъ этотъ — не то обдумываетъ преступленіе, не то только что сейчасъ укралъ у сосѣда часы и ищетъ въ каждомъ новомъ лицѣ сообщника, какъ бы ихъ спрятать. Подъ гнетомъ же этого выраженія, лицо Симеона Сарай-Бермятова производило довольно отталкивающее впечатлѣніе, особенно, когда правую щеку его начиналъ подергивать нервный тикъ. Подъ острымъ, пронзительнымъ взглядомъ его, принимавшимъ, по мѣрѣ его любопытства къ разговору, почти лихорадочный блескъ, становилось непріятно и тяжело, такъ что долгой бесѣды съ Симеономъ Сарай-Бермятовымъ никто почти не выдерживалъ. Въ об-

щество губернскомъ этотъ господинъ далеко не пользовался любовью. Вендль, одинъ изъ немногихъ, умѣлъ приблизиться къ этому непривѣтливому, нелюдимому, съ темною душою, существу. И Симеонъ Сарай-Бермятовъ тоже, по своему, любилъ Вендля, вѣрилъ ему, насколько умѣлъ, и почти всегда былъ радъ его видѣть.

Комната, въ которую Симеонъ ввелъ Вендля, была довольно неожиданна въ такомъ старомъ, некрасивомъ и облупленномъ снаружи домѣ, ибо наполнялъ ее не только большой и умѣлый, со вкусомъ сдѣланный, кабинетный комфортъ, но было даже не безъ претензій на хорошую дорогую роскошь... Вендль сразу замѣтилъ, что хозяинъ не весьма въ духѣ, и, какъ опытный врачъ этой мрачной души, сейчасъ же принялся «разрѣжать атмосферу». Медленно снимая армякъ свой, — онъ неутомомно звенѣлъ тритоннымъ своимъ смѣхомъ.

— Извини, Симеонъ Викторовичъ, что я вхожу въ твое святилище въ этой хламидѣ. Но — откровенно говоря: вестибюль вашъ въ такомъ образцовомъ порядкѣ, что страшно

оставить тамъ верхнее платье. Во первыхъ, ваша дѣвственница — какъ ее? Марѳутка? Михрютка? — имѣетъ обыкновеніе избирать пальто гостей ложемъ своихъ отдохновеній. Это еще не такъ важно, но дѣвственница — чудовище признательности. Всякій разъ, что она выспится на моемъ плащѣ, она непременно, въ благодарность, оставляетъ въ немъ двухъ-трехъ клоповъ. А они потомъ выползаютъ здороваться съ публикою въ самые неожиданные моменты, нисколько не заботясь, кстати они или нѣтъ. Въ послѣдній разъ было на скетингѣ, — третьяго дня, благотворительный праздникъ въ пользу новорожденныхъ глухонѣмыхъ. Подлецъ выползъ на воротникъ и непременно желалъ, чтобы я его представилъ генераль-губернаторшѣ, съ которою я велъ эстетическій разговоръ о превосходствѣ Брюсова надъ Блокомъ. Если-бы, не мое израильское происхожденіе, оно еще куда бы ни шло. Клопъ на россиянинѣ, — на тебѣ бы, на примѣръ, — это что-то даже стильное, патріотическое, истинно-русское. Но клопъ на нашемъ братѣ, жидо-масонѣ, это уже вызывающая претензія, персонажъ изъ буре-

нинскаго фельетона. Затѣмъ: у васъ бывая, каждый разъ надо опасаться, что назадъ придется ѣхать, вмѣсто своего платья, въ попонѣ или одѣялѣ. О такой мелочи, какъ калоши, я уже не говорю. Твои собственные, кожаные, по ногѣ, непременно должны исчезнуть неизвѣстно куда, а тебѣ, взамѣнъ, останутся неизвѣстно чьи резиновыя драныя, одна съ литерой Д, а другая съ литерой О, которую, однако, надо почитать за Ю, потому что это, видите ли, у нея только палочка и хвостикъ отвалились отъ древности...

— Да, — отвѣчалъ съ досадою Симеонъ. Голосъ у него былъ глухой и мрачный, говоръ отрывистый, быстрый, угрюмо-вдумчивый, — скрытной и одинокой мысли голосъ. — Ты, къ сожалѣнію, правъ. У насъ вѣчный хаосъ. Безобразный и непристойный. А ужъ теперь, когда Аглая и ея вѣрная Аня скитаются по пригородамъ, выискивая дачу, исчезъ послѣдній порядокъ, и повсюду въ домѣ совершенный цыганскій таборъ или даже адъ. Садись, пожалуйста.

Онъ пододвинулъ Вендлю кресла, въ мягкой кожѣ которыхъ тотъ, съ

удовольствіемъ усталости, утопилъ горбъ свой. Оглядывая знакомую обстановку, Вендль остановилъ глаза на обновкѣ: великолѣпномъ книжномъ шкафѣ, еще безъ книгъ, краснаго дерева, въ стилѣ empire, съ бронзовыми колонками и каріатидками ручной работы, поддерживающими углы верхняго и средняго карниза.

— Ба! новый шкафъ?

— Новый.

— Хорошая вещь. Я третьяго дня на выставкѣ видѣлъ подобную модель.

Симеонъ съ довольнымъ видомъ осклабилъ, между черными, будто нарисованными, усами и такою же, чуть сѣдьющею бородкою а l'Henri IV, два серпа превосходныхъ бѣлыхъ зубовъ, острыхъ, сильныхъ, волчьихъ. Онъ былъ польщенъ, что Вендль, знатокъ въ вещахъ такого рода, одобряетъ его покупку.

— Да это та самая модель и есть, — сказалъ онъ, улыбаясь. — Когда покупалъ, мнѣ говорили, что ты хвалилъ. Потому и купилъ.

— Тысяча?

— Тысяча сто пятьдесятъ.

Вендль съ уваженіемъ склонилъ голову.

— Деньги-съ!

Симеонъ бросилъ на него подозрительный взглядъ, точно вдругъ усумнился въ искренности похвалы, и буркнулъ, нахмураясь:

— Пора и мнѣ пожить въ свое удовольствіе.

Вендль, улыбаясь, закурилъ сигару.

— Разумѣется... Отдыхай, братъ, отдыхай!.. Ты теперь, въ нѣкоторомъ родѣ, покоишься на лаврахъ... Сегодня былъ я у Эмилиі Ѳедоровны. Говорила, что можно поздравить тебя съ окончаніемъ всѣхъ хлопотъ?

Симеонъ гордо выпрямился — такъ, что даже сталъ казаться большого роста:

— Да. Завѣщаніе дяди окончательно утверждено.

— Процессъ, значить, больше не грозитъ?

— Да, господинъ Мерезовъ остался съ носомъ.

— Удивительно это все!

Симеонъ посмотрѣлъ на него мрачными глазами, опять сдѣлался антипатиченъ и некрасивъ, уменьшился въ ростъ и проворчалъ:

— Ничего нѣтъ удивительнаго,

— Ну, нѣтъ, Симеонъ, не скажи. Удивительнаго много. Въ клубѣ до сихъ поръ не хотятъ вѣрить, что все досталось тебѣ.

— Потанцовалъ я вокругъ дяденькина одра то! — угрюмо возразилъ Симеонъ.

— Да, — но Мерезовъ былъ фаворитъ, а васъ, Сарай Бермятовыхъ, покойникъ терпѣть не могъ, это всѣ знали.

Симеонъ поднялъ на Вендля взглядъ — торжествующій, ясный, ястребиный взглядъ хищника, зажавшаго въ когтистыя лапы свои неотъемлемую добычу.

— Вольно же дураку Мерезову, когда богатый дядя умираетъ, рыскать гдѣ то тамъ въ Монтекарло или по парижскимъ бульварамъ.

Вендль невольно отвелъ глаза. Жесткій, холодный взглядъ, тяжелый, хладнокровно ненавистный голосъ нехорошо давилъ на его мягкую добродушную натуру. Презрѣніе этого грубаго побѣдителя къ простосердечному побѣжденному оскорбило его деликатность. Ему захотѣлось слегка наказать злые глаза за жестокость, голосъ за спокойствіе торжествующей ненависти.

— Обставился ты недурно, — насмѣшливо

сказаль онъ, — но одной вещицы у тебя въ кабинетѣ не хватаетъ.

— Именно? — насторожился Симеонъ.

— Хорошаго портрета Эмилиі Федоровны Вельсь. Я бы, на твоёмъ мѣстѣ, стѣнной зака- залъ и рядомъ съ иконами его во весь ростъ въ кіотъ поставилъ.

Всѣ эти ироническія слова Симеонъ выслу- шаль совершенно невозмутимо.

— Не спорю, подрадѣла она мнѣ вояжемъ своимъ, — равнодушно согласился онъ.

— А это правду рассказываютъ, — поддраз- ниваль Вендль, — будто на вояжъ этотъ ты ей денегъ далъ, лишь бы она увезла Васю Мере- зова?

Симеонъ такъ же равнодушно поправилъ:

— Не далъ, а досталь. Это я теперь могу да- вать, а тогда нищій былъ. Она просила, я до- сталъ. А кто куда за чьимъ хвостомъ треплет- ся, я знать не обязанъ.

— Да теперь и не все ли равно? — усмѣхнулся Вендль. — Побѣдителей не су- дятъ.

Симеонъ стоялъ у письменнаго стола, вы- прямившись съ видомъ гордымъ и мрачны-

мъ, какъ вызывающій борець, который знаетъ, что публика его не любитъ и охотно ждетъ его пораженія, но ему все равно: онъ знаетъ свои силы и пойдетъ на арену бороться, на зло всѣмъ имъ, этимъ недоброжелающимъ.

— Я человекъ, можетъ быть, грубый, но прямой, — сказалъ онъ наконецъ. — Скрывать не хочу и не стану. Конечно, наследство я фуксомъ взялъ. Завѣщаніе въ мою пользу дядя написалъ со зла, подъ горячую руку, когда Мерезовъ ужъ очень взбѣсилъ его своимъ безпутствомъ.

Вендль смотрѣлъ на него съ участіемъ.

— Ты пожелтѣлъ и тебя какъ-то дергаетъ, — замѣтилъ онъ.

Симеонъ пожалъ плечами.

— Любезный мой, — тономъ даже какъ бы хвастливаго превосходства возразилъ онъ, — я продежурилъ нѣсколько лѣтъ, а послѣдніе слишкомъ два года почти безвыходно, при больномъ, свирѣпомъ старичишкѣ на положеніи только что не лакея. Это не сладко.

— Особенно при твоёмъ характерѣ.

— Каждый день, каждый часъ я дро-

жалъ, — говорилъ Симеонъ, и голосъ его, въ самомъ дѣлѣ, дрогнулъ на словахъ этихъ, — что дядя смѣнить гнѣвъ на милость, и господинъ Мезеровъ пустить меня босикомъ по морозу.

— Я не выдержалъ бы! — улыбнулся Вендль. — Чертъ и съ наслѣдствомъ!

— Два года я сидѣлъ, какъ въ помойной ямѣ. Только и глотнулъ свѣжаго воздуха, когда ѣздилъ въ Казань, по старикову же приказу, продавать домъ.

— Мезеровъ тогда былъ уже за границей? — послѣ нѣкотораго молчанія, спросилъ Вендль.

Симеонъ опять пожалъ плечами: какъ, молъ, этого не понимать?

— Развѣ иначе я рискнулъ бы уѣхать? И то лишь потому рѣшился, что могъ приставить къ кладу своему надежнаго дракона.

— Любезновѣрную Епистимію? — засмѣялся Вендль.

— Да. У нея къ фамиліи нашей — собачья привязанность.

— А къ тебѣ наипаче?

Симеонъ тоже удостоилъ улыбнуться,

— Ко мнѣ наипаче.

— Шаливали смолоду-то, — я помню!

— Студенческихъ дней моихъ
утѣшительница! — презрительно скривился
Симеонъ.

Вендль вздохнулъ.

— Романтизмъ этотъ въ ихней сестрѣ какъ-то долго живетъ.

Симеонъ согласно двинулъ бровями.

— И въ дѣвкахъ-то изъ-за меня осталась.
Горда была, что съ бариномъ любилась, такъ не захотѣла уже итти въ чернь.

Примолкли, и оба долго слушали тихій, мягкій бой столовыхъ французскихъ часовъ, изображавшихъ Сатурна, тоскливо махающего надъ Летою маятникомъ косою, каждый отдѣльно думая свои отдѣльныя думы.

— Ты въ ней вполнѣ увѣренъ? — возвысилъ голосъ Вендль, и было въ тонѣ его нѣчто, заставившее Симеона насторожиться. Онъ подумалъ и отвѣчалъ медленно, съ разстановкой:

— Вполнѣ вѣрить я не умѣю никому.

Примолкли. Симеонъ ждалъ, а Вендль конфузился.

— Обь этой казанской поѣздкѣ твоей сплетни ходятъ, — нерѣшительно намекнулъ онъ, наконецъ. Симеонъ пренебрежительно отмахнулся.

— Знаю. Чепуха.

Но Вендль ободрился и настаивалъ.

— Увѣряютъ, будто старикъ въ твое отсутствіе переписалъ-таки завѣщаніе въ пользу Мерезова.

— Гдѣ же оно? — усмѣхаясь, оскалилъ серпы свои Симеонъ.

— То-то, говорятъ, твою Епистимію надо спросить.

Послѣдовало молчаніе. Сатурнъ стучалъ надъ Летою косою. И когда онъ достучалъ до боя, и часы стали звонить восемь, Симеонъ, медленно ходившій по кабинету своему, медленно погасилъ въ пепельницѣ докуренную папиросу и заговорилъ глухо и важно:

— Борьба за состояніе покойнаго дяди изсушила мое тѣло, выпила мою кровь, отравила мой умъ, осквернила мою душу. Если-бы дядя, послѣ всѣхъ жертвъ моихъ, угостилъ меня такимъ сатанинскимъ сюрпризомъ, я, можетъ быть, задушилъ бы его, либо Ваську

Мерезова, я, можетъ быть, пустиль бы себѣ пулю въ лобъ. Но выкрасть завѣщаніе... брр... Я, милый мой, Сарай-Бермятовъ.

— Еще бы! — радостно подхватилъ Вендль.

А Симеонъ, угрюмо улыбаясь, говорилъ:

— Я сейчасъ, какъ Лорисъ-Меликовъ. Взяль Карсъ штурмомъ, — нѣтъ, не вѣрятъ, говорятъ: врешь, армяшка! купилъ за милліонъ!

— Только не я. Преклоняюсь передъ фактомъ и покорно кричу: да здравствуетъ Симеонъ Побѣдитель!

Симеонъ сдѣлалъ скучливую гримасу и, опять закуривъ папиросу, опустился съ нею на диванъ у окна.

— Прибавь: побѣдитель въ одиночку. Потому что съ нелѣпою оравой моихъ братьевъ и сестрицъ — не чужое завоевать, а гляди въ оба, — своего бы не потерять.

— Да, твои братья... признаться... — сомнительно началъ добродушный и всеизвиняющій Вендль. Но Симеонъ холодно оборвалъ:

— Мразь!

Вендль сконфузился.

— Н-ну... ужъ ты слишкомъ.

Симеонъ все такъ же холодно утвердилъ:

— Вырожденцы, поскребыши, безнадежники, глупцы. Я очень радъ, что они не женятся. Лучше прекратить родъ, чѣмъ плодить психопатовъ.

— Викторъ — не психопать, — заступился Вендль.

Но Симеонъ ему и Виктора не уступилъ.

— Такъ соціалистъ, революціонеръ, анархистъ, коммунистъ или — какъ ихъ тамъ еще? Его скоро повѣсятъ.

Лицо его пожелтѣло и приняло выраженіе угрюмой сосредоточенности. Вендль наблюдалъ его и думалъ, что, если когда-нибудь Виктора въ самомъ дѣлѣ стануть вѣшать, и отъ Симеона зависѣть будетъ спасти, то врядъ ли онъ согласится хотя бы только ударить для того пальцемъ о палець. Симеонъ молча докурилъ папиросу и перешелъ черезъ комнату, чтобы аккуратно потушить ее въ той же пепельницѣ на письменномъ столѣ. Потомъ сталъ передъ Вендлемъ, заложилъ руки въ карманы брюкъ и, съ рѣшающимъ дѣломъ вызовомъ, сказалъ:

— Я смотрю на себя, какъ на послѣдняго

изъ Сарай-Бермятовыхъ.

— До женитьбы и собственныхъ дѣтей?

Симеонъ кивнулъ головою.

— Да, теперь я женюсь и хорошо женюсь.

— Доброе дѣло. Пора.

— Скажи лучше: позднеенько.

— Гдѣ же? Мы съ тобою однокурсники, а мнѣ еще нѣтъ сорока.

Симеонъ горько усмѣхнулся.

— Хорошъ женихъ — въ сорокъ лѣтъ! Но что дѣлать? Раньше я не имѣлъ права. Я никогда не могъ вообразить ее — въ бѣдности, безъ комфорта.

— Ахъ, — удивился Вендль — такъ и невѣста уже есть на примѣтъ? Не зналъ. Поздравляю!

— Не съ чѣмъ, — спокойно возразилъ Симеонъ. — Я еще самъ не знаю, кто она будетъ.

— Позволь, ты сказалъ...

Симеонъ объяснилъ:

— Жену свою вообразить бѣдной не могу я. Понимаешь? Вообще жену, кто бы она ни была.

— Такъ женился бы на богатой, — усмѣхнулся Вендль. — Съ твоей фамиліей —

легко. Симеонъ, стоя у новаго шкафа, медленно качалъ головою и говорилъ съ глубокимъ убѣжденіемъ.

— Это я за подлость считаю. Богатъ долженъ быть я, а не жена. Пусть она будетъ мнѣ всѣмъ обязана, какъ птичка въ готовомъ гнѣздѣ.

Онъ любовно погладилъ красивое гладкое, точно кровью облитое, дерево шкафа цѣпкою рукою своею, съ крѣпкими, нервными, чуть изогнутыми пальцами когтями, и продолжалъ мягкимъ, пониженнымъ голосомъ:

— Когда я женюсь, Вендль, ты не узнаешь меня. Я всю душу свою вложу въ семью мою.

— Милый мой, да ты, оказывается, тоже идеалистъ въ своемъ родѣ? — насмѣшливо удивился Вендль.

— Я семьянинъ по натурѣ. Настолько люблю семью, что до сихъ поръ не смѣлъ приближаться къ ея святынѣ. А, между тѣмъ, я мечтаю о женитьбѣ съ восемнадцати лѣтъ. И въ университетѣ, и послѣ... всегда! Объ этакой, знаешь ли, простой, красивой, дворянской женитьбѣ, по тихой, старомодной любви, которая теплится, какъ лампадка предъ иконою.

— Да, — усмѣхнулся Вендль. — Это хорошо, что ты наслѣдство получилъ. Въ наше время подобной лампадки безъ пятисотъ тысячъ не засвѣтишь.

Симеонъ не слушалъ его ироническихъ а parte. Гладя и лаская любезный шкафъ свой, онъ задумчиво говорилъ, глядя въ полировку, какъ въ зеркало:

— Странна моя судьба, Вендль. Я — семьянинъ, а къ сорока годамъ пришелъ старымъ холостякомъ. Всю жизнь я маялся, какъ добычникъ, по ненавистнымъ го родамъ, а вѣдь я, весь, человекъ земли. Съ головы до ногъ — баринъ. Хозяинъ. Усадебникъ.

— Идилліи жаждешь?

Симеонъ одобрительно склонилъ голову.

— Да, чегонибудь вродѣ семьи Ростовыхъ изъ «Войны и Мира» или хоть Левиныхъ въ «Аннѣ Карениной».

Вендль, съ усмѣшкою, возразилъ:

— Боюсь, мой другъ, что въ усадьбѣ Левина сей часъ стоитъ усмирительный отрядъ, а клавесинъ Наташи Ростовой перепиленъ по поламъ пейзажами во время аграрнаго погрома.

Но Симеонъ продолжалъ мечтать — и даже лицомъ прояснѣлъ.

— Десятинъ триста верстахъ въ пятнадцать отъ желѣзной дороги. Старинный барскій домъ. Липовая аллея. Конскій заводъ. Патріархальные сосѣди. Подъ большіе праздники — домашняя всенощная.

— Или — красный пѣтухъ, — вставилъ неумолимый Вендль.

— По воскресеньямъ — семейный выѣздъ въ церковь...

— Если въ субботу мужички не подсѣкли лошадямъ ножныя сухожилія.

— Встрѣчные крестьяне кланяются...

— Ну, ужъ это — изъ историческаго музея!

Симеонъ очнулся, какъ отъ сна, мрачно взглянулъ на Вендля, искажился лицомъ и сказалъ, тряхнувъ въ воздухъ кулакомъ, точно кузнецъ молотомъ:

— У меня закланяются.

Въ то время, какъ Симеонъ и Вендль бесѣдовали о дѣлахъ своихъ въ кабинетѣ, а въ залѣ шумѣла и спорила вокругъ младшихъ братьевъ Сарай-Бермятовыхъ, исключеннаго студента Матвѣя и не только исключеннаго, но и разыскиваемаго техника Виктора, пестрая, разношерстная, мужская и женская, учащая молодежь, — въ одной изъ проходныхъ комнатъ между кабинетомъ и заломъ, почти безмебельной и съ повисшими въ лохмотьяхъ, когда-то дорогими обоями, тускло освѣщенной малосильною лампою подъ зеленымъ абажуромъ, лежалъ на весьма шикарной, дорогимъ краснымъ мебельнымъ бархатомъ обитой, кушеткѣ, прикрытый полосатымъ тонкимъ итальянскимъ одѣяломъ изъ шелковыхъ оческовъ, молодой человекъ лѣтъ 27, очень похожій на Симеона. Такой же желтый, черный, но съ еще болѣе безпокойнымъ, раздражительно подвижнымъ взглядомъ, ни секунды не стоявшимъ твердо, все блуждавшимъ, — безцѣльно и какъ бы съ досадою невольной каждый разъ ошибки, — съ

предмета на предметъ... Словно глазамъ молодого человѣка встрѣчалось все не то, что надо, а того, что онъ, въ самомъ дѣлѣ, искалъ, никакъ не могъ вокругъ себя найти. Подлѣ, на вѣнскомъ стулѣ, сидѣлъ офицеръ въ пѣхотномъ мундирѣ, грузный блондинъ между тридцатью и тридцатью пятью годами, краснолицый, долговязый и преждевременно лысоватый со лба и висковъ, что дѣлало огромными уши его, совсѣмъ ужъ не такъ большія отъ природы. Первое впечатлѣніе отъ офицера этого было: вотъ такъ баба въ мундирѣ! И, только внимательно вглядываясь въ его ранѣе времени состарѣвшееся, нетрезвое лицо, можно было открыть въ уголкахъ губъ подъ темнорыжими усами, въ разрѣзѣ добродушныхъ желтокрасныхъ глазъ, въ линіи татарскихъ скулъ, нѣчто какъ будто тоже Сарай-Бермятовское, но расплывшееся, умягченное, безхарактерное... Офицеръ былъ второй по старшинству за Симеономъ, братъ, — Иванъ Сарай-Бермятовъ, лежащій молодой человѣкъ — третій, Модестъ. Въ семьѣ Сарай-Бермятовыхъ они двое составляли, такъ сказать, среднюю группу.

Много младше Симеона и много старшіе остальныхъ братьевъ и сестеръ, они жили обособленно отъ перваго и другихъ и были очень дружны между собою. То есть, вѣрнѣе сказать: Иванъ былъ нѣжнѣйше влюбленъ въ брата Модеста, котораго искренно считалъ умнѣйшимъ, ученѣйшимъ, красивѣйшимъ, изящнѣйшимъ и благороднѣйшимъ молодымъ человекомъ во всей вселенной. А Модестъ благосклонно позволялъ себя обожать, весьма деспотически муштруя за то податливаго Ивана.

Сейчасъ между ними происходилъ довольно горячій споръ. Модестъ вчера вернулся домой поздно и, по обыкновенію пьяный. Утромъ съ похмелья былъ злой. А, со злости, принялся, за чаемъ, дразнить старшую сестру, юную красавицу Аглаю, нарочно рассказывая ей невозможно неприличные анекдоты, такъ что та расплакалась и, — бросивъ въ него полотенцемъ, — ушла вонъ изъ комнаты. А Модестъ, отъ злости-ли, отъ стыда-ли за себя, вытащилъ изъ буфета графинъ съ коньякомъ и опять напился. И вотъ теперь, снова выспавшись, дрожить отъ алкогольной лихорадки и

нервничаетъ, кутаясь въ итальянское полосатое шелковое одѣяло. Иванъ уговаривалъ Модеста извиниться предъ сестрою, когда Аглая вернется изъ поѣздки: она, въ номинальномъ качествѣ хозяйки дома, вотъ уже въ теченіе цѣлой недѣли уѣзжала каждое утро на поиски дачи и возвращалась только съ вечернимъ поѣздомъ, послѣ десяти часовъ. Модестъ капризничалъ, доказывая, что Аглая сама оскорбила его, бросивъ въ него полотенцемъ, а что онъ — рѣшительно ничѣмъ не виновать:

— Что за лицемѣріе? Читаетъ же она Кузьмина и Зиновьеву-Аннибаль... Я выражался очень сдержанно... У нихъ все это изображено откровеннѣе.

— Неловко такъ, Модестъ. Ты уже слишкомъ. Все таки, сестра... дѣвушка...

Модестъ сильно повернулся на кушеткѣ своей и, приподнявшись на локтѣ, сказалъ съ досадою:

— А чортъ-ли ей велить оставаться въ дѣвушкахъ? Шла бы замужъ. Чего ждетъ? Дяденька помре. Завѣщаніе утверждено. Приданое теперь есть.

Иванъ потупился и скромно возразилъ:

— Не велики деньги, Модестъ. По завѣщанію дяди, Аглаѣ приходится всего пять тысячъ.

Модестъ презрительно засмѣялся и сдѣлалъ гримасу.

— Отче Симеонтій изъ своихъ прибавить. Ему выгодно поскорѣе свалить съ плечъ обузы опеки родственныхъ. Недолго намъ въ кучѣ сидѣть.

— Да, — вздохнулъ Иванъ, — разлетимся скоро. Сестры — замужъ, я — за полкомъ, куда-нибудь на западную границу...

— Матвѣй и Викторъ — въ тюрьму, либо на каторгу, — въ тонъ ему продолжалъ Модестъ.

— Типунъ тебѣ на языкъ.

Но Модестъ, смѣясь, откинулся на спину и, потягиваясь, какъ молодой котъ, сказалъ съ убѣжденіемъ и удовольствіемъ:

— Одинъ я при Симеонѣ до конца жизни своей пребуду.

— Врядъ-ли, — возразилъ Иванъ, качая облысѣлой и оттого ушастой головой. — Не очень-то онъ тебя обожаетъ.

— Именно потому и не уйду отъ него. Нуженъ же ему какой-нибудь тернъ въ лаврахъ его побѣднаго вѣнца. Вотъ мнѣ и амплуа. Онъ въ Капернаумъ — я въ Капернаумъ. Онъ во Іерихонъ, и я во Іерихонъ. Какъ бишь это? Триумфаторъ Цезарь! Помни, что ты все таки человѣкъ... Я его! Вотъ ты увидишь, Жанъ Вальжанъ: я его!.. Дай ка мнѣ папиросу!

Онъ лежалъ, курилъ и, молча, улыбался.

Иванъ долго мялся на стулѣ своемъ. Наконецъ спросилъ:

— Ты уже рѣшилъ, какъ устроить капиталъ свой?

— Наслѣдственный-то? — небрежно откликнулся Модестъ.

— Благопріобрѣтеннаго, сколько мнѣ извѣстно, ты не имѣешь.

— Уже устраиваю. Черезъ банкъ Эмилиі Вельсъ и К°.

Иванъ не то испуганно, не то восторженно вытаращилъ наивные глаза свои.

— Фю-ю-ю! На мѣсяцъ хватить!

— За то воспоминаній и мечты — потомъ на всю жизнь.

Модестъ зѣвнулъ, закрылъ глаза и продол-

жалъ, закинувъ руки за голову:

— На что мнѣ капиталъ, Иванъ? Диванъ и мечта вотъ все, что мнѣ нужно.

— Мечтою сытъ не будешь.

— Буду. Отче Симеонтій не допуститъ, чтобы Модестъ Сарай-Бермятовъ, родной братъ его, босячилъ на Толкучкѣ. Noblesse oblige. И одѣнетъ, и обуетъ, и кровь дастъ.

— Со скрежетомъ зубовнымъ.

— Это наплевать.

Умолкли. Модестъ дремалъ. Иванъ смотрѣлъ на него съ любовью и тоскливо, нѣжно, подъ тихую лампу, думалъ. Потомъ сказалъ:

— Какъ странно, что ты и Симеонъ — дѣти однихъ родителей.

— По крайней мѣрѣ, одной матери, — лѣниво отозвался Модестъ. — Производители достовѣрны только въ государственномъ коннозаводствѣ. Тамъ контроль.

Иванъ покраснѣлъ и, въ самомъ дѣлѣ недовольный, замѣтилъ почти басомъ, стараясь быть учительнымъ и суровымъ:

— Аглая права: ты становишься невозможень.

А Модестъ говорилъ лѣниво, точно бреди-
ль:

— Я — мечтательная устрица. При чемъ тутъ былъ почтенный родитель, утверждать не смѣю. Но, что касается мамыши, полагаю, что она родила меня исключительно для семейнаго равновѣсія, устыдясь, что раньше дала жизнь такому волку, какъ Симеонъ. Міръ, другъ мой Ваня, красенъ встрѣчею контрастовъ.

— О, въ такомъ случаѣ, наша семья — красавица изъ красавиць! — засмѣялся Иванъ...

А Модестъ продолжалъ:

— Подросткомъ, я любилъ миѳологію, потому что она — міръ контрастовъ. Быкъ похищаетъ Европу, Пазифая влюбляется въ быка. Кентавры, сфинксы. Я благодаренъ Симеону, что онъ далъ мнѣ классическое образованіе. Оно развило мою фантазію и выучило меня мечтать. Половина тѣла — женщина, половина — левъ со змѣинымъ хвостомъ... Помнишь, въ университетѣ я писалъ рефератъ о шабашахъ вѣдьмъ?

— Раньше, кажется, о нравахъ во Франціи при регентѣ?

— Начиналь.

— И о маркизъ де-Садъ? — чуть улыбнулся Иванъ.

— Было, — кивнулъ Модестъ.

— Темы у тебя!

— Кого что интересуеть, — холодно возразилъ Модестъ и ловко швырнулъ папиросу черезъ комнату на мѣдный листъ у печки. Иванъ, качая головою, такъ что она ушами, какъ лопастями мельничнаго крыла, размахивала на стѣнной тѣни, говорилъ съ упрехомъ:

— Да ужъ хоть бы кончалъ. А то все — начала да наброски, вступленія да отрывки

Модестъ согласно киваль носомъ въ тактъ его словамъ: знаю, молъ, что скажешь, все заранѣе знаю! Не трудись! И — искреннимъ, довѣрчивымъ голосомъ, нисколько не похожимъ на тотъ, которымъ онъ говорилъ раньше, — носовой, искусственно насмѣшливый, условный, точно у актера, играющаго фатовъ на сценѣ, отвѣчалъ:

— У меня слишкомъ быстрое воображеніе. Формы чудовищныхъ контрастовъ летятъ, обгоняютъ слова. Образы остаются въ головѣ,

лѣнясь выскользнуть на бумагу. Я не писатель, я мечтатель. Грезу я чувствую осязательно, какъ знаешь, бываетъ во снѣ. Я не думаю, чтобы въ Европѣ былъ поэтъ, который жилъ бы въ такой яркой смѣнѣ образовъ, какъ я. Но все это остается у меня въ мечтѣ, въ думѣ, въ головѣ. Слова трудны и бѣдны, а перо скучно и мертво.

— Отъ подобныхъ мечтаній, мой милый, недолго съ ума сойти, — нравоучительно замѣтилъ Иванъ. Модестъ засмѣялся.

— Эка чѣмъ испугаль! Да, можетъ быть, я уже сошелъ?

— Нехорошо. Запрутъ! — погрозилъ Иванъ. Модестъ, словно серьезно прося, качалъ головою съ видомъ насмѣшливо-укоризненной самозащиты въ дѣлѣ, заранѣе и увѣренно выигранномъ:

— Ну, вотъ? кому мѣшаетъ смирный сумасшедшій? О, люди! Оставьте Модеста Сарай-Бермятова его дивану и миѳологіи и идите прочь.

— Но, въдѣ, въ одинъ прескверный день, вставши съ дивана, ты въ состояніи продѣлать такую миѳологію, что всѣ прокуро-

ры ахнуть?

Модестъ посмотрѣлъ на брата внимательно, нахмурился и отвелъ глаза.

— Гм... А ты, Иванъ, однако, не такъ наивенъ, какъ кажешься. Но... Ваня! оставь сомнѣнья! — заплъль онъ изъ «Лоэнгрина». — Нѣтъ. Я трусь. Воображеніе никогда не диктуетъ мнѣ желаній, настолько сильныхъ, чтобы перейти въ дѣйствиѣ. Съ меня совершенно достаточно моего бреда.

— И съ женщинами ты такъ?

— Больше, нежели въ чемъ либо другомъ... Меня еще въ гимназіи Воображалкинымъ прозвали... Помнишь, товарищи, въ седьмомъ, восьмомъ классѣ уже непремѣнно женщинъ знали... иные съ пятого начали. По публичнымъ домамъ скитались, горничныхъ, швеекъ подманивали... Я никогда...

— Не то, что теперь? — поддразнилъ Иванъ, ухмыляясь и шевеля темно-рыжими усами.

Но Модестъ возразилъ съ сильною досадою:

— А что теперь? То же, что и тогда...

Иванъ искренно расхохотался и возрази-

ль:

— Извини меня, Модестъ, но это отъ тебя смѣшно слушать. Словно я тебя не знаю? Не мало вмѣстѣ валандались. Такихъ распутныхъ, какъ ты, поискать.

— А полно, пожалуйста! — съ досадою возразилъ Модестъ, нетерпѣливо шевелясь на кушеткѣ. — Много ты понимаешь... Создали ложную репутацію и носятся! Воображаютъ! Подумаешь, за что!.. У насъ это легко... Раздѣль челоуѣкъ спяну женщину въ заведеніи до совершеннаго декольтэ, да вылилъ на нее бутылку шампанскаго, чтобы посмотрѣть, какъ золотое вино течетъ по розовой кожѣ, — вотъ ужъ и готовъ Калигула, а то и весь Неронъ.

— Однако, согласиись, цѣломудренный братъ мой, не всякій же и на подобныя души посягаетъ. Надо имѣть особое предрасположеніе, чтобы находить удовольствіе...

— Ахъ, оставь! Раздражаешь... Терпѣть не могу, когда люди говорятъ о томъ, въ чемъ они не смыслятъ, извини меня, ни уха, ни рыла, и повторяютъ мѣщанскую ерундовую мо-

раль... Предрасположеніе какое-то выдумаль — надо имѣть!.. Дай папироску!

Онъ закрыль глаза и, куря, ворчалъ сквозь зубы:

— Предрасположенія-то — увы! — сколько угодно... Ты думаешь: я на предрасположеніе свое сердить? Напротивъ, очень папенькѣ съ маменькою благодаренъ. Чрезъ то, что ты называешь предрасположеніемъ, мнѣ только и интересно жить. Я наблюдаю себя и открываю въ себѣ цѣлый міръ... цѣлый адъ... Понимаешь? Глядѣться въ адъ — это жутко и хорошо... Предрасположеніе — это зазорный лучъ поэзіи, падающій въ черную глубину души. Но — вотъ, что касается воли... дѣйственаго импульса осуществляющей воли...

Онъ глубоко вздохнулъ и живо заговорилъ, дымя папироской:

— Повторяю тебѣ: я трусь... Воображалкинъмъ во шель въ жизнь — Воображалкинымъ и уйду изъ нея... Засидѣвшихся въ дѣвахъ барышенъ дразнятъ, что онѣ все карты раскидываютъ на трефоваго короля... Вотъ и я такъ-то гадаю, братъ мой... У какого это писате-

ля чиновники, вмѣсто игорныхъ картъ, играли въ винтъ фотографическими карточками?

— У Чехова.

— Развѣ? Я ожидалъ: новѣе. Кой чортъ? Неужели я еще Чехова помню? Вѣдь это столѣтъ тому назадъ! Впрочемъ, тебѣ и книги въ руки. Вы, офицерство, ужасные консерваторы. Если читаете, то непременно какое-нибудь старье... Такъ вотъ, любезный братъ мой Иванъ, у меня въ головѣ, изо дня въ день, изъ часа въ часъ, идетъ такая же воображаемая игра фотографическими карточками. И каждый, а въ особенности каждая, кто становится мнѣ извѣстенъ, непременно попадаетъ въ эту мою фантастическую колоду и начинаетъ играть въ ней извѣстную роль... Понимаешь? Вотъ гдѣ, если тебѣ угодно знать, я, дѣйствительно, могу быть развратенъ. Ты не повѣришь, какіе смѣлые ходы я придумываю въ этихъ воображаемыхъ фотографическихъ пасьянсахъ моихъ, въ какой дерзкій и безстыдный шабашъ способенъ я смѣшать мою колоду... И этотъ бредъ волнуетъ меня, Иванъ, — признаюсь тебѣ: это волнуетъ и удовлетворяетъ...

Онъ подумалъ и, сильно куря, прибавилъ:

— Больше, чѣмъ настоящее, живое, больше, чѣмъ жизнь... Ты меня видалъ въ аѳинскихъ ночахъ, — и, вонъ, аттестацію даже выдаешь, что я исключительно распутенъ... Но если-бы я могъ рассказать тебѣ, показать, какъ все это у меня въ мозгу сплетается, свивается и танцуетъ... вотъ тогда бы ты понялъ, гдѣ онъ — настоящій то изобрѣтательный восторгъ наслажденія... Тѣло наше дрянъ, Иванъ! что можетъ тѣло? Грѣшитъ до дна умѣетъ только мысль. Когда мысль — одинокая мысль тонетъ въ вождельніяхъ, какая тамъ къ чорту, въ сравненіи, нужна тебѣ аѳинская ночь!..

— Ты сойдешь съ ума, Модестъ! ты сойдешь съ ума! — печально твердилъ Иванъ, глубокомысленно качая головой.

Модестъ не отвѣчалъ. Иванъ конфузно потупился.

— Тогда я не понимаю, — робко сказалъ онъ. — Тогда... вотъ ты говорилъ на счетъ капитала... Тогда зачѣмъ тебѣ тратиться на Миличку Вельсъ?

— Ба! — небрежно возразилъ Модестъ. —

Да вѣдь она, если хочешь, тоже что-то вродѣ бреда. Жрица богини Истаръ. Я положительно убѣжденъ, что уже зналъ ее три тысячи лѣтъ тому назадъ въ Сузахъ.

Онъ сѣлъ на кушеткѣ, сбросивъ съ ногъ одѣяло, и весело посмотрѣлъ на Ивана оживившимися, значительными глазами.

— Знаешь, — почти радостнымъ голосомъ сказалъ онъ, — знаешь? Вотъ я вижу: ты меня ея любовникомъ считаешь. А вѣдь, между тѣмъ, вотъ тебѣ честное слово: я никогда ея не имѣлъ. Если, конечно, не считать того, что было между нами въ Сузахъ.

Иванъ пожалъ плечами.

— Еще глупѣе.

Модестъ отвернулся отъ брата съ презрительнымъ вздохомъ, опять вытянулся вдоль кушетки и произнесъ менторскимъ тономъ, лежа къ Ивану спиной:

— Глупъ ты. Не понимаешь мучительныхъ восторговъ неудовлетворяемой жажды. Ты никогда не испытывалъ желанія прибить женщину, къ которой у тебя страсть?

Иванъ смутился.

— Да съ какой же стати?

— Никогда? — капризнымъ голосомъ настаивалъ Модестъ.

Иванъ даже бурый сталъ отъ румянца.

— Видишь-ли... Если хочешь... То есть... Вскорѣ послѣ производства... въ полку...

— Ну? — живо обернулся къ нему Модестъ.

— Да ничего особеннаго... Одна этакая... ну, дѣвка то есть... часы у меня стащила...

— Ну? — уже разочарованно повторилъ Модестъ.

— Ну, не выдержалъ, далъ по рождѣ. Не воруи.

— Въ кровь? — жадно спросилъ Модестъ, какъ бы хватаясь хоть за сію-то послѣднюю надежду на сильное ощущеніе.

— Сохрани Богъ! — съ искреннимъ испугомъ воскликнулъ Иванъ. — Что ты! Я и то потомъ чуть со стыда не сгорѣлъ.

— Слизнякъ!.. — со вздохомъ отвернулся Модестъ и долго молчалъ. Потомъ, окружаясь дымомъ, произнесъ порывисто и глухо, такъ что даже напомнилъ манеру Симеона:

— Когда я съ Эмилией, мнѣ хочется только бить ее.

— Неужели позволяетъ? — изумился

Иванъ.

Этотъ простодушный вопросъ засталъ Модеста врасплохъ.

— М-м-м... — промычалъ онъ. — Я мечтаю, что позволяетъ.

— То-то... — столь же простодушно успокоился Иванъ. — У нея такіе глаза, что скорѣе отъ самой дождешься.

Но Модестъ уже оправился, найдя подходящую карту въ фантастической колодѣ своей, и возразилъ съ упоеніемъ:

— Въ этомъ то и шикъ. Мечтать, будто ты истязаетъ гордое и властное существо, это настолько прекрасно и тонко, что ты не въ состояніи даже вообразить своими бурбонскими мозгами. Ты объдаешь у нея завтра?

— Куда мнѣ съ вами!.. Вы — большіе корабли, а я маленькая лодочка.

— Послѣ объда навѣрное будутъ тройки. Дай-ка мнѣ займы рублей пятьдесятъ.

— Ей Богу, у самого — только десять, — сконфузился Иванъ. — Если хочешь, возьми семь. Я какънибудь... того... ничего... трешницей обойдусь.

— Чортъ съ тобой. Возьму у Скорлупкина.

Этотъ болванъ всегда при деньгахъ.

— Съ тридцати-то рублеваго жалованья?

— А хозяйскій ящикъ на что? Всѣ приказчики воры.

— Гмъ... — замялся Иванъ. — Одолжаться подобными деньгами щекотливо, Модестъ.

— Деньги — не дворяне, родословія не помнятъ, — спокойно зѣвнуль Модестъ.

— Но — если ты самъ увѣренъ, что краденья?

— Нѣтъ, такого штемпеля я на нихъ не видалъ.

— Тогда — зачѣмъ бросать тѣнь на Скорлупкина?

— А что, онъ завянетъ, что-ли, отъ тѣни моей?

— Да, конечно, не расцвѣтетъ. Я не понимаю, какъ можно такъ неосторожно обращаться съ чужою репутаціей.

— Охъ, ты! Блаженъ мужъ, иже и скоты милуетъ!

— Скорлупкинъ совсѣмъ не скоть. Хотя необразованный и смѣшной немножко, но очень услужливый и милый молодой человекъ.

— Относительно челоѵчества его я оставляю вопросъ открытымъ, — зѵвая съ воемъ, сказалъ Модестъ. — А вотъ, что у него рыло красное и лакированное, — это вѵрно. И что, вмѵсто рукъ, у него красно-бурыя потныя копыта какія-то, это тоже сомнѵнїю не подлежитъ. И что, съ этимъ-то краснымъ рыломъ и этими-то копытами, онъ изволилъ влюбиться въ нашу Аглаю, — это безспорнѵйшая истина номеръ третїй.

— Есть! это есть! — добродушно засмѵлся Иванъ. — Этакїй комикъ!.. Очень замѵтно есть.

По лицу Модеста проползла странная больная гримаса, которую онъ поспѵшилъ скрыть въ шутовской, цинической усмѵшкѵ.

— Когда Аглая выйдетъ замужъ, — сказалъ онъ — погаснетъ большой ресурсъ моихъ скудныхъ средствъ. У меня правило: кто въ нее влюбленъ, — сейчасъ денегъ занять.

— До Григорїя Скорлупкина включительно?

— Почему нѵтъ? Влюбленный не хуже другихъ. Мнѵ онъ даже предпочтительно нравится. Я ему сочувствую. Я желалъ бы, чтобы

онъ имѣлъ успѣхъ. Аглая и онъ — это пикантно. Что-то изъ балета «Красавица и звѣрь».

Глаза у него, когда онъ говорилъ это, были туманные, испуганные, а голосъ глухой, лживый, скрывающій.

— И тутъ контрастъ? — усмѣхаясь, намекнулъ Иванъ на давешній разговоръ.

— И яркій, — сухо сказалъ Модестъ.

— Но безнадежный.

Модестъ долго молчалъ. Потомъ возразилъ тономъ холоднымъ и скучающимъ.

— Вотъ слово, котораго моя миѳологія не признаетъ.

Иванъ неодобрительно закачалъ головою.

— Пустословъ ты, Модестъ. Умнѣйшая ты голова, честнѣйшее сердце, образованнѣйшій человѣкъ, вотъ есть у тебя эта черточка — любишь оболгать себя пустымъ словомъ. Ну, хорошо, что говорится между нами, одинъ я слышу тебя. А, вѣдь, послушай кто посторонній, — подумаетъ, что ты, въ самомъ дѣлѣ, способенъ — такъ вотъ, для спектакля одного курьезнаго — родную сестру какому нибудь чучелѣ Скорлупкину отдать...

Модестъ лѣниво слушалъ, закинувъ руки

подъ голову, и улыбался презрительно, высокомерно.

— Такъ ты принимаешь это во мнѣ, какъ пустяя слова? — произнесъ онъ протяжно, полный неизмѣримаго превосходства. — Ахъ, ты младенецъ тридцатилѣтній! Ну, и да благо ти будетъ, и да будешь долголѣтенъ на земли... Дай-ка папиросу, младенецъ!

Онъ помолчалъ, закуривая. Потомъ продолжалъ важно, утрюмо:

— Иногда, мой любезный, я такъ пугаюсь себя, что мнѣ и самому хочется, чтобы это были только пустяя слова... Но... Есть что то, знаешь, темное, первобытное въ моей душѣ... какая то первозданная ночь... Ко всему, что въ ней клубится, что родственно мраку, гніенію, тлѣнію, меня тянетъ непреодолимою, противъ воли, симпатіей... Я человѣкъ солнечной вѣры, другъ Иванъ, я былъ бы счастливъ сказать о себѣ, какъ Бальмонтъ:

Я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть солнце...

Но — представь себѣ: я больше всего люблю видѣть, — наоборотъ — какъ солнце мерк-

нетъ и затмѣвается, какъ его поглощаетъ драконъ черной тучи, высланный на небо враждебною ночью... Когда я еще вѣрилъ и былъ богомоленъ, то часто, за обѣднею, дьяволъ смущалъ меня сладкою мечтою: какъ хорошо было бы перевернуть весь этотъ блескъ, золото, свѣтъ на сумракъ и кровь черной массы... Скажи, Иванъ: ты помнишь, какъ зародилась въ тебѣ первая половая мечта?

— Ну, вотъ, что вздумалъ спрашивать, — добродушно сконфузился Иванъ.

— Однако?

— Чортъ ли упомнить... глупости всякія...

— Нѣтъ, ты припомни!..

— Да, ей Богу, Модестъ... Что тутъ вспоминать?... Никогда ничего особеннаго... Я, вѣдь, не то, что вашъ братъ, утонченный челоуѣкъ...

— Да, вѣдь, не чурбанъ же ты, однако, и не звѣрь, которому природа указала для этихъ эмоцій инстинктивные сроки. Вѣдь всколыхнуло же въ тебѣ что нибудь идею пола, былъ какой-нибудь толчокъ, который однажды внезапно сдѣлалъ тебя изъ безполага мальчишки мужчиною и указалъ дорогу къ

наслажденію...

Иванъ, краснѣя и даже съ каплями пота на лбу, теръ ладонью свою раннюю лысину.

— Разумѣется, былъ...

— Ну?

— Да рѣшительно ничего нѣтъ интереснаго... какъ всѣ...

— Мнѣ интересно, — капризно, съ свѣтящимися глазами, приказаль Модестъ. — Я требую, чтобы ты рассказалъ... Мнѣ это надо. Какъ новый человѣческій документъ. Я теперь собираю коллекцію такихъ начинаній...

— Для твоего философскаго труда? — съ благоговѣніемъ спросилъ Иванъ.

Модестъ прикрыль глаза и съ растяжкой произнесъ:

— Да, для будущаго моего философскаго труда...

Противъ этого аргумента Иванъ уже никакъ не въ силахъ былъ протестовать: если-бы тѣмъ могъ содѣйствовать будущему философскому труду Модеста, онъ охотно позволилъ бы повѣсить себя на отдушникъ за шею даже на немьленной бичевкѣ. Научная цѣль вопроса сняла съ него стыдъ, и онъ дѣловито и

обстоятельно изложилъ, будто рапортовалъ по службѣ начальству, постоянно, послѣ каждой фразы, понукая память свою, точно отвѣчая нетвердо въ ней улегшійся, лишь механически усвоенный, урокъ.

— Ну-съ, было мнѣ пятнадцать лѣтъ, ну-съ. Ну-съ, Епистимія тогда была молодая, ну-съ. Ну-съ, Симеонъ пріѣхалъ изъ университета на каникулы, ну-съ. Зачѣмъ, я думаю, они все вдвоемъ въ малину прячутся, ну-съ. Ну-съ, и однажды подкрался, подсмотрѣлъ ихъ въ малинѣ, ну-съ... Только и всего...

— Только и всего? — разочарованно повторилъ Модестъ. — И это твое первое мужское волненіе?

— Ужъ не знаю, первое-ли, пятое-ли... Только это я помню, а другія позабылъ... Можетъ, и было, что... Позабылъ!.. Я тебѣ говорю, Модестъ, — жалостно извинился онъ, — простой я человѣкъ, ужъ какая у меня психологія! Казарма!

— Д-да, Оскаромъ Уайльдомъ тебѣ не бывать, — пренебрежительно процѣдилъ сквозь зубы, съ закушенной въ нихъ папиросою, Модестъ. — И вѣчно то у васъ — напрямикъ:

женщина... самка... бурбоны вы всё!.. всегда наглядная, грубая, пошлая женщина... Ф-фа!

Онъ подумаль, вынулъ папиросу изо рта, перешвырнулъ ее черезъ комнату на мѣдный листъ и, значительно глядя на брата, сказалъ.

— Во мнѣ первую половую мечту пробудилъ Гаршина рассказъ... «Сказка о жабѣ и розѣ»... Помнишь?.. Ну? что же ты вытаращишь на меня свои выразительные поручицкіе глаза?..

— Очень помню, Модестъ... Но... но... извини меня... Я никакъ не могу взять въ толкъ: Гаршинъ — и половая мысль... рѣшительно не вяжется, братъ... Сказка отличная... трогательнѣйшая сказка, можно сказать... Но — хоть убей... что же есть тамъ такого?

— Я такъ и зналъ, что ты ничего не поймешь!.. Никто не понимаетъ...

Модестъ прикрылъ глаза рукою и мечтательно про скандироваль слогъ за слогомъ:

— «И вдругъ, среди звонкаго и нѣжнаго рокота соловья, роза услышала знакомое хрипѣніе:

— Я сказала, что слопаю, и слопаю!..»
...Брр! — онъ странно содрогнулся и, помол-

чавъ, спросилъ съ насмѣшкою:

— Твои симпатіи, конечно, всѣ на сторонѣ этой пышноцвѣтной красавицы, погибающей дѣвственной розы?

— Конечно, да, Модестъ, — изумился Иванъ. — Полагаю... какъ всѣ... Иначе быть не можетъ...

— Ну, да... еще бы... «какъ всѣ!» «иначе быть не можетъ!» — презрительно передразнилъ Модестъ, поворачиваясь къ нему спиною, къ стѣнѣ — лицомъ.

— Не жабѣ же сочувствовать, Модестъ!..

Модестъ выдержалъ долгую паузу и возразилъ съ длинною, мечтательною растяжкой:

— Жабѣ, сочувствовать нельзя... н-нѣтъ, не то, чтобы нельзя... трудно... Есть въ человѣческой душѣ что-то такое, что... ну, словомъ, почему — въ концѣ концовъ какъ оно ни интересно — а не признаешься въ томъ... неудобно сочувствовать жабѣ!.. Но когда сѣрая, жирная жаба хочетъ отправить въ брюхо свое цѣломудренный цвѣтокъ, на которомъ улетавшая утренняя роса оставила чистыя, прозрачныя слезинки, — это... это... любопытно, Иванъ! Клянусь тебѣ лысиною тво-

ею, — чрезвычайно развлекательно и любопытно...

Странно смѣясь, повернулся онъ къ Ивану, поднялся на локтѣ, а въ глазахъ его мерцали нехорошіе огни, и на скулахъ загорѣлся румянецъ.

— Ты пойми, — сквозь неестественный сухой смѣхъ говорилъ онъ, — вѣдь я не то, чтобы... вѣдь и мнѣ жаль розы... И тогда вотъ, какъ я тебѣ сказалъ, жаль было, и теперь жаль... И лепестки подъ слезинками росы цѣню, и ароматъ, который даже жабу одурманилъ... все... Но только мнѣ всегда ужасно было — и сейчасъ вотъ досадно — на эту противную дѣвчонку, которая такъ преждевременно отшвырнула жабу отъ розы концомъ башмака...

— Если-бы она не отшвырнула, жаба слопала бы розу, — глубокомысленно замѣтилъ Иванъ.

Модестъ возразилъ съ тѣмъ же двусмысленнымъ, большимъ смѣхомъ:

— Ну, ужъ и слопала бы... Авось, не всю... Можетъ быть, такъ только... на пробу... лепестокъ бы, другой укусила?..

Изъ корридора слышались голоса. Во-

шли Симеонъ и Вендль. Симеонъ, оживленный хорошими дѣловыми новостями, былъ въ духъ, — вошелъ сильный, широкоплечій, стройный, съ гордо поднятой головой. Вендль ковылялъ за нимъ потихоньку, — странная, сказочная фигура добраго черта, наряднаго и изысканнаго, въ грустномъ, но притягивающемъ уродствѣ своемъ. При видѣ братьевъ, выраженіе лица Симеонова изъ побѣднаго смѣнилось въ саркастическое, однако еще не злое. Ужъ очень онъ былъ въ духъ.

— Лежишь? — сатирически обратился онъ къ Модесту, оскаливая въ черной рамѣ усовъ и бороды зубные серпы свои. Тотъ взглянулъ въ пространство вверхъ и равнодушно отвѣтилъ:

— Лежу.

— Сидишь? — повернулся Симеонъ къ Ивану. Тотъ поежился и проямлилъ:

— Сижу.

Симеонъ тихо засмѣялся.

— Полюбуйся, Вендль: хороши душки? Этакъ вотъ они у меня съ утра до вечера. Одинъ, по диванамъ валяясь, нажилъ пролежни на бокахъ. Другой, ему внимая, какъ оракулу, по

стулу въ сутки насквозь просиживаетъ. Если-бы не курили, такъ и за людей почестъ нельзя. Хоть бы вы въ пикетъ, что-ли, играли или бильбоке завели.

— Купи, будемъ играть, — угрюмо возразилъ Иванъ.

— Коттаббось лучше. Купи греческій коттаббось! — холодно посовѣтоваль Модестъ.

— Хотите сигаръ, ребята? — поспѣшилъ ласково вмѣшаться Вендль, видя, что правую щеку Симеона передернуло, и, значить, онъ, того и гляди, сейчасъ разразится филиппикой.

— Давай, — оживился Модестъ. — Я тебя люблю, Вендль. Ты дешевле полтинника не куришь.

— Подымай выше. По рублю штука. Вчера сотню кліентъ подарилъ.

— Не давай, — сказалъ Симеонъ.

— Отчего? Мнѣ не жаль.

Симеонъ язвительно оскалился.

— Да вѣдь нищимъ на улицѣ ты по рублю не подаешь?

— Подавалъ бы, — добродушно извинился Вендль, — да рубли не самъ фабрикую, а ка-

зенныхъ не напасешься.

— Такъ и не дари лежебокамъ рублевыхъ сигаръ.

— Сравнилъ! — засмѣялся сконфуженный Вендль.

Но Симеонъ не смѣялся, а смотрѣлъ на братьевъ съ угрюмымъ высокомернымъ презрѣніемъ и говорилъ:

— Право обращать рубль серебра въ дымъ надо заслужить.

— Не пугай, — старался отшутиться Вендль, — курить хорошія сигары люблю, а — заслужилъ-ли — врядъ-ли, не чувствую.

— Сколько ты зарабатываешь въ годъ? — спросилъ Симеонъ.

— Тысячъ двадцать пять, тридцать.

— Кури, — сказалъ Симеонъ съ видомъ спокойнаго превосходства, точно и въ самомъ дѣлѣ отъ него зависало, позволить или не позволить.

Вендль послалъ ему воздушный поцѣлуй съ комическимъ поклономъ:

— Merci!

Но Симеонъ, жесткій и насмѣшливый, ораторствовалъ:

— Твой трудъ превратился въ капиталъ. Твое дѣло, какъ ты используешь ренту.

Модестъ захохоталъ на кушеткѣ своей, подбрасывая одѣяло ногами.

— Симеонъ! Пощади! Марксъ въ гробу перевернулся.

Симеонъ не обратилъ на него ни малѣйшаго вниманія.

— Но дурнямъ даровые рубли не должны падать съ неба ни серебромъ, ни сигарами. Это развратъ. Лежебоки пусть курятъ «Зарю» или «Дюшесъ».

— Воздухъ отравятъ, — самому же будетъ скверно дышать, — съ улыбкою заступился Вендль.

А Модестъ вдругъ опустилъ ноги съ кушетки и спросилъ дѣловымъ и строгимъ голосомъ:

— Иванъ! Тахта въ угловой свободна?

Иванъ вскочилъ со стула, точно его командиръ вызвалъ, и весело вскрикнулъ, какъ морякъ на кораблѣ:

— Есть, капитанъ!

— Въ такомъ случаѣ... — Модестъ лѣниво перебросилъ черезъ плечо красивое одѣяло

свое и свистнулъ:

— Айда! Перекочуемъ!

Вендль расхохотался.

— Проняло?

Модестъ лѣниво двигался къ двери и, влача за собою по полу полосатое одѣяло свое, отвѣчалъ:

— Отче Симеонтій въ проповѣдническомъ ударѣ и несносно жужжить.

— Жужжать мухи и трутни, — бросилъ въ спину ему Симеонъ. — А я рабочій муравей.

Модестъ чуть оглянулся черезъ плечо.

— Ну, и благодари сотворшаго тя онымъ и созижди кучу свою.

Симсонъ смотрѣлъ вслѣдъ и язвительно улыбался:

— Хоть посмотрѣть, какъ вы еще ногами двигаете. Я думалъ: разучились.

Братья ушли въ одну дверь, а въ другую — со стороны зала — тѣмъ временемъ, протискалась съ чайнымъ подносомъ, на которомъ возвышались два стакана и двѣ стеклянныя вазочки на тонкихъ ножкахъ — для варенья и для печенья, та самая неприглядная Марѹтка или Михрютка, какъ опредѣлялъ ее

Вендль, опасаясь за переселеніе изъ ея отрпьевъ въ его драгоцѣнный армякъ неожидан-ныхъ насѣкомыхъ жителей.

— Искала, искала васъ по дому то, — обиженно произнесла эта удивительная дѣвица, сердито оттопыривая губу подѣ астрономически вздернутымъ носомъ. — Чего въ своей комнатѣ не сидите?.. Тоже ходи за вами, стало быть, по хоромамъ-то, словно домовою...

Вендль захохоталъ и, повалившись на кушетку, освобожденную Модестомъ, въ весельи дрыгалъ тонкими ногами, а Симеонъ позеленѣлъ и, приблизившись къ дѣвчонкѣ въ раскаленно-гнѣвномъ спокойствіи, во просилъ ее голосомъ тихимъ, но зловѣщимъ, въ которомъ шипѣла угроза:

— А по какому это случаю ты, сударыня, изволишь сегодня разносить чай? Приличнѣе то тебя въ домѣ никого не нашлось? Если Аня съ барышней Аглаей уѣхала по дачамъ, то остались Катька и Афросинья. Почему ты, обрубокъ кухонный, здѣсь топчешься? Гдѣ старшія двѣ?

Обрубокъ кухонный отвѣчалъ на это, столь же добру и злу внимая равнодушно, съ

тою же совершенною невозмутимостью и чувствомъ служебной правоты:

— Афросинья, стало быть, въ залъ гостямъ чай разливаешь, а Катька, стало быть, побѣжала по тетеньку Епистимію, потому что, стало быть, барышня Зоя облила новое платье какаемъ...

Послѣдняя фраза спасла Марфутку или Михрютку отъ уже готовой и, буквально, въ воздухѣ надъ нею повисшей, господской оплеухи. Услышавъ о новомъ платьѣ, облитомъ какао, Симеонъ уронилъ поднятую руку и поблѣднѣлъ, какъ смерть.

— Что? Новое платье? Какао? — пролепеталъ онъ, даже конвульсивно содрогнувшись всѣмъ тѣломъ своимъ.

Марфутка или Михрютка чутьемъ постигла психологическій моментъ и поспѣшила его использовать:

— Вы, баринъ, не извольте беспокоиться, — съ бойкою почтительностью отрапортовала она. — Тетенька Епистимія, стало быть, выведутъ. Онъ, стало быть, этотъ секретъ знаютъ...

И исчезла, какъ маленькая юркая лисица

изъ пещеры мѣшковатаго льва, готовившагося ее растерзать.

А Симеонъ смотрѣлъ на Вендю съ остолбенѣлымъ видомъ, почти какъ помѣшанный, и бормоталъ жалкимъ голосомъ:

— Только что вчера заплатилъ за это новое платье по счету мадамъ Эпервье сорокъ четыре рубля. Точно пропасть бездонная эти мои сестрицы!

Вендю онъ смѣшонъ былъ и жалокъ.

— Не нарочно же она! — извинительно вступился онъ.

Но Симеонъ, словно того ждалъ, такъ и вспыхнулъ бѣшенствомъ:

— Да — я кую, что-ли, деньги-то? Какао облилась! Отчего же я не обливаюсь! Ты не обливаешься? Марфутка вотъ эта не облилась? Оттого, что мы зарабатываемъ свое платье трудомъ, а ей готовое достается. Сорокъ четыре рубля! Это — тысяча триста двадцать рублей въ мѣсяць.

Вендль захохоталъ.

— Неужели Зоя Викторовна каждый день по платью изводитъ?

— Все равно! — сердито отмахнулся Симеонъ, — Сегодня Зоя облила новое платье, вчера Аглая расколола китайскую вазу, Матвѣй шагаетъ грязными сапожищами по бархатнымъ коврамъ, Модестъ папиросами прожигаетъ дыры въ обивкѣ мебели... Ходятъ сквозь твои деньги, сквозь твой комфортъ, какъ сквозь облако, и даже не достаиваютъ замѣчать.

— Не первый день это у васъ началось, — спокойно замѣтилъ Вендль.

Но Симеонъ, мрачный и темный, нашель быстрое возраженіе:

— Прежде, покуда я былъ бѣденъ, имъ, по крайней мѣрѣ, было нечего портить. Дикари культурные! Безпризорная орда! Вотъ оно — воспитаніе безъ родителей! Выросли чудовищами, какъ на мусорѣ чертополохъ растетъ.

Вендль почувствовалъ, что тонъ Симеона, переставъ быть забавнымъ, царапаетъ его по нервамъ, и онъ усталъ и начинаетъ раздражаться.

— Въ томъ, что рано осиротѣли, полагаю, братья и сестры твои не виноваты, — сдержанно возразилъ онъ.

Но Симеонъ окинулъ его холоднымъ, увѣреннымъ взглядомъ:

— Я свой долгъ, по отношенію къ нимъ, исполнилъ. Образование далъ всѣмъ, кто какое осилилъ. Черезъ учебныя заведенія провелъ. Спеціально воспитывать, хорошимъ манерамъ учить было не на что.

Вендль окинулъ его язвительнымъ взглядомъ. Ему рѣшительно хотѣлось сказать сейчасъ пріятелю что-нибудь очень не пріятельское.

— Да и гувернантки не уживались, — многозначительно засмѣялся онъ.

Но Симеонъ спокойно отвѣтилъ:

— Потому что развратныя твари.

Вендль, озадаченный, широко открылъ глаза.

— Да вѣдь ты же развращалъ то?

Симеонъ хладнокровно пожалъ плечами.

— Не все-ли равно, кто? Развѣ я могъ держать подлѣ Аглаи или Зои какую-нибудь завѣдомо падшую госпожу? Я человекъ холостой, — что съ меня взять? Жениться принципиально не хотѣлъ, содержанокъ имѣть средствъ не имѣлъ, а проститутками

гнушался и гнушаюсь. Въ такихъ условіяхъ, конечно, — какой выпадалъ женскій случай на счастье мое, тотъ и бралъ. Это понятно. А, если ты гувернантка, то блюди себя въ домѣ честно, любовника не заводи.

Этого сюрприза Вендль не выдержалъ. Онъ завизжалъ отъ восторга и сталъ кататься по кушеткѣ.

— Отче Симеонтіе! Ты даже не подозрѣваешь, какъ ты великолѣпенъ.

А Симеонъ побѣдительно и властно говорилъ:

— Достаточно уже того скандала, что изъ нашего дома выпорхнула такая птаха, какъ Эмилиа Ѳедоровна Вельсъ.

— За то какъ высоко взлетѣла-то! — замѣтилъ Вендль. — Сейчасъ передъ нею всѣ головы гнутся.

— Тѣмъ хуже, — оборвалъ Симеонъ. — Я человекъ нравственный. Мнѣ дѣвки вообще поганы. А ужъ когда не разобрать то-ли дѣвка, то-ли принцесса, — тутъ совсѣмъ съ души воротить.

— Какъ же ты у нея бываешь и сестрамъ бывать позволяешь?

— Дѣлами связанъ съ нею. Большими. Не позволяй, — отомстить. Она вѣдь капризная. Деньгами не удивишь ее, — почтеніе подай. Ей это — что Аглая у нея бываетъ — дороже Каменнаго моста. Мнѣ, — конечно, претить... ножъ острый! Ну, да не надолго. Тутъ... — онъ замялся, спохватился, подозрительно взглянулъ, но вспомнилъ, что Вендль — это Вендль, и докончилъ:

— Тутъ... одни маленькіе счета кончить осталось... И аминь... Вамъ, madame, направо, намъ — налѣво... Конецъ!

III

Вендль собирался уѣзжать отъ Сарай-Бермятова и уже прощался, когда Марѹтка-Михрютка подала Симеону, вынутую изъ ящика, вечернюю почту. Газеты Симеонъ бросилъ на письменный столъ, а одинокое письмо въ розовомъ конвертикѣ вскрылъ... Прочиталъ и побурѣлъ отъ гнѣва...

— Что ты? — уставился на него Вендль, осторожно углубляясь горбомъ въ курьезный армякъ свой.

— Прочитай... — сквозь зубы буркнулъ Си-

меонъ, передавая листокъ нѣсколько дрожащею рукою.

— Стихи?!

— Анонимка — подлѣйшая... Это уже въ третій разъ.

— Ругаютъ?

— Да, не хвалятъ.

— Ишь! На ремингтонъ!

Вендль, въ цилиндрѣ, читалъ, далеко предъ собою держа листокъ, потому что пэнснэ у него было сильное:

Честное созданье,

Душка Симеонъ.

Слямзилъ завѣщанье

Чуть не на мильонъ...

— Однако!

— Мерзавцы! — сказалъ Симеонъ и заходилъ по кабинету.

— Не обращай вниманія. Пустякъ. Въ порядкѣ вещей. Ты теперь богатый человекъ, а богатство возбуждаетъ злобу и зависть.

Симеонъ ходилъ по кабинету, молча, и видъ у него былъ не только гнѣвный, но и озабоченный...

— Нѣтъ, — вдругъ остановился онъ передъ

Вендлемъ. — Такъ нельзя. Это не спроста. Тутъ что-то есть. Давеча — ты о клубскихъ слухахъ, теперь — анонимка. Если это Мерезовъ съ компаніей кутить и мутить, я выведу его на чистую воду...

— Охота волноваться изъ-за анонимнаго письма!

— Нѣтъ, нѣтъ. Я люблю видѣть свои карты ясно. Ну, ужъ и если...

Онъ выразительно тряхнулъ въ воздухъ кулакомъ... Вендль сморщился и брезгливо возразилъ:

— Только безъ горячки, мой другъ! безъ бури въ стаканѣ воды! И, въ особенности, безъ татарщины.

— Нѣтъ, ужъ прошу извиненія: характера своего мнѣ не мѣнять стать, — оторвалъ, на ходу раздраженный Симеонъ.

— Да дѣло-то выѣденнаго яйца не стоитъ. Прощай.

Симеонъ горько улыбнулся.

— Хорошо тебѣ успокаивать, когда въ наличномъ золотѣ родился, чистюлькою выросъ, борьбы за деньги не знавалъ... папенька твой, я полагаю, лучше понялъ бы меня.

— О, это несомнѣнно! — воскликнулъ Вендль, выходя. — Это несомнѣнно... Между нимъ и тобою есть несомнѣнное сходство. Я даже больше того скажу: когда ты давеча стоялъ около новаго шкафа своего и любовно его разсматривалъ, ты мнѣ ужасно напомнилъ чѣмъ-то неуловимымъ почтеннаго моего покойника. Совершенно съ тѣмъ же выраженіемъ онъ любовался хорошими вещами, которыя оставались у него въ закладѣ... Еще разъ — au revoir.

Оставшись одинъ, Симеонъ долго сидѣлъ у письменнаго стола своего, гнѣвный и безмолвный, съ лицомъ мрачнымъ и тревожнымъ. Потомъ нажалъ пуговку электрическаго звонка и держалъ на ней палецъ, покуда не явилась Марѳутка.

— Епистимія здѣсь? — спросилъ онъ.

— На кухнѣ — барышнину платье отчисти-ла, теперь, стало быть, замываетъ.

— Отходитъ пятно?

— Уже отошло...

— Скажи ей: если кончила, — нужна мнѣ, пусть придетъ сюда.

Тѣмъ временемъ, въ угловой комнатѣ, ку-

да бѣжали средніе братья отъ Симеоновой воркотни, было тихо. Модестъ, лежа на тахтѣ, опершись подбородкомъ на ладони, читалъ «Maison Philibert» Жана Лорена. Иванъ раскладывалъ на карточномъ столикѣ какой-то сложный пасьянсъ: онъ зналъ ихъ множество, былъ мастеръ этого дѣла и гордился тѣмъ, что самъ изобрѣлъ къ нѣкоторымъ какіе-то сложные варианты. Когда въ угловую вошелъ, быстрою, твердою, легкою походкою стройнаго оленя, самый младшій изъ братьевъ Сарай-Бермятовыхъ — Викторъ, Иванъ съ дружескою улыбкою закивалъ ему изъ-за пасьянса своего. Онъ уважалъ этого строгаго, не улыбающагося юношу, въ черной рабочей блузѣ, точно рясъ аскетической, и немножко побаивался, такъ какъ чувствовалъ, что, обратно, Викторъ то нисколько его не уважаетъ, а ужъ къ любимцу его, Модесту — пожалуй, питаетъ чувство и поострѣе неуваженія.

Сегодня они еще не видались.

— Не знаете, граждане: братъ Симеонъ у себя? — спросилъ Викторъ, проходя мимо со спѣшнымъ и озабоченнымъ видомъ.

— А здороваться — упразднено? —

насмѣшливо спросилъ съ тахты Модестъ, не отрывая глазъ отъ книги. Викторъ остановился.

— Здравствуйте и прощайте. Ёду.

Модестъ отложилъ книгу на столикъ, насколько не стѣсняясь тѣмъ, что смѣшалъ Ивановъ пасьянсъ, перевернулся навзничь, закинулъ руки подъ голову, а ноги поднялъ къ потолку и заплѣлъ, нарочно гнуса въ носъ:

Мальбругъ въ походъ поѣхалъ.

Ахъ, будетъ-ли назадъ?

— Надолго исчезаешь?

— По возвращеніи увидимся, — холодно отвѣтилъ Викторъ.

— Весьма удовлетворительно. Далеко ѣдешь?

— Брату Матвѣю адресъ мой будетъ извѣстенъ.

— Въ высшей степени опредѣленно. Мерсі.

— Не за что.

— Это, вотъ, и называется у васъ конспираціей?

Викторъ поглядѣлъ на него.

— Нѣтъ, не это, — сказалъ онъ, послѣ минуты молчанія, когда Модестъ опустилъ глаза

и, чтобы скрыть смущеніе, опять заболталъ ногами и завопилъ во все горло:

— Мальбругъ въ походъ поѣхалъ. Ахъ, будетъ-ли назадъ?

— Буду, сокровище, буду, — невольно усмѣхнулся Викторъ.

Модестъ, словно польщенный, что вызвалъ улыбку на лицѣ суроваго брата, опустилъ ноги, пересталъ орать и заговорилъ проникновеннымъ тономъ обычнаго ему глубокомысленнаго шутовства, въ которомъ всегда было трудно разобратъся, гдѣ шутка разграничена съ серьезомъ.

— Люблю я внезапные отъѣзды твои. Пріятно видѣть человекъ, у котораго на лицѣ написано сознаніе, что, перемѣщаясь изъ города въ городъ, онъ творитъ какіе-то необыкновенно серьезные результаты.

Викторъ пожалъ плечами.

— Если дѣло ждетъ въ Москвѣ или Петербургѣ, полагаю, что напрасно сидѣть въ Одессѣ или Кіевѣ.

— Ерунда! — сказалъ Модестъ.

— Что ерунда? — удивился Викторъ.

— Москва, Кіевъ, Одесса. Всѣ города равны,

какъ царство великаго звѣря.

— И всѣ — ерунда? — усмѣхнулся Викторъ.

А Модестъ закрыль глаза и декламировалъ, будто пѣль:

— Города — бредъ. Ихъ нѣтъ. Вы только воображаете ихъ себѣ, но ихъ нѣтъ. Скверные, фальшивые призраки массовыхъ галлюцинацій. Въ городахъ правдивы только кладбища и публичные дома.

— То-то ты изъ этой правды не выходишь... — холодно замѣтилъ Викторъ.

— Господа! — съ тоскою вмѣшался Иванъ. — Неужели нельзя спорить, не оскорбляя другъ друга?

Но Модестъ надменно остановилъ его:

— Милѣйшій Жанъ Вальжанъ, не залѣзай въ чужое амплуа. Ты берешь тонъ всепрощающаго отрока, брата Матвѣя... Пора бы тебѣ знать, что оскорбить меня нельзя вообще, а Виктору это никогда не удастся въ особенности...

И, обратясь къ младшему брату, онъ подчеркнуто отчеканилъ съ тою же нарочною надменностью:

— Да, я люблю навью тропу между

свѣжими могилами. Кресты навѣвають бредъ, и плиты журчатъ легендами плоти. Ты читаль у Крафтъ-Эбинга? Сержантъ Бернаръ выкапываль трупы юныхъ невѣсть, чтобы любить ихъ.

— Завидуешь? — коротко спросиль Викторъ. И Модестъ опять потерялся подъ прямымъ вопросомъ, какъ давеча, когда наивный Иванъ огорошилъ его простодушнымъ сомнѣніемъ, что онъ бьетъ Эмилию Ѳедоровну Вельсъ.

— Я не рожденъ для дерзновеній дѣйствія, — сухо уклонился онъ, — но всѣ они обогнаны дерзновеніемъ моей мечты.

— Ломайся, братъ, ломайся, — съ такою же сухостью возразиль Викторъ. — Ничѣмъ не рискуешь. Дерзновенія мечты въ этой области полиціей не воспрещены. Напротивъ.

— Если ты, Викторъ, ищешь Симеона, — сказалъ Иванъ, сидѣвшій, какъ на иголкахъ, — то онъ сейчасъ навѣрное у себя въ кабинетѣ. Къ нему, всего нѣсколько минутъ тому назадъ, прошла любезновѣрная Епистимія...

— Придется, значить, разстроить ихъ ткте

à tkte и ее отъ Симеона выжить.

— Ахъ, пожалуйста! — громко подхватилъ Модестъ, вслѣдъ уходящему Виктору. — Пришли ее къ намъ. А я то думаю: чего мнѣ сегодня не достаетъ? Сказки! Пришли ее къ намъ.

— Можешь самъ позвать, если она тебѣ нужна, — сухо отозвался Викторъ, повернувъ къ двери Симеона.

— Не сомнѣвался въ твоей любезности, — заочно поклонился Модестъ. — Иванъ! Пойди у двери, посторожи Епистимію, чтобы не пропустить, когда она пойдетъ отъ Симеона... Мы заведемъ ее къ себѣ, и она будетъ рассказывать намъ русскія сказки. Никто другой въ мірѣ не знаетъ такихъ мерзкихъ русскихъ сказокъ, какъ Епистимія, и никто не умѣетъ ихъ такъ аппетитно рассказывать. Ей дано произносить самыя ужасныя слова съ такимъ ангельскимъ спокойствіемъ, что они расцвѣтаютъ въ ея устахъ, какъ... жабы! — расхохотался онъ. — Знаешь, Иванъ? Мы ляжемъ на тахту, потушимъ лампу, снимемъ сапоги, и она, Епистимія, въ темнотѣ, будетъ намъ, какъ древнимъ боярамъ, чесать пятки и рассказывать свои мерзкія сказки.

Уславъ Марфутку за Епистиміей, Симеонъ остался у стола и писалъ крупнымъ, размашистымъ почеркомъ своимъ разныя незначущія, отвѣтныя письма, пока въ дверь не постучались и — на окрикъ его:

— Можно! — вошла въ кабинетъ высокая, худощавая, немолодая женщина — какъ монашенка, въ темныхъ цвѣтахъ платья, теплаго сѣраго платка, покрывавшаго плечи, и косынки на гладко-причесанной русоволосой головѣ. Женщина эта производила странное впечатлѣніе: точно въ комнату вдвинулся высокій, узкій шкафъ или живой футляръ отъ длинныхъ стѣнныхъ часовъ. Все въ ней было какъ-то сжато, узко, стѣснено, точно она нѣсколько лѣтъ пролежала, въ видѣ закладки, въ толстой тяжелой книгѣ. А то серебряныя монеты, на рельсы положенныя, расплющиваются поѣздомъ въ такую длинную, вытянутую, тонкую, пронзительную полосу.

— Спрашивали? — произнесла она тихимъ голосомъ, держа опущенными богатыя темныя рѣсницы, единственную красоту своего пожилого, увядшаго, блѣднаго, съ

лезвіеподобнымъ носомъ, лица. Эта монашенская манера, держать глаза свои скрытыми подъ рѣсницами и опущенными долу, придавала испытывъ, тощимъ чертамъ женщины характеръ какой-то лживой иконописности.

— Да, — хмуро отозвался, дописывая страницу, Симеонъ. — Очень радъ, что ты еще не ушла. Запри дверь, Епистимія, чтобы намъ не помѣшали. И садись. Поближе. Вотъ сюда.

Епистимія весьма свободно заняла мѣсто въ томъ самомъ креслѣ, въ которомъ только что передъ тѣмъ тонулъ горбатый Вендль, и ждала, сидя, подъ темносѣрымъ платкомъ своимъ, прямо, тонко, точно ее перпендикулярнымъ стальнымъ шестомъ водрузили на плоскости кресла для опытовъ какихъ-нибудь, и — чтобы не отсырѣлъ аппаратъ — окутали его матеріей. Симеонъ кончилъ письмо и вложилъ его въ конвертъ... Епистимія видѣла, что онъ волнуется и не случайно, а нарочно избѣгаетъ смотрѣть на нее. Легкая улыбка скользнула по ея синеватымъ, отжившимъ, въ ниточку сжатымъ, губамъ.

— Да... такъ вотъ видишь ли, — заговори-

ль Симеонъ, все такъ же не глядя въ ея сторону, — видишь ли...

— Покуда, ничего не вижу, — возразила женщина.

Тогда Симеонъ разсердился, побурѣлъ лицомъ и отрубилъ съ грубымъ вызовомъ:

— По городу въ трубы трубятъ, будто мы съ тобою украли завѣщаніе, которое дядя оставилъ въ пользу Васьки Мерезова.

Въ иконописномъ лицѣ не дрогнула ни одна жилка. Епистимія чуть поправила блѣдною, узкою, точно нерасправленная лайковая перчатка, рукою темносѣрый платокъ на острыхъ плечахъ своихъ и спросила:

— Такъ что же?

— Я не краль, — проворчалъ Симеонъ, продолжая избѣгать взглядомъ лица ея, и наклеилъ марку на конвертъ.

Епистимія улыбкулась, задрожавъ острымъ подбородкомъ.

— Значить, вамъ не о чемъ и беспокоиться, — сказала она. — Кто воръ, того и печаль.

Но Симеонъ ударилъ ладонью по столу.

— А сплетня откуда? — вскричалъ онъ.

Епистимія равнодушно завернулась въ

платокъ свой.

— Почему я могу знать? — сказала она. — Не отъ меня.

Теперь Симеонъ ей прямо въ лицо — грозно, пристально смотрѣлъ, вертя въ рукѣ тяжелую ясеневую линейку. Ни взоръ этотъ, ни жестъ, откровенно злобный, о большомъ, сдержанномъ гнѣвѣ говорящій, не отразились, однако, на женщинѣ въ платкѣ какимъ либо замѣтнымъ впечатлѣніемъ.

— Горе тебѣ, если ты продала меня врагамъ моимъ, — съ удушьемъ въ голосъ произнесъ Симеонъ.

Епистимія подняла рѣсницы и показала на мгновеніе глаза, неожиданно прекрасные, глубокіе глаза, голубые, какъ горныя озера. Странно было видѣть ихъ на этомъ нездоровомъ, изношенномъ лицѣ плутоватой мѣщанской ханжи.

— Если бы я васъ продала, — мягко и учительно, какъ старшая сестра мальчику-брату, сказала она, — такъ теперь здѣсь хозяиномъ былъ бы Мезеровъ, а, покуда, Богъ миловалъ: владѣете вы.

Симеонъ порывисто всталъ отъ стола.

— Вотъ этимъ словомъ своимъ — «покуда» — ты изъ меня жилы тянешь.

Епистимія опустила рѣсницы. Губы ея опять тронула улыбка.

— Все на свѣтъ — «покуда». Одинъ Богъ, говорятъ, вѣченъ, а, что отъ человѣчества — все пройдетъ.

Симеонъ ходилъ, кружась по комнатамъ съ видомъ человѣка, не рѣшающагося выговорить то главное, для чего онъ началъ разговоръ. Наконецъ, остановился предъ Епистиміей, со сложенными на груди руками.

— Не могу я больше пытки этой терпѣть, — глухо сказалъ онъ. — Завѣщаніе должно быть въ моихъ рукахъ.

Женщина въ платкѣ промолчала.

— Слышала? — гнѣвно прикрикнулъ Симеонъ.

Она не подняла рѣсницъ и не измѣнила выраженія лица, когда отвѣчала:

— Копію вы имѣли, а подлинникъ мнѣ самой нуженъ.

Симеонъ, стоя предъ нею, ударилъ себя ладонью въ грудь и заговорилъ, убѣждая, быстро, порывисто:

— Сплетня плыветь, Мерезовъ въ городѣ... пойми ты! пойми!.. Вѣдь мы на ниточкѣ висимъ. Стоитъ прокурорскому надзору прислушаться, — и аминь... Сыскъ...Слѣдствіе... Судъ... Пойми!

— Не пугайте, — холодно возразила Епистимія, — не вчера изъ деревни пріѣхала.

А онъ грозилъ ей пальцемъ и голосомъ:

— Пойдешь, за сокрытіе завѣщанія, куда Макаръ телятъ не гонялъ.

Епистимія, подъ платкомъ своимъ, передернула острыми плечами.

— Какое мое сокрытіе? — все тѣмъ же ровнымъ тономъ сказала она. — Документъ понимать я не могу. И грамотъ то едва смыслю. Велѣлъ мнѣ покойный баринъ бумагу хранить, — я и храню, покуда начальство спросить.

Симеонъ даже ногою топнулъ.

— Опять — покуда! Дьяволь ты жизни моей!

Епистимія продолжала тихо и ровно:

— Кабы еще я въ вашемъ, нынѣшнемъ завѣщаніи хоть въ рублѣ. помянута была. А то напротивъ. По той, мерезовской, бумагѣ по-

койникъ мнѣ тысячу рублей награжденья отписалъ, а я, дуреха, и понять того не смогла, — не предъявляю. Это и слѣпые присяжные разобрать должны, что моей корысти скрывать тутъ не было ни на копейку.

Горько и притворно засмѣялся Симеонъ:

— Что тебѣ теперь тысяча рублей, когда ты съ меня, что захочешь, то и снимешь!

Епистимія освѣтила его таинственными огнями голубыхъ очей своихъ.

— Я, покуда, ничего не просила, — тихо и почти съ упрекомъ произнесла она.

Но Симеонъ уже не слушалъ. Онъ кружился по кабинету и съ укоромъ твердилъ:

— Такъ я тебѣ довѣрялъ, а ты мнѣ ловушку устроила!

Епистимія слегка пошевелилась въ оболочкѣ платка, и что то вродѣ блѣдной краски проступило на доскообразныхъ плоскихъ щекахъ ея.

— Что я могла противорѣчить, если покойный баринъ велѣлъ? Благодарите Бога, что съ нотаріусомъ такъ счастливо обладилось... Паче всякаго чаянія повезло вамъ въ этомъ дѣлѣ. Другой полну душу грѣха наберетъ, а

нарочно того не устроить, какъ вамъ отъ судьбы задаромъ досталось. Нотаріуса нѣту: застрѣлился. Книгъ его нѣту: сгорѣли. Иначе нотаріальнаго-то завѣщанія скрыть нельзя было бы, развѣ что съ нотаріусомъ въ сдѣлку войти. А это все равно, что къ себѣ кровососную пиявку припустить бы... шантажъ на всю жизнь...

— Любопытно это изъ твоихъ добродѣтельныхъ устъ слышать, когда ты шантажомъ возмущаешься!

— Я шантажничать противъ васъ не собираюсь, а нотаріусъ этотъ, Ѳедоръ Ивановичъ покойникъ, выпилъ бы изъ васъ кровь... съ нимъ не по моему подѣлиться пришлось бы...

— А свидѣтели? — отрывисто бросилъ ей, шагая, Симеонъ.

— Вы же знаете. Сродственники мои. Темные люди. Подписали, гдѣ я пальцемъ показала, а что — имъ и невдомекъ. Свидѣтелей не бойтесь. Спроведила ихъ отсюда. Въ дальнихъ губерніяхъ на мѣстахъ живутъ.

— Гдѣ? — быстро спросилъ Симеонъ, разсчитывая внезапностью вызвать отвѣтъ.

Но Епистимія разсмѣялась.

— Да, ловки вы больно! Глупа была сказать!

— Змѣя ты, змѣя!

Отвернулся отъ нея Симеонъ, — прошелъ, качая головою, къ возлюбленному шкафу своему и припалъ къ его прохладному, полированному дереву. А Епистимія ласково и поучительно говорила:

— Вы бы лучше змѣѣ-то спасибо сказали, что она къ этому дѣлу чужого глаза не подпустила. Теперь, что ни есть грѣха, весь — промежъ насъ двоихъ.

Симеонъ утомленнымъ жестомъ остановилъ ее.

— Хорошо. Довольно. Сколько?

— Чего это? — вскинула она на него озерными глазами своими.

— Говорю тебѣ: я усталъ, не могу больше. Давай торговаться. Объяви свою цѣну: за сколько продашь документъ?

Епистимія обиженно поджала губы.

— Боже мой, сохрани, чтобы я вашими деньгами покорыстовалась. Когда вы меня интересанкою знали?

— Тогда изъ за чего же ты меня терзаешь?

Въ чемъ твой расчетъ? Объяви свой расчетъ...

— Придетъ время, — говорила Епистимія мягко и дружелюбно, — я вашу бумагу сама уничтожу и пепель въ рѣчку пущу.

— Говори свой расчетъ! — нетерпѣливо повторилъ Симеонъ.

Епистимія смотрѣла на него съ задумчивымъ любопытствомъ.

— Маленько рано: не вызрѣло мое дѣло, о которомъ я собираюсь просить васъ, — вздохнула она. — Не знаю только, захотите-ли...

— Говори свой расчетъ.

— Да... что же? Я, пожалуй... — мялась Епистимія, все плотнѣе обертываясь платкомъ, такъ что стала похожа на какое-то экзотическое растеніе, закутанное для зимовки подъ открытымъ небомъ. — Конечно, прежде времени это, лучше бы обождать, но, уже если вы меня такъ дергаете, я, пожалуй...

— Долго ты намѣрена изъ меня жилы тянуть?

Она зорко взглянула на него и, перемѣнивъ тонъ, произнесла тономъ условія строгаго, непреложнаго, внушитель-

наго:

— Только, Симеонъ Викторовичъ, заранѣе уговоръ: безъ скандаловъ. Буйство ваше мнѣ довольно извѣстно. Если дадите мнѣ слово, что безъ скандала, — скажу. Если нѣтъ, лучше помолчу до своего времени. Мнѣ спѣшить некуда, надъ нами не каплетъ.

— Хорошо, должно быть, твое условіе, — злобно усмѣхнулся блѣдный Симеонъ. — Въ когтяхъ меня, какъ раба плѣннаго, держишь, а вымолвить не смѣешь и — зеленая вся...

— Даете слово?

— Даю... Постой... Кто тамъ? — насторожился Симеонъ, потому что въ корридорѣ прошумѣли быстрые, твердые шаги, и затѣмъ такая же быстрая рука ударила въ дверь короткимъ и властнымъ стукомъ. Голосъ молодой, нетерпѣливый и яркій, тоже съ властною окраской и, должно быть, очень похожій на голосъ Симеона въ молодости, отвѣчалъ:

— Это я, Викторъ. Къ тебѣ по дѣлу. Потрудись отворить.

— Я не одинъ и занятъ.

— Очень сожалью и извиняюсь, но не могу ждать.

— Приходи черезъ полчаса, Викторъ.

— Не имѣю въ своемъ распоряженіи даже пяти минутъ свободныхъ. Будь любезенъ отворить.

— Да почему? Что за спѣхъ внезапный?

— Когда ты меня вступишь, это будетъ тебѣ изложено,

Симеонъ бросилъ досадливый взглядъ на Епистимію, которая поднялась съ кресла, драпируясь въ платкѣ своемъ, какъ высохшая темно-сѣрая огромная ночная бабочка:

— Я пойду ужъ, Симеонъ Викторовичъ? — вопросительно сказала она.

— Да... Нечего дѣлать... Сейчасъ, Викторъ! не барабань!.. Только ты, сударыня, не вздумай домой уйти... Мы съ тобой должны этотъ разговоръ кончить... Сейчасъ, Викторъ!.. Я этого сударя быстро отпущу... Ну, входи, Викторъ. Что тебѣ?

Теперь, когда братья стояли другъ противъ друга въ бѣломъ свѣтѣ ацетиленовой лампы, съ яркостью рисовалось все ихъ разительное родовое сходство при совершенномъ несходствѣ индивидуальномъ. Викторъ, угрюмый лобастый юноша, съ глазами — ка-

къ подь навѣсомъ, былъ на полъ-голови выше старшаго брата и, въ противоположность послѣднему, совершенно некрасивъ собою. Но, вглядываясь, легко было замѣтить, что его некрасивость обусловлена исключительно свѣтлою окраскою волосъ, темно-синимъ отсвѣтомъ глазъ и мягкимъ славянскимъ тономъ бѣлой кожи, не идущимъ къ сухому, слегка татарскому, скуластому складу сарай-бермятовской семьи. Если бы выкрасить Виктору волосы въ черный цвѣтъ и подгримировать лицо желтыми тонами, то лишь болѣе высокій ростъ, да тонкая юношеская стройность отличали бы его отъ Симеона; и, пожалуй, лишь здоровая энергія взгляда и движеній, отсутствіе темныхъ круговъ около глазъ и безпокойнаго испуганнаго непостоянства, и подозрительнаго блеска въ самыхъ глазахъ, — отличали бы отъ Модеста. Старшій братъ теперь, стоя у новаго шкафа краснаго дерева, хмуро соображалъ это жуткое сходство и сердито удивлялся ему. Когда Симеонъ и Викторъ были такъ близко и смотрѣли оба въ упоръ, не надо было быть ясновидящимъ или особенно чуткимъ психоло-

гомъ, чтобы понять, что между этими братьями категорическою раздѣльною полосою лежитъ чувство взаимной непріязни, гораздо болѣе глубокой и острой, чѣмъ простое нерасположеніе; что здѣсь лишь съ грѣхомъ пополамъ облечены въ сдерживающія условныя формы родственнаго общежитія силы очень злой ненависти съ одной стороны — старшей и рѣшительнаго презрѣнія съ другой — младшей.

— Еще разъ извиняюсь, что пришлось такъ ворваться къ тебѣ, — заговорилъ Викторъ.

— Да, — угрюмо возразилъ Симеонъ. — Не могу сказать, чтобы это было деликатно. Ты помѣшалъ дѣловому разговору, который для меня и важенъ, и спѣшенъ...

— Епистимію Сидоровну ты можешь пригласить къ себѣ по сосѣдству, когда тебѣ угодно, тогда какъ я сегодня, въ ночь, уѣзжаю.

— Что надо? — хмуро и брезгливо началъ Симеонъ, какъ скоро Епистимія, покорно и преувеличенно согнувшись, со смиреннымъ видомъ безотказно подчиненнаго чловѣка, исчезла за дверь въ корридоръ.

Викторъ отвѣтилъ:

— Денегъ.

— Сколько?

— Все

Симеонъ вскинулъ на него недоумѣвающіе глаза.

— То-есть?.. Не понимаю... объяснись.

— Все, что осталось мнѣ получить съ тебя по дядюшкиному наслѣдству.

Прошла минута тяжелаго молчанія. Симеонъ возвысилъ голосъ, стараясь быть насмѣшливымъ:

— Ты трезвый?

— Какъ тебѣ извѣстно, я не пью, — холодно возразилъ Викторъ.

— Такъ бѣлены объѣлся! — горячо вскрикнулъ Симеонъ.

Опять примолкли. Потомъ Викторъ вѣско заговорилъ:

— Ты немедленно уплатишь мнѣ мою долю изъ наслѣдства покойнаго дяди.

Симеонъ сдѣлалъ удивленное лицо.

— Развѣ я отказывался когда-нибудь?

— Нѣтъ, но ты тянешь. Мнѣ больше ждать нельзя.

— Такъ-таки, вотъ непременно сегодня и

загорѣлось? — воскликнулъ Симеонъ не то съ испугомъ, не то съ насмѣшкою. Викторъ, стоя предъ нимъ прямо, какъ стрѣла, отвѣчалъ:

— Въ часъ ночи я долженъ выѣхать съ этими деньгами.

— Откуда же я возьму? Такихъ суммъ не держать дома, въ ящикъ письменнаго стола.

— Я удовольствуюсь твоимъ чекомъ. Чековая книжка всегда при тебѣ.

— Мы видѣлись днемъ. Почему ты меня не предупредилъ?

— Потому что самъ еще не зналъ, что сегодня понадобятся.

Симеонъ сѣлъ къ письменному столу и, подпершись правою рукою, долго и угрюмо молчалъ, барабаня пальцами лѣвой по бювару. Викторъ, такой же угрюмый и стройный въ черной блузѣ своей, ждалъ спокойный, холодный и увѣренный. Что-то солдатское, неуступчивое появилось въ его лицѣ и фигурѣ, и Симеонъ видѣлъ это, и это раздражало Симеона.

— Нѣтъ, Викторъ, я не дамъ тебѣ денегъ, — сухо отрѣзалъ онъ, наконецъ.

— Вотъ какъ? — равнодушно, безъ всякаго

удивленія, безъ искры въ глазахъ, сказалъ Викторъ.

— Во-первыхъ, расчеты между нами еще не кончены...

— Неправда, — остановилъ Викторъ. — Моя доля въ наслѣдствѣ опредѣлена завѣщаніемъ. Мой долгъ тебѣ подсчитанъ. Потрудись выдать разницу.

Симеонъ тонко посмотрѣлъ на брата и угрозилъ ему пальцемъ.

— Викторъ! Деньги тебѣ не для себя нужны.

— Это тебя нисколько не касается.

— Какъ не касается! Какъ не касается! Выбросить вдругъ ни съ того, ни съ сего изъ своего кармана такую сумму на руки мальчику, который, чортъ знаетъ, куда ихъ упрочить...

— Хотя бы я ихъ въ печи сжегъ, онѣ мои, и ты обязанъ выдать мнѣ ихъ по первому моему требованію.

— Нѣтъ! — рѣзко оборвалъ Симеонъ. Викторъ смотрѣлъ на него, въ упоръ, большими темносиними глазами.

— Странно! — подумалъ Симеонъ, — впервые замѣчаю, что онъ глазами на Епистимію

ПОХОЖЬ...

И эта мысль, напомнивъ ему унижительную, оскорбительную зависимость, въ которой онъ находился, вызвала въ немъ нервную дрожь.

— Нѣтъ, — повторилъ онъ. — Нисколько я не обязанъ. Нѣтъ.

— Почему?

Симеонъ принялъ особенно значительный и твердый видъ и отвѣтилъ, раздѣльно скандуя слоги:

— Потому что я чую запахъ преступленія.

Презрительная складка мелькнула и исчезла на тонкихъ губахъ Виктора.

— Милая ищейка, на этотъ разъ ты бѣжишь по ложному слѣду.

— Сказать все можно! — пробормоталъ Симеонъ.

— Ты слыхалъ когда-нибудь, чтобы я лгалъ? — спокойно возразилъ Викторъ.

Симеонъ раздражился.

— Ахъ, всѣ вы, вотъ этакіе, сами по себѣ, ходячая правда, души, растворенныя настежь. Но чуть «Партія вельла», — кончено: глаза, — подъ непроницаемою дымкою дис-

циплины, слова — на вѣсь и ничего въ нихъ понять нельзя,

— Партія мнѣ, покуда, ничего не велѣла, — равнодушно отвѣчалъ Викторъ.

— Тогда — для чего тебѣ деньги?

— Ты не имѣешь никакого права требовать отъ меня отчета.

— Я не требую, а прошу, — смягчилъ Симеонъ тонъ свой, — и не отчета, но отвѣта... И ты ошибаешься: имѣю право. Потому что ты требуешь деньги свои необыкновенно, оскорбляя меня подозрительною поспѣшностью, точно онѣ въ рукахъ у вора. Между порядочными людьми должна быть деликатность взаимнаго довѣрія.

Викторъ выслушалъ слова эти, провѣряя мысленно ихъ логическое теченіе, и онѣ ему понравились.

— Хорошо, — сказалъ онъ. — Я объясню, пожалуй. Хотя не обязанъ, но объясню. Но умѣй молчать.

Симеонъ гордо выпрямилъ стройный станъ свой.

— Ты говоришь съ Симеономъ Сарай-Бермятовымъ.

— Я долженъ немедленно... внести залогъ за арестованнаго товарища.

— Всю-то сумму?

— Вѣроятно, всю.

— Хорошъ, должно быть, гусекъ попался! — протяжно произнесъ Симеонъ.

А Викторъ объяснялъ:

— Онъ попался подъ ложнымъ именемъ на пустомъ дѣлѣ. Его необходимо выкупить, во что бы то ни стало, прежде, чѣмъ жандармы напали на слѣдъ, кого они сцапали.

— А если догадаются?

— Висѣлица, — коротко сказалъ Викторъ.

Симеонъ съ шумомъ оттолкнулъ бюваръ и всталъ съ порывистымъ жестомъ негодованія.

— И ты воображаешь, что я выдамъ тебѣ хоть копѣйку? — рѣзко почти прикрикнулъ онъ. Развѣ ты не знаешь моихъ политическихъ взглядовъ?

На этотъ разъ искорки въ глазахъ Виктора зажглись.

— Такихъ политическихъ взглядовъ, чтобы чужія деньги присваивать, до сихъ поръ за тобою не зналъ.

Симеонъ бросаль ему быстрыя, готовые фразы, которыми не столько его, сколько самъ себя убѣждалъ:

— Когда я увѣренъ, что деньги пойдуть на преступленіе? Когда ты собираешься выкрасть какого то отчаяннаго злодѣя? Ни за что. Задержать твои деньги — теперь моя гражданская обязанность. Если бы я отдалъ ихъ тебѣ, то сталъ бы соучастникомъ твоихъ замысловъ.

— Оставь мои замыслы и подай мои деньги.

— Никогда. Я желаю сохранить уваженіе къ самому себѣ.

— И потому становишься воромъ, — ледяною насмѣшкою обжегъ его Викторъ.

Симеона перекрутило внутреннею судорогою, и страшно запрыгала его правая щека, но бѣшенный взглядъ его встрѣтился съ глазами Виктора, и было въ нихъ нѣчто, почему Симеонъ вдругъ опять сдѣлался меньше ростомъ и сталъ походить на большую собаку, избитую палкой.

— Ты уже не въ состояніи меня оскорбить, — сказалъ онъ голосомъ, который, —

онъ самъ слышалъ, — прозвучалъ искусственно и фальшиво. — Отъ твоихъ ругательствъ меня защищаетъ мораль истинно-русскаго патріота и дворянина.

— Въ броню зашился? — усмѣхнулся Викторъ.

Но Симеонъ обрадовался занятой позиціи и побѣдоносно твердилъ:

— Пеняй самъ на себя. Зачѣмъ проговорился?

Викторъ пожалъ плечами.

— Все равно, ты добромъ не отдашь бы. Знаю я твои комедіи. Ну, а насиліемъ...

— Ты не смѣешь насиловать меня въ моихъ убѣжденіяхъ! — придиричиво и не желая слушать, перебилъ Симеонъ.

Въ головѣ его быстро строился планъ — разрядить объясненіе съ братомъ въ мелкую поверхностную ссору, чтобы въ ея безтолковомъ шумѣ погасить главную суть объясненія. Онъ зналъ, что, несмотря на свой холодный видъ и внѣшнюю выдержку, братъ его, по натурѣ, горячъ и вспыльчивъ. Въ былыя ссоры, ему не разъ удавалось сбивать Виктора съ его позиціи и затягивать въ ло-

вушку мелочей, привязавшись къ какой-либо неудачной фразѣ или даже просто къ интонаціи.

— Да! Это непорядочно! Не трогай моихъ убѣжденій. Я не трогаю твоихъ.

— То-есть — какъ же это ты не трогаешь? — воскликнулъ Викторъ.

Симеонъ съ удовольствіемъ услышалъ, что червячокъ его брошень удачно, рыбка клюнула. Но самъ то онъ былъ уже слишкомъ разгоряченъ и мало владѣлъ собою. Въмѣсто отвѣта, языкъ его произвольно брякнулъ совершенно невѣроятную угрозу:

— Такъ, что тебѣ давно пора въ Якутскѣ гнить, однако, ты на волѣ ходишь!

Сказалъ, и самъ испугался, потому что Викторъ вдругъ поблѣднѣлъ, какъ бумага, сдѣлалъ широкій шагъ впередъ, — и въ глазахъ его загорѣлся острый огонь, сквозь враждебность котораго Симеону почудилось теперь лицо уже не Епистиміи, но смерти.

— Берегись, Симеонъ! — прозвучалъ ледяной голосъ. — За такія признанія страшно отвѣчаютъ.

Сконфуженный Симеонъ безсмысленно

бормоталь:

— Ну, что же? вынимай свой браунингъ!
Стрѣлай въ брата! стрѣлай!

А самъ тоскливо думаль:

— А мой въ потайномъ ящикѣ. Что за глупость держать оружіе такъ, чтобы не всегда подъ рукою!

Никакого браунинга Викторъ не вынулъ, но, спокойно глядя брату въ глаза, отчеканилъ еще раздѣльнѣе, чѣмъ тотъ давеча:

— Я не вѣрю тебѣ больше ни въ одномъ словѣ. Садись къ столу и пиши чекъ.

Симеонъ понялъ, что онъ проигралъ свою игру безнадежно.

— А если не напишу? — въ послѣдній разъ похрабрился онъ.

— Я убью тебя, — просто сказалъ Викторъ.

— Экспроприація? — криво усмѣхнулся Симеонъ.

— Экспроприація — съ твоей стороны... Я, напротивъ, веду себя, какъ добрый буржуа: защищаю свою собственность отъ хищника.

Симеонъ, молча, повернулся къ письменному столу, сдѣлалъ два шага, остановился, еще шагнулъ, взялся за спинку кресла своего

и, съ силой потрясши его, обернулъ къ брату бурое лицо, искаженное болью униженія:

— Викторъ, я никогда не прощу тебѣ этой сцены.

— Садись и пиши чекъ, — не отвѣчая, приказалъ Викторъ.

— Викторъ, я уступаю тебѣ не потому, чтобы я тебя боялся. Достаточно мнѣ нажать вотъ эту кнопку, и сюда сбѣжится весь домъ. Достаточно нажать вотъ эту, и я буду вооруженъ: тутъ у меня parabellum, какого тебѣ и во снѣ не снилось.

— Мнѣ рѣшительно безразлично, почему ты уступаешь. Садись и пиши чекъ.

Симеонъ опустился въ кресло и, доставъ изъ бокового ящика длинную синюю чековую книжку, взялся за перо и два раза ткнулъ имъ вмѣсто чернильницы въ вазочку-перочистку, наполненную дробью...

— На чемъ бишь мы въ послѣднюю выдачу кончили?.. — разбитымъ голосомъ произнесъ онъ. 9.200?

— 11.350.

Симеонъ бросилъ перо.

— Я не помню... Ты привелъ меня въ такое

разстройство...

Но Викторъ сѣлъ на уголь письменнаго стола.

— Счетъ мой имѣется и у меня въ записной книжкѣ, и у тебя. Провѣримъ. Отдай мнѣ ровно то, что мое. Отъ тебя я копейки лишней не возьму.

Симеонъ злобнымъ усиліемъ исказилъ лицо свое въ презрительную улыбку:

— Даже, если бы я пожелалъ возложить жертву на алтарь революціи?

— Даже. И предупреждаю тебя, Симеонъ. Чтобы все было на чистоту: безъ хитростей и подлыхъ шутокъ. Если съ чекомъ выйдетъ какая-либо заминка, или если лицо, которое будетъ получать по чеку, наткнется на полицію... Да! да! не дѣлай негодующихъ движеній: ты способенъ... Такъ, если хоть какое-нибудь несчастіе стряется въ этомъ родѣ, даю тебѣ слово Виктора Сарай-Бермятова: завтрашній день — твой послѣдній день. Понялъ?...

Симеонъ молчалъ. Стараясь овладѣть собою, онъ нарочно долго рылся въ книгѣ записей, чтобы провѣрить цифру, на которую дол-

женъ былъ написать чекъ, хотя отлично зналъ, что Викторъ назвалъ ее точно. Переносъ вниманія на дѣловыя рубрики и цифры немножко успокоилъ его, и чекъ написалъ онъ довольно твердою рукою. Очень хотѣлось ему не подать, а бросить Виктору чекъ этотъ, но — не посмѣлъ и только, молча, передвинулъ бумагу по столу рукой... Викторъ взялъ чекъ, внимательно прочиталъ, посмотрѣлъ, нѣтъ-ли на обратной сторонѣ безоборотной надписи, перечиталъ и, прежде чѣмъ спрятать, вынулъ изъ кармана брюкъ и подалъ Симеону заранѣе приготовленную расписку въ полученіи.

— Предусмотрительно! — криво усмѣхнулся Симеонъ.

— Надо только N чека проставить, — предупредилъ Викторъ. — Позволь мнѣ перо.

Онъ сдѣлалъ нужную вставку и вѣжливымъ жестомъ лѣвой руки передалъ Симеону документъ въ то самое время, какъ правую пряталъ чекъ.

— За симъ — до свиданья.

— Не вѣрнѣе-ли: прощайте? — злобно оскандилъ серпы свои Симеонъ. — Надѣюсь, что у

тебя, какъ все-таки Сарай-Бермятова, достаточно ума и такта, чтобы догадаться, что ты больше никогда не переступить порога моего дома....

Викторъ повернулся къ нему отъ дверей.

— Твоего — да, — можешь быть увѣренъ. Но, къ сожалѣнію, вмѣстѣ съ тобою живутъ братъ Матвѣй и сестры. Ихъ я буду посѣщать, когда хочу.

— А я тебя, въ такомъ случаѣ, прикажу метлою гнать! — завизжалъ, вскакивая, бурый, съ раскаленными углями, вмѣсто глазъ, — чортъ чортомъ, — махая руками, топая ногами, изступленный Симеонъ.

Викторъ пожалъ плечами.

— Попробуй.

И затворилъ за собою дверь.

Проходя мимо угловой, темной съ отворенною въ корридоръ дверью, чтобы замѣнить яркость погашенной лампы полумракомъ отраженнаго свѣта изъ корридора, — Викторъ услышалъ нервный, бользненно-чувственный смѣшокъ Модеста и ровно-тихой, смѣшливый, вкрадчивый говоръ Епистиміи:

— И вотъ, значить, поутру, Модестъ Викторовичъ, приходитъ молодая то къ мужнину дядѣ и говоритъ ему...

Двойной взрывъ хохота — басомъ Ивана, теноромъ Модеста — покрылъ окончаніе.

— А дядя, значить, Модестъ Викторовичъ, сидитъ на лавкѣ, повѣсилъ голову и говоритъ: — продать можно, отчего не продать? Только это вещь заморская, рѣдкостная, и цѣна ей немалая, 50 тысячъ рублей...

— Го-го-го! — басомъ загрохоталъ Иванъ.

— Тоже недурны ребята!.. — со злобою подумалъ Викторъ. — Порода! Было бы перетопить насъ всѣхъ маленькими, какъ неудачныхъ щенятъ.

И хотѣлъ пройти мимо, но Модестъ съ тахты замѣтилъ на бѣлой стѣнѣ коридора тѣнь его и окликнулъ:

— Викторъ!

— Я? — неохотно остановился Викторъ.

— Такъ ѣдешь сегодня?

— Да.

— Ну, счастливаго пути... Если хочешь пожать мнѣ руку, не полѣнись зайти... Я не могу встать, потому что — безъ ботинокъ...

Епистимія Сидоровна рассказываетъ мнѣ сказки и, извини меня, чешетъ мнѣ пятки... Для брата столь суроваго Катона рѣшительно непристойное баловство, но — что будешь дѣлать? Крѣпостническая кровь, Сарай-Бермятовскій атавизмъ... Изумительная мастерица... рекомендую испытать...

Викторъ, не отвѣчая, пошелъ корридоромъ, но голосъ Модеста опять догналъ его и заставилъ остановиться:

— Викторъ, съ чего это Симеонъ такъ бѣсновался?

— Спроси у него.

— Ужасно вопилъ. Я ужъ думалъ, что вы деретесь. Хотѣлъ идти разнимать.

— Что же не пришелъ?

— Ахъ, милый мой, въ разговоръ между Каиномъ и Авелемъ третій всегда лишній.

Модестъ язвительно засмѣялся въ темнотѣ.

— Викторъ Викторовичъ, — возвысила голосъ Епистимія, — извините, что я хочу васъ спросить. Какъ Симеонъ Викторовичъ приказали мнѣ, чтобы, послѣ разговора съ вами, я опять къ нему въ кабинетъ возвратилась, —

позвольте васъ спросить: какъ вы его оставили? въ какомъ онъ теперъ будетъ духъ?

— Подите и взгляните, — сухо отвѣчалъ Викторъ.

Онъ очень не любилъ этой госпожи.

— Ой, что вы!.. послѣ этакаго-то крика?.. Да я — лучше въ берлогу къ медвѣдю... Нѣтъ, ужъ видно до другого раза. Я за чужіе грѣхи не отвѣтчица... Прощайте, Модестъ Викторовичъ, до пріятнаго свиданія... Попадешь ему въ такомъ духѣ подъ пилу то, — тогда отъ него не отвяжешься. Иванъ Викторовичъ, до пріятнаго свиданія... Лучше мнѣ побѣжать домой.

IV

Викторъ вошелъ къ брату Матвѣю, не стуча. Матвѣй не любилъ, чтобы стучали. Онъ говорилъ, что стукъ въ дверь разобщаетъ людей, какъ предупрежденіе, чтобы человѣкъ въ комнатѣ успѣлъ спрятать отъ чело вѣка за дверью свою нравственную фізіономію, — значить, встрѣтилъ бы входящаго, какъ тайнаго врага. Между тѣмъ, человѣкъ всегда долженъ быть доступенъ для другихъ людей и никогда не долженъ наединѣ съ самимъ собой быть какъ-нибудь такъ, и дѣлать что либо такое, что надо скрывать отъ чужихъ глазъ, чего онъ не могъ бы явить публично.

— Однако, ты самъ всегда стучишь, — возражали ему товарищи.

— Потому что не всѣ думаютъ, какъ я. Я не считаю себя въ правѣ насиловать чужіе привычки и взгляды. Къ тѣмъ, кто раздѣляетъ мои, въ комъ я увѣренъ, что это не будетъ ему неприятно, я вхожу, не стучась...

— Чудакъ! Но вѣдь ты же не знаешь, кто стоитъ за дверью? Ну, вдругъ, женщина, дама? А ты, между тѣмъ, въ беспорядкѣ?

— Я не дѣлю своихъ отношеній къ людямъ по полу. Если меня можетъ видѣть мужчина, можетъ видѣть и женщина.

— Ну, другъ милый, это — не согласно съ природою, какъ ты всегда проповѣдуешь, а противъ природы: и птицы, и звѣри — всѣ самцы для самокъ особо прихорашиваются.

— Да, — строго соглашался Матвѣй, — но когда? — въ періодъ полового возбужденія.

— Да, бишь... извини!.. вѣдь ты у насъ принципіальный дѣвственникъ.

Матвѣй и отъ того отрекался.

— Что значитъ «принципіальный»? — возражалъ онъ. — Такого принципа никто никогда не устанавливалъ. Я тѣмъ менѣе.

— А христіанскій аскетизмъ?

Матвей закрывалъ глаза, — онъ не умѣлъ вспоминать иначе, — и читалъ наизусть изъ «Перваго посланія къ Коринѣянамъ»:

— А о нихже писасте ми, добро челоуѣку женѣ не прикасатися. Но блудодѣянїя ради, кїждо свою жену да имать, и каяждо своего мужа... Глаголю же безбрачнымъ и вдовицамъ: добро имъ есть, аще пребудуть, якоже и азъ: аще ли не удержатся, да посягають: луч-

ше бо есть жениться, нежели разжизатися.

— Я могу удержаться, не разжигаясь, — вотъ и весь мой принципализмъ, — объяснялъ онъ. — Если-бы я почувствовалъ, что начинаю «разжизатися», то, конечно, поспѣшилъ бы жениться...

— Ну, гдѣ тебѣ!

Еще проходя залю, за двѣ комнаты до Матвѣевой комнаты, Викторъ слышалъ молодой ревъ спорящихъ голосовъ, которые всѣ старался перекричать козлиный теноръ студента Немировскаго:

— Я стою на почвѣ наблюденія, а ты валяешь аргюи.

А мягкій женственный альтъ Матвѣя возражалъ:

— Предвзятому наблюденію цѣна — мѣдный грошъ.

И жаль стало Виктору, что не можетъ онъ сейчасъ остаться съ этою шумною, веселою, спорчивою, смѣшливою, зубатою товарищескою молодежью, — покричать и поволноваться, покурить и помахать руками въ ея безконечныхъ, всегда готовыхъ вспыхнуть, диспутахъ, для которыхъ каждая тема любя,

точно сухая солома, только ждущая искры изъ мимо летящаго паровоза, чтобы воспламениться въ пожаръ. Но суровый и угрюмый рокъ звалъ его далеко, — не мѣшкая, на жуткій путь, на трудное дѣло. И, когда жалъ онъ руки друзьямъ, опять лицо его стало солдатское, простонародное, и глаза утратили индивидуальность, точно у рядового, шагающаго въ составъ роты своей, — и движется та рота въ далекій, тяжкій, безрадостный походъ...

Народу въ комнату Матвѣя набралась труппа нетолченая. И длинный, тощій, съ прыгающими впередъ, точно бѣлые шары на веревочкахъ, глазами, студентъ Немировскій; и красивый, важный, съ лицомъ сентиментальнаго неудачника, помощникъ присяжнаго повѣреннаго Грубинъ; и методическій, точный, на параллелограммъ похожій, бѣлобрысый остзеецъ, учитель мужской гимназіи, историкъ Клаудіусъ. На окнѣ, въ полутьни широкихъ синихъ занавѣсокъ, сидѣла, забравшись съ ногами на подоконникъ, въ коричневомъ гимназическомъ платьѣ, Зоя, младшая изъ двухъ сестеръ Сарай-Бермя-

товыхъ: некрасивая, почти дурнушка, очень полная дѣвочка-блондинка, лѣтъ пятнадцать, но съ грудью, точно она троихъ ребятъ выкормила. Лицо калмыцкое, пухлое, дерзкое; губы толстыя, слегка вывороченныя, на очень бѣломъ лицѣ производили впечатлѣніе кроваваго пятна, точно она во рту держала кусокъ сырого мяса; глазъ почти не видать, а, когда блеснутъ, не успѣешь разобрать, какого они цвѣта: сверкнетъ въ упоръ что-то смышленное, наглое и спрячется, будто театральнѣйшій дьяволъ въ трапъ, за длинныя золотыя рѣсницы. Дѣвочка уже ушла изъ этого подростка, а дѣвушка входитъ въ нее недоброю поступью... еще молчить, но скоро заговорить... и врядъ ли хорошо и на благо людямъ будетъ слово ея жизни... Подлѣ Зои, верхомъ на стульяхъ, качались два юноши — одинъ сухопарый гимназистъ, съ зеленымъ лицомъ, освѣщеннымъ бутылочными сумасшедшими глазами; другой — студентъ-первокурсникъ, изъ тѣхъ, которые «и въ кинематографъ при шпагѣ ходятъ», румяный франтъ, чувствительный, самовлюбленный. Глядѣлъ на Зою побѣдителемъ, — на что та, впрочемъ, не об-

ращала ни малѣйшаго вниманія, — и, вообще, посматриваль вокругъ себя съ видомъ самодовольствія неисчерпаемаго. Каждая черточка этого сытаго, счастливаго собою, лица, каждое движеніе, умышленно сильное, расчетливо выпуклое, холеннаго, тренированнаго на мускулы, тѣла въ щегольскомъ мундирѣ — такъ и вопіяли на встрѣчу приближающимся смертнымъ.

— Ахъ, да посмотрите же, полюбуйте же, какой я лейтенантъ Гланъ и даже самъ Санинъ!

А зеленолицый гимназистъ читаль Зоѣ наизусть хриплымъ, гробовымъ голосомъ:

*Полюбила, заалѣлась,
Вся хвосточкомъ обвертѣлась,
Завалилась на луга.
Ненаглядный мой, пріятный,
Очень миленькій, занятный,
Гдѣ ты выпачкалъ рога? 1.*

1 «Черняка» г. С. Городецкаго.

— Тише вы! — носовымъ лѣнивымъ голосомъ повелѣвала Зоя. — Услышитъ Матвѣй стыдно будетъ...

— А вы еще умѣете, что вамъ бываетъ

стыдно? — съ роковой санинскою улыбкою спросилъ студентъ.

Зоя холодно посмотрѣла на него изъ-подъ золотистыхъ рѣсницъ, которыя умышленно держала опущенными, потому что онѣ были очень красивы, и сказала тономъ безапелляціоннаго начальства:

— Не ломайтесь, Васюковъ!..И какой дуракъ выучилъ васъ такъ говорить по-русски: «умѣете, что вамъ бываетъ»... А еще орловецъ и филологъ!.. Леониду Андрееву землякъ! Читайте дальше, Ватрушкинъ. Только не орите: вы не на пароходѣ въ бурю, — слышимъ и безъ рупора.

А гимназистъ прохрипѣлъ:

— Не безпокойтесь, Зоя Викторовна: имъ не до насъ... они теперь до утра кричатъ будуть...

До утра не разставались,
Яснымъ небомъ любовались
На востокъ и на закатъ.

Викторъ мигнулъ Матвѣю. Тотъ понялъ и вышелъ съ нимъ въ темный залъ, освѣщенный лишь четверо-угольникомъ двери, будто врѣзавшимъ правильное,

изжелтабѣлое пятно свое въ старенькѣй паркетъ.

Матвѣй, стоя спиною къ свѣту, заживавшему пламенемъ его золотые кудри, былъ еще на полголовы выше своего высокаго брата и слегка наклонялся къ нему тонкѣй, узкѣй, худой, слабо сложенный, чуть сутуловатый.

— Ъдешь? — спокойно спросилъ онъ

— Да. Прощай, братъ. Спѣшу. И то запоздалъ.

— Симеонъ задержалъ тебя?

— Немножко. Не слишкомъ. Я ждалъ худшаго. Теперь — аминь. Въ чистую.

— Я очень радъ, — серьезно сказалъ Матвѣй. — Теперь вамъ обоимъ будетъ лучше. Люди начинаютъ понимать другъ друга только тогда, когда между ними исчезаетъ эта страшная плотина — деньги. Пока она существовала, я боялся, что между вами произойдетъ что-нибудь ужасное.

— Ну, ломать эту плотину пришлось довольно грубо, — усмѣхнулся Викторъ, — и врядъ ли обломки ея годятся, какъ фундаментъ для дружества.

— Простился съ Иваномъ, Модестомъ?

— Не могъ, — сухо сказалъ Викторъ: — оба были заняты слишкомъ важнымъ дѣломъ... Ивану кланяйся, а Модестъ... Матвѣй! искренно, съ убѣжденіемъ прошу тебя: будь осторожнѣе съ этимъ господиномъ!

— Ты говоришь о братѣ, Викторъ! — мягко и грустно упрекнулъ Матвѣй.

Викторъ нетерпѣливо тряхнулъ головой.

— Въ полѣ встрѣчаться — родней не считается.

— Что ты имѣешь противъ него?

— То, что у него — вмѣсто души — всунута грязная тряпка.

— Полно, Викторъ! Ну... выпить слишкомъ любить... ну... немножко черезчуръ эстетъ... Но...

— Оставь! — съ отвращеніемъ остановилъ Викторъ. — У насъ такъ мало минутъ, что, право, жаль ихъ на него тратить. Знаемъ мы этихъ эстетовъ изъ публичныхъ домовъ, съ гнилымъ мозгомъ и половой неврастеніей вмѣсто характера. По мѣрѣ ихъ удобства и надобности, изъ нихъ вырабатываются весьма гнусные сводники и провокаторы...

— Викторъ! Викторъ!

Но онъ хмурился и упрямо говорилъ:

— Во всей нашей семьѣ, ты — единственный, кого я еще чувствую своимъ... И жаль же мнѣ тебя, бѣдняга!

— Что меня жалѣть? — кротко возразилъ Матвѣй, и глаза его теплились въ полумракѣ. Я такъ устроенъ, что мнѣ въ самомъ себѣ всегда хорошо. А на Модеста не сердись. Онъ больной.

— По нашему времени, это иногда гораздо хуже, чѣмъ безсовѣстный, — холодно оборвалъ Викторъ и, вдругъ, внезапнымъ, нѣжнымъ порывомъ, положилъ брату обѣ руки на плечи:

— До свиданья, святъ мужъ! Сестеръ поцѣлуй. Я съ ними не прощаюсь. Аховъ и визговъ боюсь. Да Аглаи и дома нѣтъ.

Матвѣй нерѣшительно не одобрилъ:

— Жаль, все-таки... Какъ знать? Можетъ быть, на смерть ѣдешь.

— Этого я имъ сообщить, все равно, не могу, — угрюмо проворчалъ Викторъ, опуская голову.

Матвѣй грустно обнялъ его.

— Отрѣзаль ты себя отъ насъ!

Викторъ ласково, но рѣшительно высвободился.

— Да. И не надо по отрѣзанному мѣсту пальцемъ водить. Мнѣ сейчасъ всѣ мои нервы нужны, весь характеръ нуженъ.

Матвѣй кивнулъ головою, что согласенъ.

— Надѣешься на успѣхъ?

Викторъ выпрямился, глаза сверкнули въ полутьмѣ.

— Если деньги не помогутъ, лбомъ стѣну прошибу, на проломъ полѣзу. Ну, прощай, святъ мужъ. Обнимемся. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь... Ты дальше меня не провожай. Возвратись къ товарищамъ. Совсѣмъ лишнее, чтобы отъѣздъ мой вызвалъ разговоры...

Матвѣй крѣпко сжалъ его сильныя плечи въ нѣжныхъ, худыхъ рукахъ своихъ и произнесъ голосомъ звучнымъ, глубокимъ, трепетнымъ, проникновеннымъ:

— Братъ! Если возможно... умѣй щадить!

По мрачному лицу Виктора пробѣжала судорога, и радъ онъ былъ, что полумракъ комнаты скрылъ ее.

— Не умѣю! — нарочно грубо оторвалъ онъ.

И оторвался отъ брата. И ушелъ. И больше его никогда уже не видѣли въ этомъ домѣ.

Матвѣй коротко посмотрѣлъ ему вслѣдъ, облегчилъ вздохомъ стѣсненное сердце и возвратился къ себѣ въ комнату, гдѣ, въ свѣту и дыму, продолжалъ еще бурлить и шумѣть прежній, неоконченный споръ... Матвѣй, подъ гуль его, думалъ о Викторѣ. Ему было жаль брата и не чувствовалъ онъ, непротивленецъ, симпатіи къ дѣятельности, въ которую тотъ себя уложилъ. Но онъ любилъ, чтобы человѣкъ, принявшій на себя обязанность, исполнялъ ее свято, и людей, страдавшихъ и даже погибавшихъ на служеніи долгу своему, только любилъ съ умиленіемъ, но не сокрушался о нихъ и не скорбѣлъ. И лицо его было спокойно, и съ ясною головою прислушался онъ къ товарищамъ, и самъ быстро вошелъ въ шумъ ихъ.

Споръ кипѣлъ изъ-за образовательнаго опыта, которому Матвѣй подвергалъ того самаго Григорія Скорлупкина, что давеча рекомендованъ былъ Модестомъ Ивану, какъ субъектъ, обрѣтающійся всегда при деньгахъ и обложенный въ пользу Модеста кредитною

повинностью за то, что онъ будто бы влюбленъ въ красавицу Аглаю. Крѣпостной дѣдушка этого Скорлупкина состоялъ при дѣдушкѣ нынѣшнихъ Сарай-Бермятовыхъ въ егеряхъ, а тятенька — при папенькѣ Сарай-Бермятовыхъ въ вольнонаемныхъ разсыльныхъ. А самого Скорлупкина Вендль, неугомонный изыскатель и коллекціонеръ людей, любилъ иногда поэкзаменовывать, встрѣчая его у Сарай-Бермятовыхъ, либо на улицѣ, либо въ ресторанѣ, потому что съ нѣкотораго времени молодой человекъ этотъ началъ, по какимъ-то особымъ, не вы сказаннымъ причинамъ, чрезвычайно интересоваться его.

— Ну, что вы? какъ? а? — спрашивалъ Вендль, обдавая некурящаго Скорлупкина благовоніемъ рублевой сигары и проницательно разглядывая его сквозь дымное облако.

Скорлупкинъ, питавшій къ Вендлю большое уваженіе за то, что онъ, наслѣдникъ богатаго дисконтера, не только не промоталъ родительскихъ капиталовъ, но еще адвокатской практикой зарабатываетъ большія день-

ги, — свободно кланялся и отвѣчалъ:

— Слава Богу. Живемъ. Покорнѣйше благодарю.

— Преуспѣваете? а?

— По мѣрѣ своихъ способностей. По распоряженію Матвѣя Викторовича, посѣщаю народный университетъ.

— Интересно?

Къ удивленію Вендля, Скорлупкинъ отвѣчалъ безъ всякаго восторга:

— Однако, о серьезномъ читаютъ. Приблизительно весьма многого не могу понимать. Все больше наблюдаютъ о простомъ народѣ, какъ ему жить легче. Намъ ни къ чему.

— Ангель мой, — воскликнулъ Вендль, — да вы то сами — кто же? Аристократомъ почитаете себя, что ли? Въ бархатной книгѣ записаны?

— Какая наша аристократія! — усмѣхнулся Скорлупкинъ. — Родня моя, сказать абсолютно, — черная, и образованіе — одинъ пшикъ.

— Въ такомъ случаѣ, почему же вы недовольны лекціями о простомъ народѣ? Среду свою изучить всякому любопытно.

— Да я ее самъ лучше всякаго профессора

знаю. Помилуйте, Левъ Адольфовичъ, — во-
одушевился Скорлупкинъ, — мнѣ ли народа
не понимать? Дѣдъ былъ дворовый, родитель
крестьянствовалъ, лишь передъ смертью,
спасибо ему, догадался въ мѣщане выписать-
ся. Маменька, и по сейчасъ, въ божественно-
сти своей, совершенно сѣрая женщина. Ка-
бы не тетеньки Епистиміи настояніе, да не
Матвѣй Викторовичъ, было бы мнѣ съ дурака-
ми въ черномъ тѣлѣ, пропасть.

— Не возносите, мой другъ, не возно-
сите! Помните, что гордость — грѣхъ смерт-
ный и нѣкогда погубила сатану, —
насмѣшливо вставилъ Вендль. Семитическая
кровь его, благоговѣйная къ семьѣ и родо-
вому союзу, была возмущена тономъ презри-
тельнаго превосходства, которымъ этотъ да-
же еще не выскочка, а только отдаленная воз-
можность выскочки говорить о своемъ родѣ-
племени. Скорлупкинъ замѣтилъ и осторож-
но поправился:

— Нѣтъ, вы не извольте думать: я родите-
лей своихъ не стыжусь. Но, самъ возросши
въ темной дурости, я во всякомъ другомъ
слѣпоту подобную насквозь вижу за сто шаго-

вѣ.

— Матвѣй готовитъ васъ къ экзамену зрѣлости?

— Улита ѣдетъ — когда-то будетъ, — усмѣхнулся Скорлупкинъ.

— Не въ охоту?

Скорлупкинъ замялся, но, не встрѣчая въ любопытныхъ глазахъ Вендля рѣшительнаго порицанія, признался съ искренностью:

— Не то, что не въ охоту. Результатъ чрезвычайно отдаленный. Это съ дѣтства начинать надо, а мнѣ двадцать третій годъ. Теперь мнѣ — жить въ пору, капиталъ дѣлать, а не уроки долбить.

— Такъ что Матвѣй васъ, въ нѣкоторомъ родѣ, въ ученый рай свой на арканъ тянетъ? — засмѣялся Вендль.

А Скорлупкинъ объяснилъ:

— Покойнаго родителя моего непремѣнное желаніе было, чтобы я получилъ господское образованіе и гимназію кончилъ. Но здоровьишкомъ я былъ въ то время слабъ, никакихъ способностей не оказывалъ, — силенки, значить, мои ребячьи того не дозволяли.

Опредѣлили меня по торговой части, закатали на годы въ мальчики въ бѣльеваго магазинъ. тѣмъ не менѣе, родитель мой мечты своей не оставилъ. Умирая, просилъ Мотю, чтобы содѣйствовалъ мнѣ осуществить завѣтъ образованія.

— Что же Мотя могъ сдѣлать для васъ? — удивился Вендль. — Онъ тогда мальчикъ былъ. Слѣдовало просить Симеона.

Скорлупкинъ, усмѣхаясь, покрутилъ головой.

— Предъ Симеономъ Викторовичемъ родитель мой пикнуть не смѣлъ, — сказалъ онъ, опять съ недавнимъ превосходствомъ. — Въдъ мы, Скорлупкины, искони Сарай-Бермятовскіе слуги, еще съ крѣпости, изъ рода въ родъ. Я — первый, что самъ по себѣ живу и свою фортуна ищу. А маменьку, либо тетеньку Епистимію до сихъ поръ спросите: гдѣ были? — не сумѣютъ сказать: у господъ Сарай-Бермятовыхъ, — говоритъ: у нашихъ господъ.

— Вамъ смѣшно? — съ брезгливостью спросилъ Вендль: развязность этого потомка на счетъ ближайшихъ предковъ опять его по-

коробила.

Но на этотъ разъ Скорлупкинъ чувствовалъ себя на твердой почвѣ и нисколько не смутился.

— Да — какъ же, Левъ Адольфовичъ? — возразилъ онъ. — Конечно, что должно быть смѣшно. Крѣпости не знали, въ свободномъ крестьянствѣ родились, вольными выросли, а умъ и языкъ — крѣпостные. Полувѣкомъ изъ нихъ рабское наслѣдство не выдохлось.

Вендль подумалъ, прикинулъ умомъ, воображеніемъ, и — согласился.

— Да... жутковато! — вздохнулъ онъ. — Дрессировали же людей! Достало на два поколѣнія!

А Скорлупкинъ продолжалъ:

— Родитель мой, при Мотѣ, маленькомъ, когда господа Сарай-Бермятовы въ упадокъ пришли, остался вродѣ какъ бы дядькою. Мы съ Мотею — однолѣтки, вмѣстѣ росли, въ дѣтскія игры играли.

— Такъ что просьба отца вашего попала по адресу? — одобрительно сказалъ Вендль. Скорлупкинъ отвѣчалъ съ гордымъ удовлетвореніемъ и почти нѣжностью въ гла-

захъ:

— Да, ужъ, знаете, если Мотя что обѣщаль, такъ это стѣна нерушимая. Чуть самъ въ возрастъ вошелъ и свободу поступковъ получилъ, сейчасъ же и за меня принялся. Второй годъ тормошимся... Обижать его жаль, — тихо прибавилъ онъ, опуская голову, — а надлежало бы къ прекращенію.

Вендлю захотѣлось помочь Матвѣю, котораго онъ уважалъ и любилъ, хоть легкимъ ободреніемъ скептическаго его ученика:

— Однако, изъ учителей вашихъ, Аглая Викторовна отзывалась мнѣ о вашихъ занятіяхъ хорошо.

— Да? — удивился и обрадовался Скорлупкинъ, — покорнѣйше благодарю. Только это она, — подумавъ и съ печалью, добавилъ онъ, — по ангельской добротѣ своей. А мнѣ съ нею, признаться, всѣхъ труднѣе. Потому что, знаете, Левъ Адольфовичъ, стыдно ужасно, — съ довѣрчивостью пояснилъ онъ. — Съ мужчинами осла ломать — еще куда ни шло. Но когда долженъ ты мозги свои выворачивать предъ этакою чудесною барышней, и ничего не выходитъ, и должна она подумать о тебѣ

въ самомъ низкомъ родѣ, что оказываешься ты глупый человѣкъ, оно, Левъ Адольфовичъ, выходить ужасно какъ постыдно.

— Вы въ своего ангелоподобнаго профессора, конечно, влюблены? — спросилъ Вендль, съ улыбкой нѣсколько высокомерной.

Но Скорлупкинъ сердито покраснѣлъ, точно услышалъ неприличность.

— Это Модестъ Викторовичъ на смѣхъ выдумали, дразнить меня. Развѣ я дерзнулъ бы?

— Ну, влюбиться, — на это большой дерзости не надо, — холодно возразилъ Вендль, по-сасывая сигару. — Вотъ признаться въ томъ этакій красавицѣ и взаимности искать — другая статья...

Но, если Аглая Викторовна, въ кроткой нетребовательности своей, удовлетворялась успѣхами, которые съ грѣхомъ пополамъ оказывалъ взрослый ученикъ ея, то другіе наставники — нетерпѣливые мужчины — далеко не были такъ снисходительны. Нынѣшній споръ между Матвѣемъ и его товарищами именно и возгорался изъ за того, что Немировскій, дававшій Скорлупкину уроки

алгебры и геометріи, пришель отъ нихъ отказываться:

— Не могу, усталъ. Даромъ время тратимъ. Совершенно дубовая башка.

Матвѣй возмутился и запротестовалъ, но остальные поддержали Немировскаго.

— Когда кто-нибудь не въ состояніи вообразить себѣ четвертаго измѣренія, — насмѣшливо говорилъ красивый Грубинъ, — то я его только поздравляю. Но если ему не удастся усвоить первыхъ трехъ, дѣло его швахъ.

Матвѣй, взметывая золотые кудри свои — ореоль молодого апостола — и сверкая темными очами, упрямо кивалъ головою, какъ норовистая лошадь, и твердилъ:

— Я далъ слово, что сдѣлаю Григорія человѣкомъ, и онъ будетъ человѣкомъ.

— Въ ресторанѣ, можетъ быть, — сострилъ Немировскій, — въ жизни — сомнѣваюсь.

Матвѣй посмотрѣлъ на него, плохо понимая каламбуръ: онъ былъ совершенно невосприимчивъ къ подобнымъ рѣчамъ. Потомъ сморщился и сказалъ съ короткою укоризною:

— Плоско.

Немировскій сконфузился, но желалъ удержать позицію и потому еще нажалъ педаль на грубость:

— Нельзя взвѣшивать на осла бремена неудобоносимыя.

— Ругательство — не доказательство, — грустно возразилъ Матвѣй.

Тогда вмѣшался Клаудіусъ, параллелограмму подобный, со спокойными, размѣренными продолговатыми жестами, голосомъ, похожимъ на бархатный ходъ маятника въ хорошихъ стѣнныхъ часахъ:

— Теоретически я высоко цѣню просвѣтительные опыты въ низшихъ классахъ общества, но, какъ педагогъ, научился остерегаться ихъ практики.

— Остановись, педагогъ, — воскликнулъ Матвѣй, всплеснувъ худыми бѣлыми руками, — еще шагъ, и ты, какъ Мещерскій, договоришься до «кухаркина сына».

Но Клаудіусъ не остановился, а покатилъ плавную рѣчь свою дальше, точно по рельсамъ вагонъ электрическаго трамвая.

— При малѣйшей ошибкѣ въ выборѣ, мы

не возвышаемъ, но губимъ субъекта.

— А обществу даримъ новаго неудачника, неврастеника, пьяницу, — подхватилъ Грубинъ.

— Либо сажаемъ на шею народную новаго кулака, — язвительно добавилъ Немировскій.

Но Матвѣй зажалъ ладонями уши и говорилъ:

— Ненавижу я интеллигентскую надменность вашу. Баръ вы. Важнюшки. Гдѣ вамъ подойти вровень къ простому человѣку!

Грубинъ пожалъ плечами.

— Какъ тебѣ угодно, Мотя, но — что тупо, того острымъ не назовешь.

— Хорошо тебѣ съ прирожденною то способностью! — возразилъ Матвѣй.

— Не доставало еще, чтобы мы увязли въ прирожденности идей! — захохоталъ Немировскій, а Клаудіусъ, молча, улыбнулся съ превосходствомъ. Но Матвѣй стоялъ посреди комнаты и, потрясая руками, говорилъ:

— Вы дѣти культурныхъ отцовъ. Ваши мозги подготовлены къ книжной и школьной муштрѣ въ наслѣдственности образователь-

ныхъ поколѣній. За васъ ваши батьки и дѣды сто лѣтъ читали, учились, писали. А, когда какой-нибудь Григорій Скорлупкинъ ползеть изъ тьмы къ свѣту, онъ — одинъ, самъ за себя работаетъ, никакихъ тѣней помогающей наслѣдственности за нимъ не стоитъ, его мозгъ дѣвственный, мысль прыгаетъ, какъ соха на цѣлинь: здѣсь — хватъ о камень, тамъ — о корень.

— Позволь, Матвѣй! — остановилъ Грубинъ. — Двоюродный братъ Скорлупкина, Илья, — такой же темный мѣщанинъ. Однако, съ нимъ — говорить ли, читать ли — наслажденіе.

— То есть, тебѣ нравится, что вы распропагандировали его на политику! — возразилъ Матвѣй.

— Положимъ, не мы, а твой братъ Викторъ, — поправилъ точный Клаудіусъ.

Матвѣй же, грустно усмѣхаясь, продолжалъ критиковать:

— Ленина съ Плехановымъ разбираетъ по костямъ, Чернова съ Дѣлевскимъ критикуетъ, какъ артистъ, а «весело» черезъ два ять пишетъ.

— Велика бѣда! — равнодушно замѣтилъ Грубинъ. — За то — товарищъ.

— Для меня это челоѡвка не опредѣляетъ, — возразилъ Матвѣй. — Я самъ соціалистъ лишь на половину...

— На которую, святъ-мужъ? — ехидно отмѣтилъ Немировскій. — Съ головы до живота или отъ пупка до пятокъ?

Но Матвѣй, не чувствительный къ насмѣшкамъ и трудно и поздно ихъ понимавшій, стоялъ на своемъ:

— Я не считаю себя вправѣ тянуть въ соціализмъ челоѡвка, который не имѣетъ выбора доктринъ.

Клаудіусъ засмѣялся торжественнымъ гулкимъ смѣхомъ, точно теперь величественные часы, въ немъ заключенные, стали полнозвучно бить:

— Да ужъ не вернуться ли намъ ко временамъ культурной пропаганды?

— Вербовка въ партію — не просвѣщеніе! — сказалъ Матвѣй.

— Равно какъ и фабрикація полуграмотныхъ буржуа, — возразилъ Грубинъ.

А у окна зеленолицый гимназистъ Ва-

трушкинъ уныло гудѣлъ:

— Ты пришла съ лицомъ веселымъ.

Розы — щеки, бровь — стрѣла.
И подъ небомъ-нѣбомъ голымъ
Въ пасти улицы пошла.

Продалась кому хотѣла.

И вернулась. На щекахъ

Пудра пятнами бѣлѣла,

Волосъ липнулъ на вискахъ.

И опять подъ желтымъ взоромъ

Въ тѣнь угла отведена,

Торопливымъ договоромъ

Цѣловать осуждена... 1

атр;nbsp; 1 Per Aspera, г. С. Городецкаго

— Задержите меня! — вдругъ испуганнымъ шепотомъ приказала Зоя, сильно пошевелившись на окнѣ, студенту Васюкову.

— Чего?

«Санинъ» выпучилъ глаза, не понимая, а Зоя торопливо командовала:

— Задержите меня... Боже, какой недогадливый... занавѣскою задержите... Я слышу: въ залъ ходитъ Симеонъ... — пояснила она, исчезая за синимъ трипомъ.

Матерія еще не перестала колыхаться, ко-

гда на порогъ комнаты, дѣйствительно, показался Симеонъ. Онъ былъ въ пальто и шляпъ-котелкѣ, съ тростью въ рукахъ, и — неожиданно — въ духъ. Причиною тому была, какъ ни странно, грубая сцена, происшедшая между нимъ и Викторомъ. Оставшись одинъ, Симеонъ внимательно перечиталъ расписку Виктора и трижды вникалъ въ послѣднія ея строки, что «все причитавшееся мнѣ изъ наслѣдства дяди моего Ивана Львовича Лаврухина получилъ сполна и никакихъ дальнѣйшихъ претензій къ брату моему, Симеону Викторовичу Сарай-Бермятову, по поводу сказаннаго наслѣдства имѣть не буду». И чѣмъ больше онъ вчитывался, тѣмъ яснѣе просвѣтлялся лицомъ, ибо эта категорическая расписка неожиданно оставила въ его карманѣ — чего Викторъ, конечно, и не подозрѣвалъ, — не малый капиталецъ...

— «Все»... — думалъ Симеонъ, саркастически оскаливая зубные серпы свои. — То-то «все»... Юристы тоже! И чему только ихъ въ университетѣ учать?... Напиши онъ даже «всю сумму», «всѣ деньги», и вотъ уже — другая музыка... Все!.. съ этимъ «все» ты у меня,

другъ милый, на недвижимости то облизнешься!.. Поздравляю васъ, Симеонъ Викторовичъ, съ подаркомъ. Теперь я этому мальчишкѣ покажу, какъ братъ за шиворотъ старшаго брата, права свои, видите ли, осуществлять чуть не съ револьверомъ въ рукахъ. Изъ недвижимости, что хочу, то и вышвырну негодяю — и все будетъ съ моей стороны еще милостью, благодареніемъ, потому что — могу и ничего не дать: расписка-то вотъ она, право-то за меня... Ахъ, мальчишка! мальчишка!

Эти соображенія настолько развеселили Симеона, что онъ даже не особенно разгнѣвался, узнавъ, что Епистимія, вопреки его приказанію ждать новой бесѣды, убоялась идти къ нему и убѣжала домой.

— Ну, и чортъ съ ней! — рѣшилъ онъ. — Въ концѣ концовъ, можетъ быть, къ лучшему. Я слишкомъ много нервничалъ сегодня. Съ возбужденными нервами вести новый отвѣтственный разговоръ — того гляди, попадешь въ ловушку... Епистимія — не Викторъ... Холодная бестія, вьющаяся змѣя... Съ нею держи ухо востро: эта безграмотная троицхъ юристовъ вокругъ пальца окрутить...

Вмѣсто того, онъ рѣшилъ поѣхать къ Эмилиі Ѳедоровнѣ Вельсѣ, рассчитывая въ салонѣ этой дамы, какъ въ центральномъ бассейнѣ всѣхъ городскихъ вѣстей и слуховъ, «понюхать воздухъ», — авось, ненарокомъ, и нанюхаетъ онъ волчьимъ чутьемъ своимъ какой-нибудь слѣдокъ къ источнику обезпокоившихъ его клубской болтовни и анонимокъ...

Проходя заломъ и слыша горячій споръ молодежи, Симеонъ пріостановился, послушалъ и, презрительно улыбнувшись, хотѣлъ пройти мимо, но Клаудіусъ замѣтилъ его въ дверь и издали раскланялся. Симеону пришлось войти къ Матвѣю, чтобы пожать руки Клаудіусу и Немировскому, которыхъ онъ еще не видалъ...

— О чемъ шумите вы, народные витіи? — спросилъ онъ, прислоняясь къ притолкѣ и посасывая набалдашникъ палки своей — художественную японскую рѣзбу по слоновой кости, изображавшую женщину съ головою лилицы: японскую ламію.

Клаудіусъ объяснилъ:

— Матвѣй громитъ насъ за то, что мы от-

казываемся непроизводително тратить трудъ и время на занятія съ его протеже Скорлупкинымъ.

Симеонъ вынулъ палку изо рта, поправилъ шапку на головъ и сказалъ внушительно, съ авторитетомъ:

— Матвѣй правъ. И я сожалью. Парень дѣльный.

Матвѣй, никакъ не ожидавшій отъ него такой поддержки, взглянулъ на брата съ изумленіемъ. Потомъ вскричалъ:

— Слышите, фуфыри? Даже Симеонъ оцѣнилъ!

«Даже» Матвѣя не очень понравилось Симеону, и онъ строго разъяснилъ:

— Симеонъ всегда любилъ энергію, уважалъ трудъ и людей, которые понимаютъ и исполняютъ его обязательность.

— Я не умѣю подчиняться обязательности труда, — холодно зѣвнулъ красивый Грубинъ, садясь на Матвѣеву постель.

— Въ моихъ рукахъ спорится только трудъ излюбленный, — вторя отозвался ему Немировскій.

Симеонъ закурилъ папиросу и учительно

возразиль:

— Всякій обязательный трудъ можно обратить въ излюбленный. Надо только придать ему излюбленную цѣль.

— То есть? — спросиль, будто полчаса пробилъ, Клаудіусъ.

— Цѣль, способную раскалить въ челоѡкъ величайшую пружину воли: эгоизмъ любимой страсти. Чтобы изъ статическаго состоянія онъ перешель въ динамическое, изъ недвижимаго сбереженія силъ въ энергію дѣятельнаго достиженія.

Грубинъ зѣвнулъ.

— Вы, Симеонъ Викторовичи, сегодня говорите, будто русскій магистрантъ философскую диссертацию защищаетъ. Оставьте. Я двѣ ночи не спалъ.

Но Симеонъ курилъ, посмѣиваясь, и говорилъ:

— Вы всѣ нехристи и безбожники...

— Меня исключи, — остановиль Матвѣй.

— Его исключи: онъ еще донашиваетъ ризы божескія, — глумясь, подхватиль Немировскіи.

— По Владиміру Соловьѣву, — пробилъ ку-

рантами своими Клаудіусъ. Симеонъ, все посмѣиваясь и покуривая, продолжалъ:

— Я не очень большой ораторъ и діалектикъ, обобщать не мастеръ, люблю говорить образами и притчами. Ну-ка, кто изъ васъ, еретиковъ, помнитъ «Книгу Бытія»? Іакова, влюбленнаго жениха прекрасной Рахили?

Матвѣй взялъ съ письменнаго стола своего черную толстую Библію и, быстрою привычною рукою листая ее, нашель желаемый текстъ:

— Іаковъ полюбилъ Рахиль и сказалъ Лавану: «я буду служить тебѣ семь лѣтъ за Рахиль, младшую дочь твою. И служилъ Іаковъ за Рахиль семь лѣтъ. И они показались ему за нѣсколько дней, потому что онъ любилъ ее».

Симеонъ вынулъ папиросу изо рта и повторилъ съ выразительнымъ кивкомъ:

— «Потому что онъ любилъ ее». — Слышали, аггелы?

— Такъ что же? — отозвался съ постели Грубинъ.

Симеонъ направилъ на него папиросу, какъ указку, и сказалъ:

— То, что безъ Рахили въ перспективѣ нѣтъ труда успѣшнаго и пріятнаго. А съ Рахилью въ мечтѣ, семь лѣтъ труда кажутся Іакову за недѣлю.

— Какъ всегда, ты — грубый матеріалистъ, Симеонъ, — раздумчиво сказалъ, ходившій по комнатѣ, руки за кушакомъ блузы, Матвѣй.

Симеонъ бросилъ папиросу.

— Неправда. Это ты понялъ меня грубо. Бери легенду шире. Мы всѣ Іаковы. Я, ты, онъ, твой Григорій Скорлупкинъ, даже вотъ эти безпутные Модестъ и Иванъ, — кивнулъ онъ на входившихъ среднихъ братьевъ. — И у всѣхъ у насъ есть свои Рахили.

— А я былъ увѣренъ, что ты антисемитъ? — промямлилъ Модестъ, лѣниво таща ноги и одѣяло черезъ комнату къ кровати. — Ну-ка, Грубинъ, пусти меня на одръ сей: ты мальчикъ молоденькій, а я человекъ заслуженный и хилый...

Симеонъ оставилъ его вставку безъ вниманія и продолжалъ:

— Одному судьба посылаетъ Рахиль простую, будничную, домашнюю. Рахили дру-

гихъ мудреныя, философскія, политическія.

— Ты своей Рахили, кажется, достигъ? — бросилъ ему съ кровати Модестъ.

Симеонъ обратилъ къ нему лицо.

— Если ты имѣешь въ виду... — началъ онъ.

— Дядюшкино наслѣдство, — коротко и кротко произнесъ Модестъ.

На лицахъ блеснули улыбки.

— Когда вы боролись за него съ Мерезовымъ, — сказалъ Грубинъ, — вамъ тоже годъ за день казался?

— Не наоборотъ ли? А? — подразнилъ Немировскій.

Но Симеонъ спокойно отвѣчалъ.

— Насмѣшки ваши — мимо цѣли. Я не герой, я обыватель, и Рахиль моя — мнѣ, какъ по Сенькѣ шапка: въ самый разъ. Благо тому, кто ищетъ посильнаго и достигаетъ доступнаго.

— Да здравствуетъ Алексѣй Степановичъ Молчалинъ и потомство его! — воскликнулъ Модестъ въ носъ, точно ксендзъ — возгласъ въ мессъ.

Клаудіусъ, тонко улыбаясь, смотрѣлъ на

Симеона. Этотъ человекъ бывалъ въ хороше-
мъ обществѣ города и кое-что зналъ уже изъ
сплетенъ, плывущихъ о лаврухинскомъ
завѣщаніи.

— Въ своей легендѣ вы пропустили пи-
кантную подробность, — защелкалъ онъ сво-
имъ мягкимъ маятникомъ дѣловито и обстоя-
тельно:

— Послѣ того, какъ Іаковъ проработалъ за
Рахиль семь лѣтъ, Лаванъ то вѣдь надулъ его:
подсунулъ, вмѣсто прекрасной Рахили, дурно-
глазую Лію?

— Пересмотри завѣщаніе, Симеонъ! — рас-
хохотался Модестъ, — вдругъ, и оно окажется
не Рахилью, но Ліей?

Симеонъ испыталъ искреннее желаніе пу-
стить брату въ голову японскою дамою съ ли-
сичьей головой, но сдержался, лишь чуть
прыгнувъ правою щекою, и обратился — все
въ томъ же тонѣ хорошей, умной шутки — къ
брату Матвѣю:

— Матвѣй, дочитай этимъ отверженнымъ
сказку до конца.

— «И сказалъ Лаванъ. — Дадимъ тебѣ и ту
за службу, которую ты будешь служить у ме-

ня еще семь лѣтъ другихъ»...

— «И служилъ у него семь лѣтъ другихъ!» — торжественно прервалъ и заключилъ Симеонъ, величественнымъ жестомъ подъемля трость свою, будто нѣкій скипетръ или жреческій жезлъ.

Немировскій вскочилъ со стула и захопалъ, какъ въ театрѣ.

— Bravo, Симеонъ Викторовичъ! Правда! Правда!

Симеонъ поклонился ему съ видомъ насмѣшливаго удовлетворенія.

— Насколько мнѣ помнится, Рахиль господина, который мнѣ аплодируетъ, извѣстна подъ псевдонимомъ республики... федеративной или какъ тамъ ее?

— Мы за эпитетами не гонимся! — весело отозвался Немировскій.

А Симеонъ воскликнулъ съ трагическимъ паѳосомъ:

— Несчастнѣйшій Иаковъ! Сколько обманныхъ Лій обнимали вы, обнимаете и еще обнимете за цѣну Рахили, прежде чѣмъ Рахиль ваша покажетъ вамъ хотя бы кончикъ туфли своей?

— Гдѣ наше не пропадало! — засмѣялся Немировскій.

— Терпи, казакъ, атаманъ будешь! — поддержаль его Грубинъ.

Симеонъ снялъ шляпу.

— Сочувствовать самъ не могу, потому что всѣ мои симпатіи принадлежать жандарму, который рано или поздно васъ арестуетъ. Но уважаю въ васъ истиннаго Іакова, который понимаетъ, что значитъ любить Рахиль. Не то, что семь лѣтъ другихъ, но даже семьдесятъ семь за Рахиль свою отдать не жалко.

— Такъ сказалъ... — зазвонилъ съ особенною густотою Клаудіусъ, но Модестъ быстро перебилъ:

— Заратустра.

Но Симеонъ, надѣвая котелокъ свой, спокойно возразилъ тономъ побѣдителя, оставляющаго поле сраженія за собою:

— Нѣтъ: Іаковъ, убѣжденный, что онъ своей Рахили достигъ... Мое почтеніе, господа. Счастливо оставаться и пріятной вамъ дальнѣйшей философіи.

Едва онъ отвернулся, и быстрые шаги его зазвучали, удаляясь по темному залу, Моде-

сть сорвался съ кровати и, канканируя, заплѣлъ съ жестами:

Красавицъ, пѣсни и вино!..

Вотъ что всегда поеть Жано!

Иванъ закорчился на стулѣ — помиралъ со смѣху, а Матвѣй откликнулся съ неудовольствіемъ:

— Что съ тобой, Модестъ?

— Это я — за Симеона. Безъ куплета воевильный эффектъ его ухода не полонъ.

— Сегодня вашъ Симеонъ — весельчакъ! — сказалъ Немировскій.

— Крокодилъ въ духѣ! — кротко объяснилъ Модестъ.

— Выходите, Зоя Викторовна, гроза прошла мимо, — позвалъ, могильно смѣясь, гимназистъ Ватрушкинъ, поднимая занавѣску, за которую пряталась Зоя. Она выглянула, красная сквозь синее, и блеснула по комнатѣ испытующими глазками, еще не зная, какъ приняты обществомъ ея прятки, а потому и о себѣ — какъ ей поступить: выйти изъ засады, смѣясь или надувшись.

— А-а-а! — благосклонно протянулъ Модестъ, набрасывая пэнснэ: что я вижу? Легко-

мысленная сестра — въ роли Керубино? Смѣю спросить о причинахъ?

— Все несчастное платье это, которое я сегодня облила какао, — угрюмо отвѣчала дѣвушка, красная, какъ пюнь. — Васюковъ, — со свирѣпостью обратилась она къ студенту, который, видя непривычное смущеніе храброй дѣвицы, фыркаль отъ смѣха, какъ моржъ плавающій: — если вы сію же минуту не перестанете грохотать, я выгоню васъ вонъ и никогда больше не позволю вамъ приходить...

Студентъ опѣшилъ и, мгновенно превратясь изъ Санина въ мокрую курицу, запищалъ извиненія даже бабьимъ какимъ-то голосомъ, но Зоя, пренебрежительно отвернувшись отъ него, взяла брата Модеста подъ руку и увела его въ темный залъ.

— Однако, легкомысленная сестра своихъ поклонниковъ не балуетъ, — замѣтилъ Модестъ. Дѣвочка отвѣчала практическимъ тономъ прожженной пятидесятилетней кокетки:

— Дай имъ волю, только себя и видѣла... Этотъ болванъ изъ себя Санина ломаетъ... Наши гимназистки предъ нимъ таютъ и аха-

ють... Ладно! У меня онъ потанцуетъ. Ты тамъ Санинъ, либо нѣтъ, да я то тебѣ не Карсавина...

Она самодовольно захохотала грубоватымъ контральтомъ своимъ и стала жаловаться на ложныя положенія, въ который ставить ихъ, младшихъ, скупость и грубость Симеона. Вотъ до того дѣло дошло, что уже начинаешь шаговъ его бояться и прячешься отъ него, какъ отъ звѣря, рискуя унизиться и быть смѣшною въ глазахъ какого-нибудь Васюкова.

— Вѣдь ты знаешь милый характеръ Симеона, — говорила она. — Достаточно было бы ему увидеть меня подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этого злосчастнаго платья, чтобы онъ разбрюзжался и расшипѣлся, какъ старый граммофонъ, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ чужихъ людей... Сорокъ четыре рубля! Сорокъ четыре рубля! — передразнила она. — Велика, подумаешь, важность его сорокъ четыре рубля: у Эмилиі Федоровны пряжки на домашнихъ туфляхъ по пятидесяти стоятъ... Знаешь: въ пятнадцать лѣтъ, когда чувствуешь себя уже не дѣвчонкой, и око-

ло тебя кавалеры вздыхаютъ, совсѣмъ не привлекательно превращаться предъ этимъ желторожимъ нахаломъ въ приготовишку трепещущую...

— Тѣмъ болѣе, — согласился Модестъ, — что насладиться подобною метаморфозою ты еще успѣешь завтра или послѣзавтра. Легкомысленной сестрѣ предстоитъ жестокое столкновеніе съ Симеономъ, въ которомъ легкомысленная сестра рискуетъ потерпѣть кораблекрушеніе. Даже съ человѣческими жертвами.

— По картамъ гадаешь или видѣлъ во снѣ? — насторожилась Зоя.

— Вычиталь въ газетахъ. Сегодня «Глашатай» указываетъ пальцемъ на нѣкоторую женскую гимназію, будто въ ней завелась «лига любви».

Зоя, въ темнотѣ, выдернула руку изъ-подъ его руки.

— Врешь? — живо вскрикнула она голосомъ, впрочемъ, болѣе любопытнымъ, чѣмъ испуганнымъ.

— Почель долгомъ любящаго брата предупредить легкомысленную сестру.

— Покажи газету.

— Могу. Пойдемъ ко мнѣ. Оставилъ на столѣ...

— Къ тебѣ? — въ голосъ Зои послышалось насмѣшливое сомнѣніе. А ты не пьянъ сегодня?

— Ни въ одномъ глазу. Съ утра, какъ проспался, не принялъ еще ни единой капли.

— Нагнись,дохни.

Модестъ, не обижаясь, исполнилъ требованіе сестры.

— Что за чудеса? — сказала она съ искреннимъ удивленіемъ. — Дѣйствительно, кажется, трезвый... Хорошо, въ такомъ случаѣ, пойдемъ.

— Съ какихъ поръ, — невозмутимо спросилъ Модестъ, — съ какихъ поръ легкомысленная сестра записалась въ члены общества трезвости?

— Съ тѣхъ поръ, — тѣмъ же искусственно равнодушнымъ тономъ возразила дѣвушка, — какъ глубокомысленный братъ началъ до того напиваться, что, возвратясь домой, не въ состояніи различить сестру отъ Марѳутки и дѣлаетъ ей гнусныя предложенія

на возмутительной подкладкѣ... Короче говоря: со вчерашняго вечера.

— Развѣ было? — спокойно справился Модестъ.

— А то нѣтъ? Благодарю своего Діониса, что налетѣлъ на меня, а не на Аглаю... Эта плакса такой бы вой подняла...

— Тогда какъ легкомысленная сестра выше предразсудковъ?

Зоя холодно объяснила:

— Легкомысленная сестра гимнастикой занимается и у цирковой дѣвицы уроки борьбы беретъ, — такъ ей пьяныя любезности не такъ то страшны... Вонъ у меня мускулы-то, — попробуй!

— Мускулы недурны, — одобрилъ Модестъ, — но, коль скоро легкомысленная сестра чувствуетъ себя столь надежно вооруженною, то зачѣмъ нужна была предварительная экспертиза дыханія?

— Затѣмъ, что мнѣ нисколько не лестно быть участницей подобнаго инцидента. Эти романическіе эффекты, глубокомысленный братъ мой, величественны только въ сверхчеловѣческихъ романахъ и декадент-

скихъ пьесахъ. Въ жизни они пахнутъ весьма скверною грязью, въ пятнахъ которой ходить потомъ болѣе чѣмъ не занимательно. Мы живемъ не въ «Мертвомъ Городѣ» Габріэля д'Аннунціо, а просто въ губернскомъ городѣ. Берегись, Модестъ! Въ послѣднее время ты что-то линію потерялъ и все срываешься... Влетишь ты въ какой-нибудь большущій скандалъ, глубокомысленный братъ мой!

Модестъ возразилъ, скрывая смущеніе въ сарказмѣ:

— Покуда, однако, влетѣлъ не я, но кто-то другой...

— Это ты про гимназію? Да, теперь пойдетъ переборка! — со смѣхомъ сказала Зоя, выходя съ прыжками изъ темной залы на свѣтъ въ корридоръ.

— Вотъ почему и предсказываю тебѣ Цусимское сраженіе съ Симеономъ.

— Не за что. Меня не касается.

— Ну, да! Такъ я и повѣрилъ! Ужъ, конечно, зачинщица! — говорилъ Модестъ, лѣниво влача за нею свои слабыя ноги.

— Напротивъ: умоляли, да не пошла, — равнодушно возразила Зоя, входя въ Модесто-

ву комнату.

— Добродѣтель или благоразуміе?

Она, забирая со стула газету, усмѣхнулась презрительно.

— Я не маленькая, чтобы не понимать, чѣмъ эти лиги кончаются. Не ребенокъ — такъ болѣзнь. Не скандалъ — такъ шантажъ. Терять себя за удовольствіе пить пиво съ мальчишками и слушать вранье, какъ одинъ ломается Санинымъ, а другой Оскаромъ Уайльдомъ, *pas si bete, mon chéri!*

— А Евино любопытство?

Она еще презрительнѣе сложила странныя губы свои.

— Еще если-бы у нихъ тамъ дѣлалось что-нибудь такое, чего я изъ книгъ вообразить не могла.

— Теоретическое образованіе, значить, основательное получила? — усмѣхнулся братъ.

— Изъ твоей же библіотеки, мой другъ! — отрѣзала сестра.

Онъ развелъ руками, поклонился, съ важностью опереточнаго комика въ герцогской роли, и произнесъ сентенціозно:

— Въ нашъ цивилизованный вѣкъ Мефи-

стофель того и смотри, чтобы Маргарита его не развратила.

— Это ты то Мефистофель? — насмѣшливо возразила Зоя, играя сложенной газетою.

— Да вѣдь не настоящій... — съ искусственнымъ смиреніемъ извинился онъ. Сама же ты говорила: губернской городъ... Такъ... по губернскому уровню... третьяго сорта...

Но она безжалостно потрясла тяжелою, въ русыхъ косахъ, головою и, отдувая губы, произнесла басомъ, съ разстановкою:

— Knorfgieszer...

— Что такое?

— «Пееръ Гинта» читаль?

— Mademoiselle, за подобные оскорбительные вопросы мальчишкамъ уши дерутъ, а дѣвочекъ цѣлуютъ...

— Только не братья, — уклонилась она. — Въ «Пееръ Гинтъ» есть такое дѣйствующее лицо... Der Knorfgieszer... Помнишь?

— Ну, положимъ, помню... Такъ что же?

— Мнѣ кажется, тебѣ съ этимъ господиномъ не слѣдуетъ встрѣчаться... Онъ тебѣ опасень — принесетъ несчастіе...

И, громко расхохотавшись, выбѣжала изъ

комнаты, тяжело топоча большими ногами своими и крича по корридору:

Bas ist ja der Knopfer — du bist uns bekannt
Und leider kein Sunder im hohern Verstand
Drum giebt man dir nicht den Gnadenstosz
Ins Feuer, du kommst in den Loffiel blosz...

Модестъ, слушая этотъ оскорбительно-вещельный, наглый, горластый смѣхъ, смотрѣлъ вслѣдъ сестрѣ глазами, рекомендовавшими въ обладатель своемъ отнюдь не Пееръ Гинта, но скорѣе самого таинственнаго «Пуговочника» и даже, пожалуй, ту странную тощую духовную особу съ лошадиными копытами, которую Пееръ Гинтъ встрѣтилъ нѣсколько позже Пуговочника — на перекресткѣ... Даже губы у него побѣлѣли...

— Вотъ-съ, какъ? — думалъ онъ, кривя лицо. Надо мною уже дѣвчонки издѣваться начинаютъ?.. Хорошо ты себя устроилъ въ этомъ домѣ, пане Модестъ... Скоро, кажется, только и сохранишь ты престижъ свой, что у безмолвно восхищеннаго идіота Ивана... А нельзя не сознаться: молодчиною растеть у меня сестрица!.. Если я — неудачный полугрѣшный Пееръ Гиить, гожусь только

въ ложку Пуговочника, то она то уже навѣрное — принцесса изъ царства Троллей! Эту на пуговицы, по двѣнадцать на дюжину, не перельютъ... нѣ-ѣ-ѣтъ!.. не тѣ... промессы!..

Глупое слово, вскочившее въ мысль, разсмѣшило его, и онъ возвратился къ Матвѣю уже успокоенный.

V

Въ центрѣ города, въ хорошемъ тихомъ переулкѣ, между двумя богатыми дворянскими улицами, безъ магазиновъ, а, слѣдовательно, съ малою ѣздою, въ собственномъ домѣ, пятиэтажномъ по длинному уличному фасаду, занимала бельэтажъ та самая Эмилија Ѳедоровна фонъ-Вельсъ, имя которой такъ часто и такъ разнообразно повторяли и учитель Протопоповъ со своею учительницею, и Симеонъ Сарай-Бермятовъ съ Вендлемъ, и Модестъ съ Иваномъ, и даже пятнадцатилѣтняя Зоя... Имя это, — имя недавней гувернантки, у которой еще и Зоя успѣла поучиться по Марго французскому языку, а ужъ старшая то дѣвица Сарай-Бермятова, Аглая, была вполнѣ воспитанницей

Эмилии Ѳедоровны — имя это уже пятый годъ, наполняло и городъ, и губернію. Подъѣздъ ея квартиры, правда, не былъ мѣстомъ настолько казеннымъ, чтобы охраняться будкою съ часовымъ, но дежурный околоточный разгуливалъ по переулку денно и ночью и нигдѣ въ другихъ мѣстахъ города не было столь усиленнаго наряда городовыхъ, нигдѣ не шныряло больше переодѣтыхъ сыщиковъ, обязанныхъ бдѣть отъ зари утренней до вечерней и отъ вечерней до утренней, наблюдая издали за великолѣпнымъ подъѣздомъ этимъ. Стояла и двигалась вся эта вѣрная стража, конечно, не для того, чтобы стеречь бессарабскую красоту госпожи Вельсъ, хотя и, дѣйствительно, выдающуюся красоту смѣшанной румынской и малороссійской крови — такую красоту, что всякому лестно похитить; но на случай посѣщенія г-жи Вельсъ «хозяиномъ губерніи» и сіятельнымъ, и высокопревосходительнымъ, княземъ Аникитою Вассіановичемъ Беглербей-Васильсурскимъ, въ городскомъ просторѣчїи и юмористическихъ журналахъ болѣе извѣстнымъ подъ именемъ Аники

Еруслановича. Посѣщенія же его бывали часты, даже по нѣскольکو разѣ на день, и могли воспослѣдовать, по фантазіи князя, во всякое время дня и ночи, когда лишь ему взбрѣдетъ въ полу-татарскую его голову страстная или ревнивая мысль посѣтить пріятельницу, въ которой онъ души не чаялъ.

Въ настоящее время князя нѣтъ въ городѣ: уѣхалъ на торжества по открыто какого-то патріотическаго монумента въ одномъ изъ уѣздовъ. Но стража отъ того не менѣе неусыпна, ибо, если въ администраціи и полиціи богоспасаемаго града сего спросить любого подъ строгимъ, конечно, секретомъ: кого онъ болѣе страшится: самого ли грознаго князя Аники Еруслановича или Эмилиі Федоровны Вельсъ, отвѣтъ почти навѣрное послѣдуетъ въ томъ смыслѣ, что, молъ, -

— Его сіятельство... что же!.. такимъ ангеламъ во плоти — въ раю мѣсто... Но ихъ превосходительство Эмилија Федоровна порядокъ лю-ю-любятъ! ...Чрезвычайно какъ любятъ порядокъ ихъ превосходительство!.. И князь то самъ, когда къ нимъ ѣдутъ, такъ всегда бьвають въ сомнѣніи, не было бы взыска. Хо-

дить-ходить, кружить-кружить передъ зеркаломъ то съ камердинеромъ: смотри, Виталій, внимательнѣе, нѣтъ ли гдѣ пушинки на мундирѣ, да не криво ли сидитъ паричекъ...

Какимъ образомъ Эмилиа Ѳедоровна Вельсъ превратилась въ ихъ превосходительство, и кто произвелъ ее въ генеральскіе чины, открыто мракомъ неизвѣстности. Во всякомъ случай, супругъ ея Людвигъ Карловичъ, подарившій бѣдной дворяночкѣ, урожденной дѣвицѣ Панталыкиной, громкую остзейскую фамилію фонъ Вельсовъ, здѣсь не причемъ. Онъ, въ чинѣ коллежскаго асессора, гдѣ то далеко чѣмъ то служить, не то въ Ташкентѣ, не то въ Благовѣщенскѣ, получаетъ отъ супруги весьма солидную пенсію, и всѣ его брачныя обязанности сводятся единственно къ условію: не попадаться на глаза ни дражайшей своей половинѣ, ни ея вельможному кровителю.

Симеонъ Сарай-Бермятовъ принадлежитъ къ числу тѣхъ гостей Эмилиі Ѳедоровны, предъ которыми команда ея тѣлохранителей тянется въ струну, когда они подкатываютъ къ подъѣзду ея квартиры, хотя въ городѣ онъ

не пользуется ни любовью, ни хорошею репутациею, да и не занималъ, покуда, никакихъ сколько нибудь видныхъ должностей. Попасть къ Эмилиі Ѳедоровнѣ Вельсъ постороннему человѣку, помимо дѣловаго визита, который надо испрашивать въ особомъ, довольно сложномъ порядкѣ, черезъ третьи лица, — весьма трудно, но для Сарай-Бермятовыхъ двери ихъ бывшей гувернантки всегда открыты.

И сейчасъ Симеонъ былъ принятъ, несмотря на весьма позднее время, настолько позднее, что Эмилиа Ѳедоровна, не ждавшая посѣтителей, была уже въ домашнемъ халатикѣ, и бездокладный гость нашель ее, по указанно служанки, въ интимномъ будуарѣ, рядомъ съ спальнею, у письменнаго стола, усердно пишущею на голубой бумагѣ письмо, которое, при задверномъ окликѣ и входѣ Симеона, она спрятала въ ящикъ и звонко щелкнула замкомъ.

Красивая женщина была Эмилиа Ѳедоровна. Красивая и сильная. Когда она, въ желтомъ плюшевомъ халатикѣ своемъ, встала на встрѣчу Симеону, пружинное движеніе строй-

наго тѣла ея напомнило пуму въ звѣринцѣ, взыгравъ, поднявшуюся у рѣшетки на дыбы. И глаза ея алмазно сверкали, какъ у пумы, хотя были не зеленые, но темно-каріе, а подъ немного слишкомъ густыми, сближенными темнымъ пушкомъ, бровями казались они совсѣмъ черными...

— Ба! Неужели вспомнилъ? — дружески улыбнулась она всѣмъ янтарнымъ, румынскимъ лицомъ своимъ, подавая Симеону маленькую, горячую ручку, въ изумрудныхъ кольцахъ, которую Сарай-Бермятовъ поднялъ было къ усамъ своимъ довольно небрежно, но, услыхавъ, что надо было ему что-то вспомнить, задержалъ ее на всякій случай и, хотя покуда ровно ничего не помнилъ, дважды горячо поцѣловалъ.

— Ну, еще бы не вспомнить... конечно, вспомнилъ! — съ чувствомъ произнесъ онъ.

— Вотъ за что спасибо, такъ спасибо!.. Ты знаешь, я уже не настолько юна, чтобы праздновать этотъ свой день, и даже грѣшна! — скрываю его отъ всѣхъ новыхъ знакомыхъ... Но какъ то немножко грустно было: неужели изъ старыхъ друзей... отъ тѣхъ временъ, ко-

гда я была не madame фонъ Вельсъ, но хорошою дѣвочкой Миличкой Панталыкиной... неужели всѣ такъ мало думаютъ обо мнѣ, что никто не вспомнить? И вдругъ — ты... Откровенно говоря: меньше всѣхъ на тебя надѣялась и тѣмъ болѣе довольна: такой счастливый сюрпризъ!

— Вотъ ловко попалъ! — мысленно восхищался Симеонъ, — ужъ истинно не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь...

А вслухъ говорилъ:

— Вспомнилъ, Миличка, вспомнилъ... Извини: днемъ было слишкомъ хлопотно, не могъ заѣхать и поздравить, но, какъ только освободился, сейчасъ же потребовалъ лошадей: хотъ и поздно, думаю, но — авось, простить, лучше поздно, чѣмъ никогда... Извиняюсь лишь, что съ пустыми руками. Когда я ѣхалъ къ тѣбѣ, уже всѣ порядочные магазины были заперты...

— Какіе пустяки! Зачѣмъ мнѣ? Я тебѣ и такъ рада. Не дорогъ твой подарокъ, дорога твоя любовь.

Послѣднія три слова Эмилиа Ѳедоровна произнесла съ насмѣшкой — не то надъ Си-

меономъ, не то надъ собою, и безпокойные темные глаза кольнули лицо Симеона двумя острыми алмазными гвоздиками... Онъ сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ ни взгляда, ни тона, и, на пригласительный жестъ ея, равнодушно опустился въ фигурныя, пунцовымъ шелкомъ обитыя кресла, изображавшія разинутую пасть дракона, такъ что челюсти сего ужаснаго звѣря служили облокотнями, а подушкою для сидѣнья былъ языкъ.

— Курить можно?

— Можно... Но лучше перейдемъ въ диванную.

— Развѣ ждешь Анику? — усмѣхнулся Симеонъ.

— Именно потому, что не жду, и не надо курить здѣсь.

— Его привилегія?

Двуногая «пума» сверкнула алмазными глазами и кивнула головой, отвѣчая съ небрежнымъ сарказмомъ:

— Одна изъ немногихъ.

— Да вѣдь ему, по вашей конституціи, ревновать не полагается?

— И вообще, и къ тебѣ особенно...

— Такъ что же?

— Милый другъ, всё вы мужчины болѣе или менѣ фетишисты. И въ любви, и въ ревности. Когда мнѣ нравится какая-нибудь замужняя дама, я доказываю ей свое расположеніе прежде всего тѣмъ, что даю ей вѣрнѣйшій рецептъ противъ ревности мужа и любовниковъ... Пойдемъ.

— Можно узнать? — спросилъ Симеонъ, лѣниво слѣдуя за ея мягко ползущимъ по коврамъ, желтымъ, вспыхивающимъ въ изломахъ матеріи, хвостомъ.

— Пожалуйста, — возразила она, открывая въ диванной электричество и располагаясь съ ногами на турецкой софѣ. — Не дорого стоитъ!.. Очень просто. Сходясь съ мужчиной, женщина должна, прежде всего, окружить его кольцомъ маленькихъ житейскихъ фетишей, увѣрить его, что они необыкновенно важны, и что они-то именно и символизируютъ его право на нее... Понимаешь?

— Понимаю... Тонко!

Она засмѣялась, потягиваясь, и сказала:

— Я увѣрена, что, если бы моему Аникѣ Еруслановичу донесли, будто я вотъ тутъ въ

диванной отдалась тебѣ, это его меньше огорчить, чѣмъ, если бы его сѣятельное обоняніе учуяло въ моемъ будуарѣ запахъ чужой сигары или папиросы.

— Разсказывай!

— Увѣрю тебя... Всѣ вы такіе. Фетишисты! фетишисты! да!

— Ты и ко мнѣ эту мудрую систему примѣняла въ прежніе славные дни наши? — надменно усмѣхнулся Симеонъ.

Пума сверкнула глазами и легла подбородкомъ на бѣлыя, изумрудныя руки свои.

— Нѣтъ, — сказала она съ тягучею медлительностью, не то грустя, не то насмѣхаясь, — нѣтъ... къ сожалѣнію, тогда нѣтъ. Была молода, была глупа, была честна...

— Сколько искренней скорби о томъ, что не успѣла вырядить своего ближняго въ дураки!

Эмилія Ѳедоровна остро посмотрѣла на него и слегка прикусила алую губку.

— Будешь скорбѣть, когда вспомнишь, въ какую дуру меня-то самое ближній вырядилъ, — протяжно сказала она.

Симеонъ смѣшался и, потерявъ отвѣтъ,

усиленно курить, окружаясь синимъ дымомъ... А госпожа фонъ Вельсъ, равнодушная и спокойная, рассказывала ему про вчерашній пикникъ, устроенный въ честь ея казеннымъ пригороднымъ лѣсничествомъ, какъ все было безвкусно, неумно и скучно...

— Единственный интересный человекъ былъ твой братъ Модестъ, да и тотъ вскорѣ напился до того, что отъ него надо было прятаться...

Симеонъ сдѣлалъ гримасу отвращенія.

— Сокровище! — процѣдилъ онъ сквозь зубы.

— Ничего, — успокоительно возразила Эмилія Ѳедоровна. — Онъ алкоголикъ изъ легкихъ. У него это быстро и ненадолго. Съ рюмки хмельетъ, въ полчаса вытрезвляется.

— То и скверно, — сердито возразилъ Симеонъ. — Пьяный онъ нахаль, а спохмѣльязоль, какъ ехидна. Охота тебѣ съ нимъ яшаться.

Эмилія Ѳедоровна потянулась пумою въ желтомъ плюшѣ.

— Люблю неврастениковъ. Какъ лоттерея. Шутъ, шутъ, а вдругъ — пулю пустить?

Симеонъ усмѣхнулся, качая головою.

— Мальчишекъ къ себѣ приближать стала... Обидный признакъ, душа моя.

— Что дѣлать? — равнодушно возразила Эмилія Ѳедоровна. — Старѣюсь. Сегодня мнѣ исполнилось тридцать лѣтъ.

Симеонъ саркастически обнажилъ серпы свои.

— Для публики — двадцать четыре? — подчеркнулъ онъ.

— Ты не публика.

Она устала локти, какъ подпорки, на мягкую пеструю ткань софы, положила подбородокъ и щеки въ ладони и, пристально глядя на Симеона, говорила, янтарная лицомъ подъ черною массою сдвинувшейся впередъ прически, сверкающая глазами изъ подъ черныхъ, слишкомъ густыхъ, бровей и изумрудами въ маленькихъ розовыхъ, заслоненныхъ тьмою волосъ, усахъ и на бѣлыхъ, погруженныхъ въ эти волосы, пальцахъ.

— Я очень благодарна тебѣ, что ты, все-таки, пріѣхалъ. Тридцать лѣтъ для женщины важный срокъ. Переломъ. Мнѣ было бы грустно, если бы въ такой день ты не захотѣлъ по-

видать меня. Ты такъ много значиль въ моей жизни.

Симеонъ поклонился съ двусмысленною вѣжливостью, которая отвѣтила на прочувственный тонъ г-жи Вельсъ уклончивымъ, но прозрачнымъ отказомъ принять бесѣду въ такомъ сантиментальномъ направленіи.

— Видишь ли, Миля, — сказалъ онъ, повертывая, — круто и грубо по своему обыкновенію, — разговоръ съ этой опасной и скользкой для него темы. — Видишь ли, Миля. Хотя подарка я тебѣ для дня рожденія не принесъ, но кое что пріятное для тебя все-таки имѣю.

Онъ вынулъ бумажникъ и изъ бумажника — пачку кредитокъ. «Пума» на софѣ смотрѣла на него заискрившимися глазами, выраженіе которыхъ не говорило о большой радости.

— Пріѣхалъ я, между прочимъ, затѣмъ, чтобы передать тебѣ остальные деньги, согласно нашему условію. Получи.

Она пожала плечами.

— Если тебѣ угодно, — пожалуй, давай. Я могла бы ждать. Мнѣ все равно.

— Очень угодно, — рѣшительно сказалъ онъ. — Я изъ тѣхъ людей, которые, покуда знаютъ за собою денежный долгъ, чувствуютъ себя несчастными, душа ноетъ, и мозги скулятъ, какъ слѣпыя щенята.

— Долгъ долгу рознь, — бросила «пума» какъ-бы не ему, а въ воздухъ, осіявъ Симеона серьезными, предостерегающими глазами.

Симеонъ умышленно пропустилъ это замѣчаніе мимо ушей.

— Этою тысячей мы съ тобою по мерезовскому дѣлу квиты, — сказалъ онъ, протягивая Эмилиі Ѳедоровнѣ руку съ пачкою. Та, видимо, раздумывала, брать или нѣтъ, и красивые пальчики лѣвой руки, которою она наконецъ взяла деньги, слегка дрожали подъ изумрудами.

— Ужъ не знаю, — двусмысленнымъ тономъ недоумѣнія возразила она, безъ благодарности пряча пачку подъ желтый халатикъ свой, за лифъ, — ужъ не знаю, Симеонъ, квиты ли мы.

Правая щека Симеона прыгнула, но онъ сдержался и сухо отвѣчалъ:

— Я свои обязательства исполнилъ и даже

съ излишкомъ.

— Но я то въ своихъ обязательствахъ просчиталась, — холодно возразила Эмилиа.

Онъ пожалъ плечами.

— Вина не моя.

Она смотрѣла на него въ упоръ блестящими укоряющими глазами и, качая прическою, которая мохнатымъ курганомъ плясала на тѣни, говорила медленно и вѣско:

— Ты едва надѣялся умолить дядю хоть на третью часть отъ Мерезова, а успѣлъ выклянчить все.

— Что же тебѣ Мерезова жаль? — зло усмѣхнулся Симеонъ.

Она, искусственно холоднымъ жестомъ, отвернулась и стала тянуться пумою, почти лежа на спинѣ.

— Что же тебѣ Мерезова жаль? — повторилъ Симеонъ.

Она, все въ той же позѣ, отвѣчала со строгимъ укоромъ:

— Прошли годы, когда я жалѣла мужчинъ. Но, конечно, разорять его я не собиралась.

— Хорошо онъ разорень! Двадцать пять тысячъ я ему долженъ выдѣлить.

— Изъ пятисотъ слишкомъ? — Ёдко возра-
зила Эмилиа. — Безъ меня было бы наоборотъ.

Щеку Симеона страшно дернуло.

— Объ этомъ теперь говорить поздно, —
произнесъ онъ съ тяжелымъ усиліемъ надъ
собою, чтобы не отвѣтить рѣзкостью.

Она равнодушно возразила, лежа все
также навзничъ и не глядя на него:

— О, я знаю и не спору. Просчетъ свой
кладнокровно пишу себѣ въ убытокъ, а на бу-
дущее время кладу памятку.

— Врядъ ли намъ придется считаться еще
разъ, Эмилиа. Я кончаю дѣла свои.

— Слышала я. Невѣсту ищешь?

— Можетъ быть.

— Лилию долины? — говорила она въ носъ,
съ паѳосомъ актрисы изъ мелодрамы. —
Невинный ландышъ весеннихъ роцъ?

— Не смѣйся! — сказалъ Симеонъ съ новою
судорогою въ щекъ.

Тогда Эмилиа Ѳедоровна вдругъ перешла
изъ позы лежачей въ сидячую и, схвативъ ру-
ками колѣни, устремила въ лицо Симеона
испытующій взглядъ сверкающихъ очей сво-
ихъ:

— Женился бы ты лучше на мнѣ, — спокойнымъ и твердымъ голосомъ, безъ всякой неловкости и волненія, произнесла она.

Предложеніе это Симеонъ слышалъ уже не въ первый разъ, привыкъ къ нему, какъ къ своеобразному чудачеству своей собесѣдницы, и потому отвѣчалъ со спокойною сдержанностью, нисколько не боясь Эмилию Ѳедоровну обидѣть:

— Ты знаешь мои взгляды на бракъ.

Она опять откинулась навзничь, точно онъ ее ударилъ, и долго лежала, молча, съ закрытыми глазами.

— Да, въ ландыши я не гожусь! — услышалъ онъ наконецъ, и, тоже помолчавъ въ искусственной, нарочной паузѣ, потому что отвѣтъ его былъ готовъ сразу, произнесъ тихо, интимно:

— А я злопамятенъ и ревнивъ къ прошлому.

Она поймала звукъ неувѣренности въ его голосѣ и улыбнулась про себя и недалеко Симеону оставить за собою послѣднее слово.

— Которое самъ сдѣлалъ! — строго подчеркнула она.

— Не одинъ я! — смѣло и сухо огрызнулся Симеонъ.

Этого пункта въ спорахъ съ старою своею пріятельницею онъ никогда не боялся. Эмилиа не нашлась, что возразить, и промолчала. Она лежала и думала, Симеонъ молчалъ и курилъ.

— Жаль, что бастуешь, — сказала Эмилиа, наконецъ. — Аника мой страхъ въ гору идетъ. Баллотировался бы ты въ предводители. Годъ за годъ, ступенька за ступенькою, я тебя въ министры вывела бы.

Онъ отрицательно тряхнулъ головою.

— Въ короли зови — не пойду. Усталъ.

— Я тебя крупнѣе считала.

— Не ты одна. Я сегодня съ Вендлемъ говорилъ уже на эту тему. Пройдутъ два-три года, и всѣ, кто воображалъ меня волкомъ какимъ-то, убѣдятся, что я спокойнѣйшій старосвѣтскій помѣщикъ, съ единственныи идеаломъ: дожить въ мирѣ со своею Пульхеріей Ивановной до восьмидесяти лѣтъ.

— А сестры? — послѣ долгой паузы, выжидающимъ голосомъ, будто вся настороженная, спросила Эмилиа.

Симеонъ презрительно дернулъ плечами и, оскаливъ серпы свои, бросилъ короткое безразличное восклицаніе:

— Ба!

Тогда Эмилія Ѳедоровна быстро поднялась и сѣла на софѣ, спустила ноги на полъ и, сдвинувъ брови, сверкая глазами, заговорила тономъ человѣка, который не только видитъ своего неуважаемаго противника насквозь, но ничуть и не намѣренъ скрывать отъ него свое неуваженіе:

— Если-бы я была твоею сестрою, я постаралась бы опозорить имя твое, которымъ ты такъ чванишься, какъ только сумѣла бы хуже.

— Очень радъ, что ты не моя сестра! — насмѣшливо улыбнулся смущенный Симеонъ.

А она продолжала, негодуя:

— Хорошую молодость ты имъ устроилъ, нечего сказать! Вѣдь въ вашемъ домѣ дышать нечѣмъ: тоска и злоба углекислотою ползуть.

— Выйдутъ замужъ, устроятъ жизнь по своему, — старался какъ можно равнодушнѣе парировать онъ.

Она съ презрѣніемъ возразила:

— А гдѣ женихи?

— Зоѣ рано еще, а вокругъ Аглаи мало ли увивается? У братьевъ товарищей много. И студенты, и офицеры.

— Это не женихи, но такъ, бывающіе молодые люди. Аглаю за челоѡка безъ состоянія выдавать нельзя. Она красавица.

— Разборчивою невѣстою съ ея придаными быть не приходится.

— Красавица замужемъ за нищимъ либо мученица, либо кокотка.

— Уже это — на отвѣтственности будущаго супруга, — равнодушно возразилъ Симеонъ.

— Тебѣ, слѣдовательно, только бы ее вдвоемъ съ кѣмъ-нибудь въ церковь, къ аналою впихнуть? — ядовито язвила, сверкая глазами, Эмилія. Но Симеонъ былъ какъ въ броню закованъ. На саркастическій вопросъ ея онъ отвѣчалъ почти съ добродушіемъ:

— И хотѣлось бы — поскорѣе. Ты имѣешь на нее вліяніе. Внушай при случаѣ, что пора развязать брату руки.

Она засмѣялась горько, оскорбительно.

— Лишнее, мой милый. Ты сестрамъ настолько надоѣлъ, что — было бы за кого, а выскочать безъ оглядки.

— Любезныя слова ты мнѣ говоришь!

— Развѣ ты ихъ отъ меня одной слышишь? — холодно возразила она.

Онъ примолкъ и окутался облакомъ дыма. Эмилія Ѳедоровна тоже долго молчала, обнимая колѣна свои, задумчиво сверкая въ пространство алмазными глазами. Потомъ заговорила серьезно, внушительно:

— Какъ ты хочешь, Симеонъ Викторовичъ, а для Васи Мерезова ты обязанъ что-нибудь сдѣлать... Побѣдитель долженъ быть великодушнымъ.

— Долженъ... обязанъ... — иронически повторилъ Симеонъ. — Какъ, право, у васъ, женщинъ, все это категорично и скоро...

— Ужъ не знаю, скоро ли у насъ, женщинъ, — строго оборвала Эмилія, — но тебѣ, мужчинѣ, я совѣтовала бы этимъ воспользоваться.

— Зачѣмъ? — глухо спросилъ онъ, уклоняясь отъ взгляда ея.

Она отвѣчала значительно и протяжно:

— Для успокоенія общественнаго мнѣнія.

Правая щека Симеона прыгнула судорогой.
— Вотъ оно! — подумалъ онъ про себя, но промолчалъ.

— Въ городѣ тобою очень недовольны, Симеонъ...

Онъ отозвался съ сердцемъ:

— Вотъ на что мнѣ — извини за выраженіе — въ высокой степени... наплевать.

— Не думаю, — возразила она спокойно, — не думаю, чтобы такъ... не думаю, чтобы совершенно наплевать, Симеонъ... Особенно для человѣка, мечтающаго сорвать въ законномъ бракѣ благоуханный ландышъ.

— О, что до этого касается, — криво усмѣхнулся онъ, — то съ тѣми средствами, которыми я теперь могу располагать, ландыши рвать не трудно... И дьяволь сорветъ, а надѣюсь, я имѣю, все-таки, нѣкоторыя физическія и моральныя преимущества предъ этимъ джентльмэномъ.

— Ты же, помнится, о женитьбѣ по любви мечталъ? — со спокойнымъ удивленіемъ возразила Эмилія. Симеонъ кивнулъ головою.

— И мечтаю.

— Не похоже...

— Женюсь на той, которую полюблю, —
объяснилъ Симеонъ.

— А она?

Онъ горько усмѣхнулся.

— А она мнѣ вѣрна будетъ. Я стану ее беречь, какъ зѣницу ока, и она мнѣ будетъ вѣрна. Дѣти будутъ... много дѣтей... хорошихъ... Сарай-Бермятовыхъ!

Алмазные глаза Эмилии Ѳедоровны затуманились не то презрѣніемъ, не то жалостью.

— Это... любовь? — спросила она съ разстановкою. Онъ пожалъ плечами.

— Чего же ты хочешь? Я не дуракъ и знаю жизнь. Въ мои годы, съ моей изломанной жизнью, я не могу рассчитывать на большее... Ландыши отлично растутъ на перегноѣ и, вѣроятно, очень ему благодарны за питаніе, но врядъ ли они пылаютъ къ нему нѣжною страстью.

Эмилиа Ѳедоровна, зажавъ янтарное лицо въ бѣлыя ручки, осіянные изумрудами, глядѣла на него, изъ-подъ чернаго лѣса прически, долго, вдумчиво, серьезно.

— Несчастный ты человекъ, Симеонъ! —

вздыхнула она.

Сарай-Бермятовъ дрогнуль щекою.

— Ну, вотъ, — пробормоталь онъ съ усилиемъ перевести гримасу въ улыбку, — дожиль и волкъ до того, что жалѣть его стали...

— Несчастнѣй, истинно несчастнѣй, — повторила она. — Жалѣла я тебя и тогда, когда ты за этимъ своимъ наслѣдствомъ охотился, а теперь вдвое жалѣю. Плохо твое дѣло. Погубить оно тебя. Лучше для тебя было бы никогда не прикасаться къ нему...

— Ну, я другого мнѣнія, — сухо возразиль онъ, — и притомъ, милая Сивилла...

Онъ выразительнымъ кивкомъ указаль на мѣсто, куда Эмилія Ѳедоровна только что спрятала полученныя отъ него деньги. Янтарь лица ея чуть покраснѣль, будто зажегся внутреннимъ огнемъ, но отвѣчала она спокойно, голосомъ равнодушнымъ, ничуть не дрогнувшимъ и не повышеннымъ.

— А что мнѣ? Я тутъ орудіе, человекъ посторонній... Ты попросиль у меня помощи, я тебѣ сказала, что помощь моя будетъ стоить столько то, ты заплатиль, я помогла, — и сегодня, вотъ, ты самъ же, какъ только пріѣхаль,

поспѣшилъ заявить мнѣ, что мы квиты... Ну, квиты, такъ квиты. Но права психологической критики чрезъ это я, надѣюсь, не лишена...

— Зачѣмъ же помогла, если вѣрила, что помогаешь во вредъ мнѣ? — недовѣрчиво усмѣхнулся Симеонъ.

Она искусственно удивилась, широко открывая алмазы глазъ.

— Да кто ты мнѣ? Мужъ? братъ? отецъ? любовникъ? Э, миленькій! «Було колькы», какъ говоритъ мой кучеръ Ничипоръ... Имѣешь свой разумъ въ головѣ, на что тебѣ моя маленькая женская смѣтка... Квиты, голубчикъ, — квиты!

Онъ, насупясь, молчалъ въ табачномъ дыму, а Эмилія Ѳедоровна, смѣнивъ иронической тонъ на дѣловой и согнавъ улыбку съ лица, говорила строго и раздѣльно, совѣтуя такъ, будто приказывала:

— Однако, квиты, да не совсѣмъ. Въ наши коммерческіе расчеты вмѣшалась, къ несчастью, психологія, и она, увы, не удовлетворена. Я рѣшительно не могу позволить тебѣ пустить Васю Мерезова нищимъ по міру...

— Нищій съ двадцатью пятью тысячами рублей! — огрызнулся Симеонъ.

— Велики деньги! У него, я думаю, долговъ вдвое.

— Я ихъ дѣлалъ, что ли, чтобы за него платить?

— Ты не ты, но кредитъ Мерезову оказывали, какъ вѣрному и законному наслѣднику покойнаго Лаврухина, и, конечно, если бы ты не перехватилъ завѣщанія...

— Что за выраженія, — вспыхнулъ Симеонъ. — Понимаешь ли ты, что говоришь!

Она съ любопытствомъ смотрѣла на его дергающуюся щеку.

— Извини, пожалуйста, — этимъ грубымъ, но короткимъ словомъ я хотѣла только сказать: если бы, покуда мы съ Мерезовымъ были за-границей, ты не сумѣлъ заставить старика Лаврухина написать завѣщаніе въ твою пользу... ничего болѣе!

— Да, да, — сердито проворчалъ онъ, — но вышло у тебя болѣе... и много... очень много болѣе! Ты думаешь, я не знаю, какія сплетни распространяются обо мнѣ по городу? У меня сегодня Вендль былъ... анонимки получаю...

смысль фразы твоей я очень хорошо понимаю, Эмилія... очень...

— Я не думала сказать тебѣ что-либо непріятное и обидное, — возразила она. — Если такъ вышло нечаянно, то еще разъ извиняюсь. Но... разъ уже нашъ разговоръ коснулся этихъ слуховъ, я позволю себѣ спросить тебя: какъ ты къ нимъ относишься?

Онъ всталъ съ мѣста и, стоя, положилъ руки въ карманы брюкъ, дерзкимъ, фамиллярнымъ жестомъ, котораго не позволилъ бы себѣ при посторонней женщинѣ, и отвѣчалъ, дергая щекою, съ смѣлымъ вызовомъ:

— Прежде чѣмъ отвѣчу, мнѣ любопытно знать: какъ ты къ этому относишься?

Она, молча, шевельнула плечомъ... Онъ вглядѣлся въ окаменѣлый янтарь лица ея и, въ внезапномъ ужасѣ, выставилъ впередъ руки съ растопыренными ладонями, будто для самозащиты.

— Вѣришь?!

Она, молча, сомкнула рѣсницы.

— Вѣришь, что я...

Въ голосѣ его зазвучали страшныя ноты... Она взвѣсила ихъ въ умѣ своемъ, — потомъ

открыла глаза и мягко сказала:

— Я не вѣрю, что ты тутъ прямо при чемъ либо, но вѣрю, что въ пользу Мерезова было составлено какое то завѣщаніе, и что завѣщаніе это исчезло неизвѣстно куда...

— Вѣришь?!

Она, молча, склонила голову.

И оба молчали.

И тихо было въ пестрой и блеклой турецкой диванной, подъ фонаремъ, который расцвѣчалъ ея узоры своею острою, не мигающею, электрическою жизнью.

Наконецъ, Симеонъ поднялъ опущенную, будто раздавленную, голову и произнесъ значительно, рѣзко, твердо:

— Вѣрить подобнымъ слухамъ, Эмилиа Федоровна, все равно, что считать меня воромъ.

— Далеко нѣтъ, — спокойно остановила она, — это значитъ только, что ты пришелъ и сѣлъ на пустое мѣсто, не поинтересовавшись тѣмъ, почему оно опустѣло.

— Ты мнѣ помогала въ томъ, чтобы я сѣлъ на мѣсто это, да, ты мнѣ помогала! — воскликнулъ онъ, обращаясь къ ней почти съ угро-

зою. — Помни это!.. Если ты берешь на себя смѣлость меня осуждать, то не исключай и себя: значить, ты моя соучастница.

Она рѣзко возразила:

4- Поэтому то я и не безразлична къ тому, какъ городъ это принялъ и что говоритъ... Я совсѣмъ не желаю быть припутана въ молвь людской къ грязному дѣлу... Ты опять киваешь, что мнѣ заплачено? Ошибаешься. Мнѣ заплачено за дѣлежъ, а не за грабежъ.

Онъ угрюмо молчалъ, а она, сверкая глазами, насѣдала на него все строже и строже.

— Ты, когда рѣшилъ раздѣть Васю Мерезова, не учелъ его значенія въ городъ, ты позабылъ, что онъ всеобщій любимецъ...

Презрительно засмѣялся Симеонъ.

— Завтра я открою домъ свой всякому встрѣчному и поперечному, устрою разливанное море вина за обѣдомъ и ужиномъ, приглашаю гитаристовъ, цыганистовъ, рассказчиковъ изъ русскаго и еврейскаго быта, найму двѣ-три тройки безсмѣнно дежурить у моего подъѣзда — и буду, если захочу, такимъ же любимцемъ... вдвое... втрое!

— Сомнѣваюсь. Ты не изъ того тѣста, изъ

котораго выльпливаются общіе любимцы. Тутъ надо тѣсто рассыпчатое, а ты... уксусный ты человекъ, Симеонъ! — засмѣялась она, сверкая живыми алмазами глазъ и каменными огнями серегъ. Да и, во всякомъ случаѣ, это будущее, а Мерезова любятъ и въ прошломъ, и въ настоящемъ.

— Чѣмъ же я виноватъ, если, для того, чтобы угодить вашему милому обществу, надо быть не порядочнымъ человекомъ, а пьяницей, мотомъ и развратникомъ? — угрюмо откликнулся изъ табачнаго облака Симеонъ. — На этихъ стезяхъ бороться съ Василіемъ Мерезовымъ у меня не было ни времени, ни средствъ, ни охоты, ни натуры... Притомъ, — презрительно усмѣхнулся онъ, — наблюдая за любезнымъ братцемъ моимъ, Модестомъ Викторовичемъ, не замѣчаю, чтобы способъ Мерезова былъ уже такъ непреложно дѣйствителенъ. Негодяйства и безпутства въ Модестѣ не менѣе, однако не очень то красива его городская репутація. Скоро ни въ одинъ порядочный домъ пускать не будутъ.

— Чему же ты радуешься? — холодно остановила его Эмилія. И, такъ какъ онъ не

отвѣчалъ, а только курилъ и дымилъ гнѣвно, она покачала съ грустью темнымъ снопомъ волосъ своихъ, заставивъ сквозь ночь ихъ блеснуть зелеными звѣздами, изумрудныя серьги.

— Какъ вы, Сарай-Бермятовы, всѣ ненавидите другъ друга... Какая ужасная семья! Всѣ одичали, озвѣрѣли... Только Матвѣй, да Аглая и сохранили въ себѣ искру Божію...

— Юродивый и блаженная, — презрительно бросилъ Симеонъ. — Виктора еще помяни! Не достаетъ въ коллекціи.

— Виктора я слишкомъ мало знаю, — грустно сказала Эмилиа Ѳедоровна, — онъ всегда чуждался меня... А ужъ съ тѣхъ поръ, какъ я сошлась съ Аникитою Вассіановичемъ, повидимому, я совершенно утратила его уваженіе... Что же? онъ правъ. Мое общество не для такихъ послѣдовательныхъ ригористовъ...

Симеонъ сердито курилъ и зло улыбался.

— Вотъ какъ въ одинъ прекрасный день, — грубо сказалъ онъ, — этотъ самый ригористъ прострѣлитъ твоему Аникитѣ его татарское брюхо, тогда ты достаточно узнаешь,

что за птица этотъ господинъ Викторъ нашъ.

Эмилія оглядѣла его съ внимательнымъ недовольствомъ.

— Удивительный ты человекъ, Симеонъ!

— Ну и удивляйся, если удивительный... — пробормоталъ онъ, безсознательно повторяя «Гамлета».

— Очень удивительный: неужели ты не понимаешь, что ты вотъ сейчасъ на брата доношь сдѣлалъ?

— Кому?... Тебѣ?... Ты, кажется, ни генераль-губернаторъ, ни полицеймейстеръ, ни жандармскій полковникъ, ни прокуроръ...

— Такъ ли ты увѣренъ въ томъ, что говоришь? — остановила она его ледянымъ голосомъ. Онъ, смущенный, умолкъ.

— То-то вотъ и есть! Эхъ ты!..

— Ты сегодня нервная какая то, — бурѣя лицомъ, пробормоталъ онъ, — говорить нельзя: придираешься къ словамъ... Кажется, не трудно понять шутку... между своими...

— Ты думаешь? Наивенъ же ты, если не лжешь. Между своими! А Аникита Вассіановичъ мнѣ чужой? Подобныя шутки въ наше время отправляютъ людей на

висьлицы и въ зерентуйскія стѣны...

Симеонъ молчалъ, и по упрямому лицу его Эмилія ясно видѣла, что, собственно говоря, онъ рѣшительно ничего не имѣетъ противъ того, чтобы Викторъ именно въ зерентуйскія стѣны и былъ заключенъ... И было ей и жаль, и противно...

— Глупая сантиментальность! — произнесла она, думая вслухъ, — и за что только я васъ, Сарай-Бермятовыхъ, люблю? Такъ, вотъ, застряли зачѣмъ то вы всѣ въ душѣ моей съ раннихъ годовъ дѣвическихъ... и давно бы пора выкинуть васъ вонъ изъ сердца, какъ изъ вазы букетъ завядшій. А вотъ — не могу, держать что-то... Глупая сантиментальность!.. Но — берегись, не злоупотребляй, Симеонъ! не злоупотребляй!

Эмилія Ѳедоровна встала, хмуря, сдвигая къ переносью полуночныя брови свои.

— Ну-съ, — произнесла она рѣшительно и опять какъ бы приказомъ, — время не ранее... Еще разъ спасибо за честь, что вспомнилъ новорожденную, и тысяча эта, которую ты привезъ, — мерсі, — пришлась мнѣ кстати, а теперь отправляйся: у меня дѣловыя письма

не дописаны... А Мерезова ты мнѣ, какъ хочешь, изволь устроить, — иначе поссоримся, это я тебѣ не въ шутку говорю...

— Странная ты женщина, Эмилиа! Ну, сама подумай, чего ты отъ меня требуешь? Сама же говоришь, что у него долговъ на пятьдесятъ тысячъ... Что же — прикажешь мнѣ, чтоли, ни за что, ни про что подарить ему стотысячный кушъ: половину на расплату съ долгами, половину на новый пропой?

— Зачѣмъ сразу гиперболы?

— Да дешевле его на ноги не поставитъ...

— Долги можно и не сразу гасить. Если онъ половину заплатитъ, то обновитъ кредитъ и будетъ въ со стояніи жить, а Аникита Вассіановичъ дастъ ему хорошее мѣсто...

— Украсите вѣдомство! — злобно засмѣялся Симеонъ.

— Э! не хуже другихъ!

— Слушай, — быстро заговорила она, поспѣшно, обѣими руками поправляя прическу, что всегда дѣлала, когда оживляла ее вдохновляющая мысль. — Я укажу тебѣ путь къ примиренію... благодарить будешь! И волки сыты, и овцы цѣлы... Слушай: отчего бы тебѣ

не прикончить всей этой родственной неприятности въ родственномъ же порядкѣ? Давай женимъ Васю на Аглаѣ... вотъ и сплетнямъ конецъ.

Сарай-Бермятовъ хмуро молчалъ, размышляя. Идея ему нравилась.

— За Аглаей всего пять тысячъ рублей, — нерѣшительно сказалъ онъ. — Какая же она Мерезову невѣста?

— Отъ себя накинешь...

— Да! все отъ себя, да отъ себя!

— Знаешь, Симеонъ: иногда во время подарить единицу значитъ безопасно сберечь сотню.

Тонъ ея былъ значителенъ, и опять Симеонъ почувствовалъ угрозу, и опять подумалъ про себя:

— Вотъ оно!

— Я подумаю, — отрывисто произнесъ онъ, поднося къ губамъ руку Эмилиі.

— Подумай.

— Сомнѣваюсь, чтобы вышло изъ этого что-нибудь путное, но... подумаю... доброй ночи.

— До свиданья... А подумать — подумай...

и совѣтую: скорѣй!..

— Вотъ оно! — снова стукнуло гдѣ-то глубоко въ мозгу, когда Симеонъ, мрачный, выходилъ отъ Эмилии Федоровны и, на глазахъ козырявшихъ городскихъ, усаживался въ экипажъ свой... — Вотъ оно! Гдѣ трупъ тамъ и орлы...

Съ унылыми, темными мыслями ѣхалъ онъ унылымъ, темнымъ городомъ, быстро покинувъ еще шевелящійся и свѣтящійся центръ для спящей окраины, будто ослѣпшей отъ затворенныхъ ставень... На часахъ сосѣдняго монастыря глухо и съ воемъ пробило часъ, когда, поднимаясь въ гору, завидѣлъ онъ издали въ дому-казармѣ своемъ яркое окно, сообразилъ, что это комната Матвѣя, и, приближаясь, думалъ со злобою, росшею по мѣрѣ того, какъ росла навстрѣчу сила белаго огненнаго пятна:

— Жги, жги, ацетиленъ то, святъ мужъ!.. Горбомъ не заработалъ, не купленный... О, отродья проклятыя! Когда я только васъ расшвыряю отъ себя? Куда угодно... только бы не видали васъ глаза мои, только бы подальше!

VI

За окномъ, позднее освѣщеніе котораго такъ возмутило Симеона Бермятова, происходило, между тѣмъ, разговоръ странный и лукавый... Гости давно разошлись. Иванъ, со слипшимися глазами, и Зоя, громко и преувеличенно зѣвая и браня Аглаю, которая не возвратилась съ десятичасовымъ поѣздомъ и, стало быть, заночевала въ дачномъ мѣстечкѣ у знакомой попадьи, — распростились съ братьями и пошли по своимъ комнатамъ спать. Остались вдвоемъ Матвѣй, сѣвшій къ столу писать письма, да Модестъ, — онъ лежалъ на кровати Матвѣя, подъ красивымъ пледомъ своимъ, и, облокотясь на руку, смотрѣлъ на согнутую спину брата горящимъ взглядомъ, злымъ, насмѣшливымъ, хитрымъ...

— Такъ въ ложку меня? въ ложку пуговочника по тринадцать на дюжину? не годенъ ни на добро, ни на яркое зло? Ни Богу свѣча, ни чорту ожегъ? А вотъ посмотримъ...

И онъ лѣниво окликнулъ:

— Матвѣй!

— Что, Модя?

— Какъ тебѣ понравилась нынѣшняя аллегорія остроумнаго брата нашего Симеона Викторовича, иже данъ есть намъ въ отца мѣсто?

— О Рахили?

— Да.

Матвѣй повернулся на стуль, держа перо въ рукахъ, почесаль вставочкой бровь и серьезно сказалъ:

— Я думаю, что, хотя онъ, по обыкновенію, говорилъ въ грубомъ практическомъ смыслѣ, но символъ удаченъ, можетъ быть расширенъ, одухотворенъ... и, въ концѣ концовъ, Симеонъ, въ своемъ обобщеніи, правъ...

— Я того же мнѣнія.

Модестъ закурилъ и нагналъ между собою и Матвѣемъ густой пологъ дыму.

— Этотъ споръ, — сказалъ онъ серьезно, — у насъ, какъ водится, соскочилъ на общія мѣста и, за ними, тоже, какъ водится, всѣ позабыли начало, откуда онъ возникъ... Ты, вотъ, все съ Скорлупкинымъ возишься...

— Да, — грустно вспомнилъ огорченный Матвѣй, — бѣдный парень... грубо и безжалостно мы съ нимъ поступаемъ...

— Ну, положимъ, и дубину же ты обряцилъ, — скользнулъ небрежно аттестаціей Модестъ, закутывая правою ногою лѣвую въ пледъ. — Знаешь, что я тебѣ предложу? Пригласи меня на помощь. А? Отдай своего протеже мнѣ. Я его тебѣ обработаю, — даю слово... въ конфетку! право!

Матвѣй съ укоризною покачалъ головой.

— Послѣ того, какъ ты его сейчасъ самъ называлъ дубиною?

— А, быть можетъ, именно это то обстоятельство и подстрекаетъ мое усердіе? Это очень гордый и лестный воспитательный результатъ — именно дубину взять и обтесать въ тонкій карандашъ, коимъ потомъ — чернымъ по бѣлому — что хочешь, то и пишешь...

— Я стараюсь дать образованіе Григорію совсѣмъ не для того, чтобы онъ былъ моимъ карандашемъ, — слегка съ обидою возразилъ Матвѣй.

— Да? Я всегда говорилъ, что ты у насъ въ семьѣ нѣчто вроде бѣлаго дрозда или зеленой кошки... Почему Симеонъ не показываетъ тебя за деньги? Впрочемъ, время еще не ушло. А

покуда мы обезпечены наслѣдствомъ.

— Развѣ я сказалъ что-нибудь дикое?

— Въ достаточной мѣрѣ... Полагаю, всякій учитель беретъ учениковъ съ тѣмъ, чтобы въ нихъ отразить и продолжить самого себя, а не враговъ и оппонентовъ себѣ вырабатывать... Естественная сила эгоизма, мой другъ, въ творествѣ педагогическомъ властвуетъ и дѣйствуетъ столько же, какъ и во всякомъ другомъ... И — какого убѣжденнаго учителя ты ни изслѣдуй, именно лучшіе то изъ нихъ и оказываются совершеннѣйшими эгоистами по вліянію... Понимаешь меня? Болѣе того: тутъ, если хочешь, въ томъ то и наибольшій альтруизмъ заключается, чтобы быть какъ можно большимъ эгоистомъ и дѣлать изъ питомца человѣка не по тому образу и подобію, какъ онъ самъ хочетъ или другіе совѣтуютъ, но — куда тянуть симпатіи воспитателя...

— Ты отчасти правъ, — съ грустью сказалъ Матвѣй, — въ воспитаніи, на днѣ гдѣ то, есть осадокъ насилія... Можетъ быть, слабый, можетъ быть, парализованный прекрасной цѣлью, но есть... Когда я пробовалъ быть педагогомъ, я его чувствовалъ — этотъ

внушающій эгоизмъ вліянія, какъ ты говоришь, эту жажду перелиться въ душу учениковъ своею личностью, настоять, чтобы именно вотъ ты, такой-то, а не другой кто отразился въ зеркаль души, которое ты шлифуешь... Потому и бросилъ...

— Вотъ видишь... Стало быть, о карандашѣ я не такъ ужъ нелѣпо сказалъ.

— Ты не нелѣпо сказалъ, — тихо возразилъ Матвѣй, — а цинично... Всякое образование всякое воспитаніе — конечно, временная условность. Когда всѣ люди дойдутъ до сознанія въ себѣ Бога и поймутъ его истину, воспитаніе и образование станутъ не нужны-ми...

— Но покуда Иванъ-Дураково царство не наступило, и земля не залита океаномъ неблаговоспитанности...

Матвѣй проницательно смотрѣлъ на брата и говорилъ:

— Что ты, что Симеонъ — странные люди. Вы оба на ближнихъ, какъ на пѣшки, смотрите, которыя будто для забавы вашей сдѣланы, для шахматной игры, и cadaго вы принимаете именно съ этой точки зрѣнія: на что онъ

годится? не самъ по себѣ на что годится, а вамъ, вамъ на что годится? какъ бы въ него сыграть?

— Скажите пожалуйста?! — думаль, въ дыму, изумленный и нѣсколько даже сконфуженный, Модестъ: — Матвѣй Блаженный характеристики закатываетъ... Вотъ и не вѣрь послѣ этого въ прозорливость юродивыхъ! Прядовито въ любимую точку попаль, шельмецъ, да еще и жалѣетъ...

Размахаль дымъ рукою и заговориль.

— Если ты самъ не хочешь обратить Григорія Скорлупкина въ карандашъ свой, то уступи его мнѣ...

Матвѣй отрицательно покачалъ головою.

— Не хочешь? Но вѣдь кто же нибудь да сдѣлаетъ изъ него свой карандашъ? Ты знаешь: *res nullius cedit primo occupant!*

— Я не могу ни уступать живого человека, ни задерживать его при себѣ. Но я не скрою отъ тебя, Модестъ, что я былъ бы очень огорченъ, если бы Григорій оказался, какимъ либо случаемъ, подъ твоимъ вліяніемъ.

— Да? Мило и откровенно! Почему?

— Потому что — я боюсь — въ твоихъ ру-

какъ этотъ карандашъ напишетъ вещи, очень нехорошія для себя и для другихъ...

Модестъ улыбнулся съ превосходствомъ и сказалъ:

— Ахъ, Матвѣй, хоть отъ тебя то такихъ словъ не слышать бы... Когда вы, окружающіе меня, умные и добродѣтельные люди, поймете, что вся моя страшная и развратная репутація гроша мѣднаго не стоитъ и, въ сущности, я совсѣмъ ужъ не такой чортъ, какъ...

— Я и не боюсь твоей репутаціи, Модестъ, — серьезно и мягко остановилъ его братъ. — Я знаю очень хорошо, что въ слухахъ и толкахъ, которые о тебѣ распускаютъ по городу разные легкомысленные люди, все преувеличено, по крайней мѣрѣ, во сто разъ...

— Ну, положимъ, не во сто, — проворчалъ Модестъ: — если во сто, то — что же останется?

— А въ преувеличеніяхъ ты самъ виноватъ, потому что они тебѣ нравятся...

— Скажите, какой сердцевѣдъ! — отозвался Модестъ съ искусственнымъ смѣхомъ.

Но Матвѣй спокойно повторилъ.

— Да, Модя, нравятся. Я не знаю почему, но

въ послѣднее время встрѣчаю ужасно много людей, которымъ нравится, чтобы ихъ считали жестокосердными злодѣями, безчувственными развратниками и сладострастными Карамазовыми... Ты, къ сожалѣнію, изъ нихъ.

— Изъ нихъ? — насильственно усмѣхнулся Модестъ. — Это прелестно — твое обобщеніе: изъ нихъ... До сихъ поръ я имѣлъ слабость думать, что я самъ по себѣ... единица... Оказывается, я — дробь, часть какого то неопредѣленнаго цѣлаго... «изъ нихъ»... Гм...

— Нѣтъ, нѣтъ, — въ невинности душевной поспѣшилъ успокоить его Матвѣй, — ты напрасно боялся и обособлялъ себя... Такихъ сейчасъ множество, безконечное множество...

— Молчи! — едва не крикнулъ ему Модестъ, чувствуя судорогу бѣшенства въ горлѣ и видя зеленыя облака, заходившія передъ глазами. Но во время сдержался, перевелъ злобный окрикъ въ кашель и, прикрывъ лицо рукавомъ, будто отъ яркаго свѣта лампы, слушалъ, притаясь, и думалъ, во внутреннемъ кипѣніи, будто въ немъ съ какихъ-то органовъ самолюбія заживо кожу снимали:

— Везеть же сегодня мнѣ... разжалованному Мефистофелю... ну-съ, дальше? — думаль онь. А Матвѣй говорилъ:

— Я увѣренъ, что, какія бы нехорошія вещи ты ни говорилъ, — быть можетъ, иногда ты ихъ даже дѣлалъ, — это въ тебѣ не твое главное, это — сверху, это — не ты...

— Я не я, и лошадь не моя! — презрительно бросилъ Модестъ, притворяясь, будто согласенъ.

— Ты можешь вовлечься во что либо отвратительно грязное, сальное, унижающее твою человѣчность. Но я увѣренъ: если-бы случай или чья либо злая воля поставили тебя лицомъ къ лицу съ конечнымъ грѣхомъ и зломъ...

— Чья-либо? — усмѣхнулся Модестъ. — А не своя собственная?

— Твоя собственная воля никогда тебя на такой конецъ гибели не приведетъ.

Модестъ круто повернулся носомъ къ стѣнѣ.

— Ну, конечно! — пробормоталъ онь, — гдѣ же мнѣ... Перъ Гюнтъ! Ну-съ, такъ лицомъ къ лицу съ конечнымъ грѣхомъ и зломъ.

— Я увѣренъ, что ты найдешь въ себѣ силу предъ ними устоять... и повернуть на другую дорогу.

— То-есть — струсить, — горько переводилъ себѣ Модестъ.

— И, быть можетъ, только тогда ты найдешь въ себѣ себя самого. Потому что вѣдь ты себя совершенно не знаешь и собою себя обманываешь. Ты совсѣмъ не Мефистофель какой-нибудь...

— Слышалъ уже сегодня! знаю!

— Не Донъ-Жуанъ, не Неронъ, не Фоблазъ...

— А просто кандидатъ въ ложку Пуговочника: Знаю!..

Модестъ смѣялся долго и нервно, такъ что и Матвѣй засмѣялся.

— Я очень радъ, что ты все это такъ просто и весело принимаешь, — сказалъ онъ. — Это очень хорошій знакъ... Въ тебѣ много дѣтскаго, Модестъ. Знаешь ли ты это?

— О, да! Ужасно! Купи мнѣ матросскую курточку и панталончики... и лакированную шляпу съ надписью: «Орель».

— Ну, а вотъ видишь ли, — перешель

Матвѣй въ серьезный тонъ, — тотъ, кого ты предлагаешь взять въ свою опеку, Григорій Евсѣичъ мой Скорлупкинъ, человѣкъ совсѣмъ другого сорта... Можетъ быть, онъ не весьма уменъ, и вотъ — наши образовательные опыты показываютъ, что онъ не талантливъ, даже не способенъ... Но я искренно счастливъ, что намъ удалось извлечь его изъ среды, въ которой онъ росъ и получилъ первыя воспитывающія впечатлѣнія. Потому что среда эта — насквозь отравленная жадностью, мелкою злобою, лицемѣріемъ, ханжествомъ, сластолюбивая, похотливая, полная коварства, лести и лжи... Мѣщанство и черная сотня, въ полномъ объемѣ этихъ понятій. Если онъ нашелъ въ себѣ достаточно сознательной силы, чтобы отдалиться отъ родного мірка и стать подъ наше вліяніе — ну, мое, Аглаи, Грубина, Немировскаго... — это очень благополучно не только для него, но и для общества. Потому что, видишь ли: онъ — весь — человѣкъ средній, даже, можетъ быть, ниже средняго, но у него, знаешь, характеръ этакій... какъ бы тебѣ сказать? — корневой... Забираетъ жизнь вглубь, пристально, зна-

ешь, этакъ властно, какъ щупальцами, впивается во все, что ему попадаетъ на избранной имъ дорогѣ. Вотъ онъ въ насъ, интеллигентахъ, сейчасъ полубоговъ какихъ-то видить, — даже совѣстно. И истинно говорю тебѣ: среди насъ, въ глубокой вѣрѣ, въ насъ, онъ лучше всѣхъ насъ, — онъ борется со своею изменностью такими свѣтлыми и тяжкими напряженіями, что я люблюсь имъ, онъ трогателенъ и прекрасенъ! Но онъ самъ рассказывалъ мнѣ, что, покуда онъ вѣрилъ въ свой домашній укладъ, то не было такой гадкой мѣщанской выходки, такой черносотенной гнусности, которыхъ онъ не одобрялъ бы и не готовъ былъ самъ совершить въ самой острой и грубой формѣ. И я совершенно увѣренъ, что, если-бы и нынѣшній новый Григорій Скорлупкинъ, на поискахъ образованія, заблудился и попалъ въ ту праздную среду чувственныхъ людей, которую ты любишь, подъ вліяніемъ тѣхъ — извини мнѣ выраженіе — грязныхъ словъ, мыслей и идей, которыми вы тамъ, утонченники, небрежно обижаете въ себѣ человѣческое достоинство, — я увѣренъ, Модя, что этотъ мо-

лодой человекъ не сталь бы плавать на поверхности вашей утонченной культуры. Стоить ему однажды убѣдиться, что она хороша и именно ея то ему и не доставало, и онъ спокойно и сознательно нырнетъ на самое дно...

— И въ то время, какъ насъ Пуговочникъ будетъ переплавлять въ ложкѣ по тринадцать на дюжину, твой краснорылый Григорій прекрасно сдасть экзамень въ дѣйствительные черти?

Матвѣй кивнулъ головой.

— Если хочешь, да. Пойми: это — воля сильная, гораздо сильнѣе всего интеллекта. Онъ не знаетъ, чего хотѣтъ — хорошо, чего — дурно. Но, однажды рѣшивъ, что вотъ того то онъ хочетъ, онъ хочетъ уже твердо, послѣдовательно, методически. Сейчасъ онъ на дорогѣ въ порядочные люди — и, если выдержать эту линію, можетъ весь вѣкъ прожить прекраснымъ, кругомъ порядочнымъ, полезнымъ человекомъ. Но если-бы чье-либо вліяніе выбило его изъ чистой колеи и бросило въ низменныя симпатіи и исканія, я ждалъ бы результатовъ жуткихъ... Отвлеченностей онъ не смыслить, умозрѣнія онъ не

воспринимаетъ, а — какую идею пріемлетъ, сейчасъ проникается ею дѣйственно и до конца... Онъ практикъ... Наше интеллигентское наслажденіе мыслью для мысли и игрою культурнаго воображенія, оставляющее жить въ воздухѣ столько хорошихъ позывовъ, но, за то, сколько же и порочныхъ, злыхъ, — ему совершенно чужды... Всякая идея трудно въ него входитъ, — даже не входитъ она, а лѣзетъ, пыхтя и въ поту лица, тискается. Но, когда она втолкалась въ его голову, онъ считаетъ, что мало имѣть ее въ головѣ — она ровно ничего не значить, если по ней не жить... Повторяю тебѣ: онъ теперь на хорошей дорогѣ, но три года тому назадъ онъ, въ компаніи такихъ же дикихъ парней, мазаль дегтемъ ворота провинившихся дѣвушекъ, и мнѣ пришлось битыхъ три дня убѣждать его, чтобы онъ не принялъ участія въ еврейскомъ погромѣ... Понимаешь? Не отъ чувства убѣждать, а отъ логики — не внушать, что это вообще не хорошо, а доказывать, что это для него нехорошо... И, когда я доказалъ, а онъ понялъ, то и самъ не пошелъ и пріятелей своихъ удержалъ и даже очень смѣло и

рѣшительно велъ себя во время погрома — еврейскую семью спрягалъ, за дѣтей вступался, дѣвушку отъ насилія спасъ... Видишь? Поставлена машина на рельсы, пары разведены, — ну, значить, и пойдетъ прямехонько на ту станцію, на которую направить путь стрѣлочникъ. Да. Воля у него желѣзная, а умъ не твердый, темный, мысли неразборчивыя, спутанныя... Машина! Просвѣти его какимънибудь вашимъ сверхчеловѣческимъ девизомъ, вродѣ «все позволено», такъ, чтобы онъ крѣпко почувствовалъ и повѣрилъ, и онъ, въ самомъ дѣлѣ, все позволять себѣ... И все это будетъ въ немъ не буйною страстью какою-нибудь, которая бушуетъ грѣхомъ, и сама себя боится и трепещетъ въ тайныхъ раскаяніяхъ, — нѣтъ, — съ чувствомъ своего права, спокойно, прямолинейно, холодно: все позволено, — такъ чего же стѣсняться-то? дѣйствуй!..

Модестъ выслушалъ брата съ любопытствомъ, лежа на спинѣ, руки подъ голову и глядя въ потолокъ.

— Характеристика твоя интересна, — скажь онъ, — я не подозрѣвалъ въ немъ та-

кихъ способностей къ дисциплинѣ... Если ты не ошибаешься, конечно.

— Нѣтъ, Модестъ, не ошибаюсь.

— Но именно то, что ты мнѣ сообщаешь, еще болѣе разжигаетъ меня вмѣшатель въ развитіе твоего протеже свой, такъ сказать, авторитетъ... Видишь-ли...

Онъ спустилъ ноги съ кровати и сѣлъ.

— Видишь-ли: ты въ совершенномъ заблужденіи, воображая, будто я хочу явиться около этого Григорія чѣмъ-то вродѣ новаго Мефистофеля или «Перваго Винокура»... Напротивъ, я хочу сыграть на самой идеалистической стрункѣ, какая только звучитъ въ его душѣ... Вотъ — Симеонъ распространялся о Рахильяхъ... Извѣстна тебѣ Рахиль твоего протеже? Мнѣ очень извѣстна... Это прозрачный секретъ... Хочешь-ли ты, чтобы твой Григорій Скорлупкинъ сдалъ экзамень зрѣлости, защитилъ диссертацию объ эхинококкахъ, получилъ Нобелеву премію, открылъ квадратуру круга, изобрѣлъ аэропланъ и подводную лодку?

— Ты все дурачишься.

— Нисколько. Я только поддерживаю

теорію брата Симеона. Ты и теперь не понимаешь меня?

— Нѣтъ.

Модестъ взглянулъ на него съ какимъ-то завистливымъ недовѣріемъ и пожалъ плечами.

— Ну, и слѣпъ же ты, святъ мужъ! Все зависитъ отъ Аглаи.

— Отъ какой Аглаи? — удивился Матвѣй.

Модестъ отвѣтилъ съ быстрымъ раздраженіемъ, точно его переспрашиваютъ о томъ, что стыдно и непріятно повторить:

— Отъ нашей Аглаи... о какой же еще?... Отъ сестры Аглаи...

— Она имѣеть на него такое большое вліяніе?

Модестъ засмѣялся самоувѣренно.

— Пусть Аглая обѣщаетъ ему выйти за него за мужъ, и онъ лбомъ стѣну прошибетъ.

Матвѣй, изумленный, высоко поднялъ из-темна-золотистыя брови свои, а Модестъ, поглядывая сбоку, сторожилъ выраженіе его лица и будущій отвѣтъ.

— Развѣ это возможно? — сказалъ наконецъ Матвѣй и, закинувъ руки за спину, загуля-

ль по кабинету.

— А твое мнѣніе? — отрывисто бросилъ ему Модестъ, вода вслѣдъ ему тревожно-насмѣшливыми глазами.

Матвѣй остановился предъ нимъ.

— Если бы я былъ дѣвушка, и отъ моего согласія выйти замужъ зависѣло какое-нибудь счастье человѣческое, я не колебался бы ни минуты.

— Даже не любя?

Матвѣй, опять на ходу, спокойно отвѣтилъ:

— Какъ можно человѣку человека не любить, — этого я себѣ совершенно не представляю.

— Женятся и замужъ выходить не по юридической любви!

— То-то, вотъ, что есть какая-то спеціальная. Всѣ вы придаете ей ужасно много значенія, а мнѣ она совершенно не нужна и незнакома.

Все съ тѣмъ же не то завистливымъ, не то презрительнымъ лицомъ слѣдилъ за нимъ Модестъ.

— Выросъ ты въ коломенскую версту, а, ка-

жется, до сихъ поръ вѣришь, что новорожденныхъ дѣтей повивальныя бабки въ капустѣ находятъ?

— Нѣтъ, я физиологію изучалъ. Но я не понимаю, почему надо подчинять дѣторожденіе капризу какой-то спеціальной любви? Въ природѣ все просто, а среди людей все такъ сложно, надменно, не доброжелательно.

Модестъ грубо, зло засмѣялся.

— Возблагодаримъ небеса, сотворшія тя, все-таки, до извѣстной степени мужчиною. Воображаю, какимъ зятемъ ты наградилъ бы славный Сарай-Бермятовскій родъ!

Матвѣй сѣлъ рядомъ съ нимъ и сказалъ вдумчиво, разсудительно:

— Видишь ли, наша Аглая — прелестная и большой мой другъ. Но я, все-таки, не знаю. Пожалуй, и она еще не на полной высотѣ... Предразсудки сословія, воспитанія...

Модестъ встрепенулся, какъ отъ неожиданности, и воззрился на брата съ любопытствомъ большого удивленія.

— Ты, оказывается, еще не вовсе обезпамятѣль? — процѣдилъ онъ сквозь зу-

бы. — Гм. Не ожидаль.

Матвѣй серьезно отвѣчалъ:

— Многое въ дѣйствительности мнѣ дико и непримиримо, но ея повелительную силу я разумѣю.

Оба примолкли. Модестъ сдулъ пепель съ папиросы...

— Я, впрочемъ, и не предлагаю, — выговорилъ онъ какъ бы и небрежно, — не предлагаю, чтобы Аглая въ самомъ дѣлѣ вышла за Скорлупкина, но только, чтобы пообѣщала выйти.

— А потомъ?

Модестъ пожалъ плечами.

— Видно будетъ. Тебѣ что нужно? Срокъ, чтобы высвѣтлить Григорію его дурацкіе мозги. Ну, и выиграешь времени, сколько назначишь.

— Всякій срокъ имѣетъ конецъ. Что обѣщано, то должно быть исполнено.

— Лаванъ рассуждалъ иначе, — криво усмѣхнулся Модестъ.

Матвѣй всталъ, тряся кудрями.

— Въ обѣщаніи, которое дается съ тѣмъ, чтобы не быть исполненнымъ, я участія не

приму.

Модестъ съ досадою потянулъ къ нему худое свое, блѣдное лицо, странно сверкающее пытливыми возбужденными глазами:

— Ты забываешь, что сейчасъ браки Рахилей зависятъ не столько отъ Лавановъ, сколько отъ нихъ самихъ.

— Такъ что же?

— Повѣрь мнѣ, — сказалъ Модестъ вѣско и раздѣльно, дробя слоги взмахами руки съ папиросою, — если Іакову легко работать за свою Рахиль, то и Рахиль рѣдко остается равнодушна къ Іакову, который ради нея, запрягся въ каторжную работу.

— А если останется? — спросилъ Матвѣй, круто остановясь. Модестъ сдѣлалъ равнодушно-сожалительное лицо.

— Что же дѣлать? Лоттерея! Придется Григорію перестрадать нѣкоторое разочарованіе.

— За что?

— За науку, что въ жизни не все медъ, случается глотнуть и уксусной кислоты.

Матвѣй рѣзко отвернулся отъ него и сталъ безцѣльно перекидывать книги на столъ.

— Несправедливо и звѣрски жестоко, Модестъ.

Модестъ всталъ, бросилъ папиросу и подошелъ къ Матвѣю.

— Погоди. Давай разсуждать хладнокровно. Сейчасъ Григорій влюбленъ въ Аглаю, какъ дикарь, грубо, слѣпо, безразсудно. Отдать Аглаю ему, такому, какъ онъ есть, было бы позоромъ, нравственнымъ убійствомъ, скотствомъ. Не возражай: это я говорю, не ты говоришь. Согласія не требую. Свою мысль развиваю. Но Аглая для него именно Рахиль, ради которой, если бы дана была ему хоть малѣйшая надежду, онъ готовъ работать семь и еще семь лѣтъ. Затѣмъ двѣ возможности. Развиваясь, онъ — либо сдѣлается достойнымъ Аглаи, и тогда почему ей, въ самомъ дѣлѣ, не выйти за него замужъ? Либо онъ пойметъ, что выбралъ себѣ Рахиль неподходящую, и тогда обѣщаніе падаетъ само собою.

Матвѣй глубоко задумался.

— Можетъ быть, ты и правъ... — произнесъ онъ медленно, голосомъ челоуѣка, нашедшаго неожиданный выходъ изъ трудной задачи, — можетъ быть, ты и правъ...

Модестъ, ободренный, подхватилъ.

— Григорій парень, по-своему, по перво-бытному, не глупый. Онъ оцѣнитъ, что мы, всѣ трое, ему добра желаемъ. Въ случаѣ краха нашей интриги, мы, такъ и быть, попросимъ у него прощенія, а онъ насъ, тоже такъ и быть, извинитъ.

Матвѣй, не отвѣчая, задумчиво его разглядывалъ. Потомъ, безъ отвѣта же, улыбнулся.

— Многіе считаютъ тебя злымъ, а вѣдь, въ сущности, ты добродушенъ.

Что-то язвительно укусило Модеста за сердце.

Матвѣй продолжалъ:

— Я не умѣю не вѣрить людямъ, и потому посмѣяться надо мною легко... Но, если ты вполнѣ серьезно...

— Я серьезенъ, какъ три дня похороненный нѣмецъ и, притомъ, неокантіанецъ, докторъ философіи.

— Тогда — вотъ. Григорій — благодарная натура. Изъ него можетъ выйти и долженъ выйти, если мы его не погубимъ, хорошій человекъ. Если бы между нимъ и Аглаей возникла искренность любви, то — да освятится

ихъ бракъ. А классовыя перегородки, въ моихъ глазахъ, — чепуха. Съ моей точки зрѣнія, — если ужъ браки непременно нужны и нельзя безъ нихъ, то необходимы именно демократическіе браки. Ими совершенствуется человѣчество. Уничтожается аристократизмъ особи, который есть величайшее зло цивилизаціи, и нарождается аристократизмъ массъ, которымъ осуществится истинная культура и познается Богъ. Но для того надо, чтобы совершенствующая сторона была сильнѣе другой и могла вытянуть ее на свой уровень...

— Такъ я и предлагаю, — замѣтилъ Модестъ положительнымъ голосомъ, но сверкнувъ двусмысленнымъ огонькомъ въ глазахъ.

— Да, да, я понимаю, что ты именно такъ предлагаешь.

Матвѣй торопливо и согласно закивалъ головою.

— Единственно, что меня смущаетъ въ твоёмъ предложеніи, это — что оно имѣетъ исходомъ такой рискъ неисполненія, что... я, право, не знаю, какъ опредѣлить... Тутъ воз-

можность не то, что обмана, но чего то около обмана... И отъ этого будетъ такъ же нехорошо на совѣсти, какъ отъ дѣйствительнаго обмана, и я этого на себя принять не могу...

— Мы, юристы, — спокойно сказалъ Модестъ, — называемъ это «около обмана» введеніемъ въ невыгодную сдѣлку... Операція, конечно, не блестящая въ этическомъ отношеніи, и даже законъ ее не весьма одобряетъ... Но, любезный мой Матвѣй, элементъ невыгодности и можетъ, и долженъ быть устраненъ совершенною откровенностью отношеніи... Съ самага начала надо поставить дѣло ясно и договориться до конца. Чтобы — безъ темныхъ словъ, безъ несправедливыхъ упрековъ и угрызений въ будущемъ... Entweder — oder. Хочешь быть мужемъ Аглаи? Вотъ тебѣ — три года... довольно ему трехъ лѣтъ?

Матвѣй кивнулъ головою.

— Слѣдовательно, становись, машина, на рельсы, какъ ты картинно выразился, и иди къ назначенной станціи!.. будь рыцаремъ, Иаковъ Месопотамскій, завоевывай сердце своей Рахили!.. Дойдешь до станціи, успѣешь,

во время переезда, завоевать Рахиль, — торжествуй! твое счастье!.. Не дошелъ, не успѣлъ...

Матвѣй задумчиво слушалъ.

— Да, тутъ нужно честно, — сказалъ онъ. — Лучше жестоко, но честно.

— Какъ въ аптеку, — сказалъ Модестъ.

— Честно и цѣломудренно...

— О, что касается цѣломудрія, то, разъ я предлагаю свои услуги, — мое дѣло и блюсти результаты, — усмѣхнулся Модестъ.

Матвѣй опять не обратилъ вниманія на двусмысленность его словъ и говорилъ, съ горящими глазами:

— Не надо налагать на себя оковы, обманываться нерушимостью обязательствъ и клятвъ. Человѣкъ долженъ быть свободнымъ и другого человѣка свободнымъ же оставлять. Пусть отношенія будутъ не связаны и правдивы. Какъ бы они ни были худы, все же лучше обмановъ предвзятости. Отойти отъ человѣка съ разбитымъ сердцемъ — больно. Отойти съ сердцемъ, облитымъ помоями лжи, ужасно, грязно, жестоко...

— Повторяю тебѣ: довѣрь эти отношенія

мнѣ, — и я устрою ихъ въ лучшемъ и красивѣйшемъ видѣ, въ какомъ только они возможны... Что, въ самомъ дѣлѣ! Надо же и мнѣ когда-нибудь сдѣлать, такъ называемое, доброе дѣло... И вотъ что, Матвѣй: я хотѣлъ бы, чтобы, во-первыхъ, этотъ разговоръ нашъ остался между нами...

Матвѣй согласно кивнулъ.

— Во-вторыхъ, чтобы вся эта наша, такъ сказать, антреприза была предоставлена исключительно мнѣ, и даже ты самъ не подавалъ бы вида, что о ней знаешь, — не только другимъ... ну, Виктору хотя бы... Ивану, Симеону, Зоѣ... но и самой Аглаѣ, самому Григорію... понялъ? обѣщаешь? Покуда, словомъ, они сами съ тобою не заговорятъ... Понялъ?

— Я понялъ, но зачѣмъ тебѣ это? Я не люблю тайнъ... У меня ихъ нѣтъ...

— Затѣмъ, чтобы предразсудки и глумленія не окружили моего плана съ первыхъ же шаговъ... Онъ, планъ мой, пойдетъ по очень тонкому канату и въ разрѣзъ со взглядами и мнѣніями многихъ, если не всѣхъ... Мы говорили о демократическомъ

бракъ. На словахъ то и въ отвлеченномъ представленіи восхвалять его — много мастеровъ и охотниковъ. Но — когда — «угодноль на себѣ примѣрить»? — когда демократическій бракъ становится вдругъ конкретною возможностью въ твоёмъ собственномъ домѣ, — тутъ, братъ, нужно вотъ такое истинно реальное отреченіе отъ предразсудковъ, какъ у насъ съ тобою... Не то, что бояринъ Симеонъ, но даже офицеръ Иванъ, на что смиренъ, и тотъ, можетъ быть, противъ насъ на стѣну полѣзеть...

— Ты правъ.

— Конечно, правъ. Я всегда правъ. Ты меня не знаешь близко, а я — предусмотрительный человекъ, благоразумный... Надо беречь отъ дурныхъ и завистливыхъ воздѣйствій и вліяній и ихъ договоръ, и собственную совѣсть... Если я самостоятельно проиграю свою игру, это будетъ честное несчастіе, въ которомъ я предъ жертвами проигрыша неповиненъ и могу смѣло смотрѣть имъ въ глаза. Но, если я не сумѣю уберечь ихъ отъ зависти, злобы, предательства, ревности, насмѣшекъ, то я окажусь не только плохимъ

игрокомъ, но и мошенникомъ, обманщикомъ, вполне достойнымъ, чтобы его ненавидѣли и презирали, какъ измѣнника, — именно, какъ ты выразился, видящаго въ людяхъ что-то вродѣ пѣшекъ, передвигаемыхъ ради его выгоды или забавы.

— Ты правъ, — прервалъ его Матвѣй. — Ты, мнѣ кажется, правъ...

— Итакъ — «руку, товарищъ»?

— Нѣтъ... подожди... я долженъ расмыслить наединѣ, посоветоваться съ своею совѣстью глазъ на глазъ...

— Развѣ она у тебя, святъ мужъ втроемъ разговаривать не умѣетъ? — неприятно улыбнулся Модестъ: ему досадно было, что онъ не сразу убѣдилъ Матвѣя, и тотъ, при всей довѣрчивости своей, все еще чувствуетъ въ его откровенностяхъ какіе-то далекіе разставленные силки...

Матвѣй грустно отвѣтилъ:

— Какъ у большинства людей... Ты не сердись, что я не спѣшу... Мнѣ люди дороги, но одиночество — какъ вдохновеніе.

Модестъ принялъ равнодушный видъ.

— О, мнѣ все равно... когда хочешь... зав-

тра... послѣзавтра... черезъ недѣлю... черезъ двѣ недѣли... Мнѣ все равно... Я вѣдь для тебя же...

— Ты пожалуйста не подумай, что какое-нибудь недовѣріе... — смущенно бормоталъ Матвѣй. — Просто... Ну, словомъ, я очень, очень тебѣ благодаренъ... И не ожидалъ никакъ... И... пожалуйста, Модестъ, не сердись!

— Да не сержусь я... Нисколько не сержусь... За что? Твое дѣло! Чудакъ ты!

Когда Модестъ, волоча плэдъ, возвращался отъ Матвѣя въ спальню свою, злобною ироніей играла улыбка на блѣднозеленомъ, въ лучахъ разсвѣта, усталомъ, съ черными подглазинами, лицѣ его и думалъ онъ, бережно сгибая ноющія, будто ватныя, колѣна:

— Ну, Зоя Викторовна, легкомысленная сестра моя, — послѣ каши, которую я завариваю, готовъ съ тобою пари держать: если бы твой Knopfgieszer съ его дрянною ложкою повстрѣчался мнѣ сейчасъ, я засмѣялся бы ему въ лицо, а онъ весьма почтительно снялъ бы предо мною картузь свой...

VII

Несмотря на позднее время, Епистимія, когда возвратилась домой отъ Сарай-Бермятовыхъ, не сразу прошла въ каморку, гдѣ стояла, подъ густымъ рядомъ навѣшанныхъ постѣль и простынею отъ пыли покрытыхъ юбокъ, ея узкая желѣзная кровать. Спросила полусонную старуху-работницу, которая ей отворила, дома ли племянникъ и, узнавъ, что нѣтъ еще, зажгла въ маленькомъ зальцѣ керосиновую лампочку и сѣла къ столу съ вязаньемъ — ждать...

— Ты, Мавра, не безпокойся, спи, — приказала она, — позвонить, я сама отворю...

Но бѣжали минуты, щелкаль маятникъ часовъ ходиковъ, потрескивали обои, сыпалось сверху изъ клѣтки съ канарейкою кормовое сѣмя, сипѣль въ лампѣ огонекъ, и ползла по колѣну изъ подъ тамбурнаго крючка узкая бѣлая полоска зубчататаго узора, а Григорія Скорлупкина все не было, да не было домой... Послѣ полуночи Епистимія сказала себѣ:

— Ну, значить, закрутился съ набатовскими молодцами, либо Матвѣй Викторовичъ за-

держалъ... Это, стало быть, до бѣла свѣта.

И, убравъ свое вязанье въ комодъ, рѣшила лечь спать. Въ это время глухой и мягкой топотъ, дойдя къ ней сквозь закрытыя окна въ необычайно позднее для этой части города время, заставилъ ее выглянуть на крыльцо домика своего. Въ господинѣ, мимо проѣхавшемъ, она узнала Симеона Сарай-Бермятова, возвращавшагося отъ Эмилии Федоровны, и язвительно улыбнулась про себя въ темнотѣ, и нехороши, и оскорбительны для проѣхавшаго стали ея мысли.

Медленно раздѣлась она въ каморкѣ своей, пошмыгала кистью правой руки по лбу, груди и плечамъ, что должно было обозначать молитву, и, засунувъ длинное и худое тѣло свое подъ байковое одѣяло, прикрутила лампочку.

Но сонъ не шелъ. Нехорошія, темныя мысли, разбуженныя нынѣшнимъ разговоромъ съ Симеономъ, ползли въ умъ, какъ дорожка муравьевъ, свивались въ воспоминанія отшедшаго, пускали ростки и побѣги новыхъ плановъ...

Разговоръ не былъ для нея неожиданно-стью, хотя и сейчасъ она размышляла про се-

бя, передвигая подъ лѣвую щеку маленькую пуховую подушку-думку;

— Эхъ, скорехонько немножко дѣло двинулось... раненько... не созрѣли планы-проекты мои... Незрѣлое яблоко съ дерева рвать, — оскомины не набить бы...

И думала она, ворочаясь въ темнотѣ и слушая тиканье часовъ въ зальцѣ и бурный самодовольный храпъ, черезъ двѣ комнаты, сестры своей, матери Григорія, Соломонида, — думала она о томъ, что, вотъ спѣшація обстоятельства приближаютъ къ ней самое важное, что когда-либо было въ ея жизни и еще можетъ быть...

— Когда быть-то? — горько улыбнулась она въ облежавшую ее ночь, — старуха становлюсь... Здоровьишко истрачено... Могила ползеть навстрѣчу... Новаго въ жизни не наживу ничего... далъ бы Богъ успѣть — со старымъ раздѣлаться... Эка Соломонида сегодня разоспалась! Должно быть, вишневку на ночь пила. Словно органъ! Такъ и насвистываетъ...

И, слушая этотъ ликующій, захлебывающійся храпъ, который не давалъ ей спать, подумала безъ досады и злобы, рав-

нодушно, какъ бы отмѣчая въ умѣ давно рѣшенное и извѣстное:

— Вотъ такъ-то всю жизнь... Теперь спать мѣшаетъ... Смолоду жить мѣшала... Такъ всю жизнь! Думала и вспоминала...

Вся молодость Епистиміи — съ дѣтства, какъ себя помнить — прошла въ томъ, что кипѣла въ ней неопредѣленная, могучая любовь къ кому-то, куда-то въ пространство бѣгущая, и задыхалась она отъ обилія чувства, ее волнующаго, и мучительно искала, куда его пристроить, какъ и гдѣ собою за него пожертвовать...

— Собакой хозяина искала, — мрачно думаетъ она, мигая въ темнотѣ горящими глазами, — собакой при людяхъ хотѣлось быть... ну, вотъ тебѣ, душка, и вышелъ твой выигрышъ: будешь собакою вѣкъ доживать... одинокою, старою собакою... То-то! было дурѣ смолоду — не забывать себя, не стелиться поломикомъ подъ чужія ноги...

Вотъ — эту самую Соломониду, старшую сестру, храпящую тамъ столь счастливо и сыто, — не возила ли она, съ двѣнадцати лѣтъ возраста, какъ добрая лошадь, на плечахъ

своихъ, выручая ее изъ всѣхъ бѣдъ и невзгодъ молодого мѣщанскаго дѣвичества въ суровой, замкнутой, старозавѣтной и бѣдной семьѣ, гдѣ всякая копейка гвоздемъ приколочена, и угрюмый трудъ съ утра до вечера держитъ всѣхъ, отъ стараго до малаго, за горло своею костлявою рукою? Соломонида слыветъ красавицей — румяная, бѣлая, пышная, а она, Епистимія, маленькій, худенькій заморышъ, только глаза — по ложкѣ, всѣхъ смущающіе необыкновенною голубою красотою своею... И нѣтъ у ребенка гордости и счастья больше того, что сестра ея — вотъ эта самая красавица Соломонида, ради которой шныряютъ мимо оконъ франты-чиновники, приказчики, вольноопредѣляющіеся, писаря, ѣздятъ, рисуясь станомъ и усами, на борзыхъ коняхъ молодые офицеры. А красавица — на всѣхъ нуль вниманія, только дуется самодовольствіемъ, стрѣляетъ глазами, да хочеть, распѣвая жестокіе романсы. У строгой, жадной, сердитой матери, озвѣренной бѣдностью, все подъ замкомъ, каждый кусокъ сахару на счету, а Соломонида сластена...

— Пишка, укради!

Епистимія крадетъ... Пришла мать изъ людей — первое дѣло, провѣрка по съѣстному шкафу...

— Это кто у меня тутъ хозяйничалъ?

Пухлыя щеки Соломонида блѣднѣютъ...

Епистимія видитъ и шепчетъ:

— Небось... я одна...

И бѣжитъ изъ горницы нарочно съ такимъ преступнымъ видомъ, что мать бросается слѣдомъ, ловя ее и швыряя на ходу вслѣдъ, чѣмъ ни попадя:

— Ага, воровка! ага, каторжная! Ты опять? Ты опять?

Трещать по худымъ щекамъ Епистиміи жестокія пощечины, прядями падаютъ выдранные волосы изъ первой юной косы, заплеваны ея небесныя ясныя очи... Волченкомъ воетъ Епистимія, забившись на погребницу... Ничего! А Соломонида все-таки выручила. Ну, и пусть! Соломонида нѣжная, она побоевъ боится, подъ бранными словами дрожить, какъ осиновый листъ, — ей нельзя вытерпѣть такое... А мнѣ что? Я желѣзная... Да я за нее... Ну, и пусть!

Семнадцатый годъ Епистиміи. Длинная

она, тонкая, какъ свѣча. Голубые глаза радостные каждымъ взглядомъ міръ любовно обнимаютъ и Бога хвалятъ. Живетъ она у замужней сестры, Соломонида Сидоровны Скорлупкиной, въ родняхъ, не въ родняхъ, въ работницахъ, не въ работницахъ. Весь домъ, все хозяйство на себѣ держитъ. Соломонида только медовые пряники жевать умѣетъ, да чай распиваетъ круглый день... Въ пятомъ часу утра встаетъ Епистимія къ работѣ, за полночь ложится... Но много силы и воли въ дѣвушкѣ и нѣтъ ея веселѣе и счастливѣе пѣвчей птицы на свѣтѣ...

А старый баринъ Викторъ Андреевичъ Сарай-Бермятовъ на Чукотскій носъ уѣхалъ золото искать и покойника Евсѣя Скорлупкина, мужа Соломонида, увезъ съ собою. Прошелъ мѣсяцъ, другой, — взбѣсилась Соломонида. Нѣтъ ея сонливѣе и лѣнивѣе ни на какую работу, а — когда молодой водовозъ, Петруха Веревкинъ, привозитъ раннимъ утромъ воду въ бочкѣ, Соломонида уже тутъ, какъ тутъ: и ворота отворила, и въ сарай проводила, и ужъ сливаютъ они, сливаютъ воду то тамъ съ сараѣ... всего десятокъ, много два ведеръ надо

перелить изъ бочки въ чанъ, а времени уходитъ — въ пору утечь цѣлому пруду...

А Епистимія во дворъ бродить, сторожить, не вошелъ бы кто ненарокомъ, не заглянулъ бы въ сарай...

Долго ли, коротко-ли, приходятъ отъ Евсѣя Авксентьича вѣсти:

— Возвращаемся мы съ бариномъ. Ждите отъ сего письма черезъ шесть недѣль.

Прочитала Соломонида, такъ и пополовѣла. Потому что была она беременна уже по восьмому мѣсяцу. Никто о томъ не зналъ, кромѣ виноватаго, да сестры и матери, потатчицъ. Разсчитывала бабочка, что създитъ на богомолье, отбудетъ свое время и встрѣтитъ мужа — какъ ни въ чемъ не бывала: чистенькая и безгрѣшная. Анъ — мужъ то поспѣшилъ... А характеръ у Евсѣя Скорлупкина былъ серьезный: драться — никогда пальцемъ никого не ударилъ, жену бить за низость почелъ бы, но тѣмъ больше она его боялась. И всѣ три женщины боялись, потому что были увѣрены: если Евсѣй найдетъ жену виноватою, то шумѣть много не станетъ, а возьметъ топоръ и оттяпаетъ на порогѣ

грѣшную Соломонидину голову.

Какъ быть? Привидѣніемъ въ однѣ сутки стала красавица Соломонида. Мать громко выть не смѣетъ, чтобы люди не спрашивали; зайдетъ въ чуланъ, спрячетъ голову подъ подушки и стонетъ, будто смерть тянетъ жилы изъ ногъ ея. Потому что любила она Соломониду. Если-бы Епистимію при ней на сковородѣ жарили, она не такъ бы жалѣла, какъ — когда Соломонида у самовара мизинчикъ бѣлой ручки обожжетъ...

Какъ быть?

Думала, думала Епистимія, вспомнила, какъ ребенкомъ она сахаръ воровала — Соломонида ѣла, а ее били, — и надумала:

— Не плачь, сестра, не плачь, маменька. Видно, не кому другому, а мнѣ выручать...

И сочинили три женщины бабью каверзу, въ которой — чтобы спасти сестру — доброю волею потеряла Епистимія свое честное имя и дѣвичью славу. Ловко пустили по сосѣдямъ тихій слухъ, будто — точно, вышелъ грѣхъ, поѣтило домъ горе, но не Соломонида измѣнила мужу, а Епистимія впала въ развратъ, потеряла себя, осрамила родительскую

голову, и вотъ теперь она ходитъ тяжелая и должна у́хать, чтобы тайно родить. Соломонида еще раньше у́хала, — будто для того, чтобы устроить Епистимію къ потайной бабушкѣ, и всѣ по сосѣднему мѣщанству хвалили ее, какъ она заботится о сестрѣ, даромъ что та выросла распутная. А Епистимія и въ люди не смѣла показаться: камнями и грязью зашвыряла бы ее суровая мѣщанская добродѣтель. Ворота дегтемъ вымазали, парни подъ окнами скверныя пѣсни поютъ, — Епистимія все терпитъ. А мать объ одномъ только думаетъ: какъ бы не выплылъ на свѣжую воду обманъ ихъ, какъ бы не пронюхали сосѣди, что невинная Епистимія — не при чемъ, да не бросили бы подозрѣнія на ея сокровище Соломониду? Сама Епистимія щеки мѣлитъ, подглазицы сажею натираетъ, чтобы казалась больною, подушки ей подъ платье навязываетъ, походкѣ учитъ...

— Что прыгаешь сорокою? Развѣ тяжелыя такъ ходятъ? Утицей, утицей, въ раскачку иди, съ перевалкою... Ой, горюшко мое! Погубишь ты, нескладеха, наши головы!

Когда приблизилось время Соломонидѣ ро-

дять, прислала она депешу, и мать съ Епистиміей уѣхали, сопровождаемый злословіемъ и насмѣшками, на богомолье. Сто сорокъ верстъ отъ города мать везла Епистимію, ряженою въ беременность, чучелою: все боялась, не попался бы навстрѣчу кто изъ знакомыхъ. И только для встрѣчи съ Соломонидою, въ томъ городѣ, гдѣ ждала ихъ роженица, привела Епистимію въ обычный видъ, потому что отсюда поѣхали онѣ въ третій большой городъ, помѣнявшись паспортами, и Соломонида стала Епистиміей, а Епистимія — Соломонидой. По паспорту Епистиміи и родила Соломонида, и отболѣла, и ребенка сдала въ воспитательный домъ, и поѣхала домой съ матерью уже при своемъ паспортѣ, чистенькомъ, — какъ честная мужняя жена. А Епистимія осталась одна въ большомъ городѣ, грѣшною дѣвушкою, безъ зачатія родившею чужого ребенка... И, когда доходили до нея слухи изъ родимыхъ мѣстъ, какъ ее тамъ ругаютъ и клеймятъ, больно было узнавать ей, что никто такъ не позоритъ и не бранитъ ее, какъ Соломонида, которую она выручила изъ смертной бѣды, и Евсѣй, ея су-

ровый деверь. А жилось тяжко. Пришлось ей, — хотя изъ небогатой семьи, но все же отцовской дочери, въ чужихъ людяхъ хлѣба не искавшей, — служить по мѣстамъ прислугою... И вотъ, мѣняя мѣста, встрѣчается она вдругъ съ покойною нынѣ барынею Ольгою Львовной Сарай-Бермятовою. Та сразу влюбляется въ ея поэтическіе глаза и слышать не хочетъ никакихъ отнѣкиваній, беретъ ее къ себѣ камеристкою и привозитъ ее, расфранченную, гордую, такъ сказать, въ величіи и славъ, обратно въ родимый городъ, откуда, три года назадъ, уѣхала она, оплеванная за чужой грѣхъ. Подъ сильною Сарай-Бермятоскою рукой, никто не посмѣлъ ее срамить, а за хорошій характеръ, смышленность, ловкость и угодливость многіе полюбили. Съ роднею она помирилась. У Соломонида она застала сына двухлѣтняго, — вотъ этого самаго Григорія, котораго, полуночника, напрасно ждетъ она теперь. И съ перваго же взгляда, какъ увидала она племянника, ковыляющимъ по комнатѣ на колесомъ гнутыхъ, рахитическихъ ножкахъ, прилѣпилось къ нему ея сердце, и зачалась въ немъ новая великая лю-

бовъ, въ страданіи рождающая радости и въ жертвахъ обрѣтающая смыслъ...

Всѣ родные и близкіе простили Епистимію. Только суровый и гордый Евсѣй открыто брезговалъ ею. По должности своей при старомъ баринѣ Викторѣ Андреевичѣ, почти постоянно находясь въ домѣ Сарай-Бермятовыхъ, Евсѣй не могъ не встрѣчаться съ Епистиміей, но проходилъ мимо нея, какъ мимо пустой стѣны, будто не видя. Это очень огорчало Епистимію, потому что она деверя своего глубоко уважала, а еще больше потому, что былъ онъ отецъ неоцѣненного ея Гришеньки, въ котораго влюбилась она всѣмъ неисполь зованнымъ материнскимъ инстинктомъ уже начинающей перезрѣвать дѣвственницы.

Но вотъ у Гришеньки — уже пятилѣтняго — явился соперникъ: пріѣхалъ на каникулы въ домъ родительскій юный, только что окончившій курсъ въ закрытомъ заведеніи поступившій въ университетъ, студентъ первокурсникъ Симеонъ Сарай-Бермятовъ, красавецъ и нахаль, съ побѣдительными глазами, таившими въ себѣ

и магнить, и хлысть на женщину. Онъ, подобно своей маменькѣ, тоже нашель, что у Епистиміи поэтическіе глаза, и пожелаль разсмотрѣть ихъ поэзію поближе. Хорошо освѣдомленный, что Епистимія, хотя и держитъ себя строго и «корчитъ принцессу», но, на самомъ дѣлѣ, «изъ такихъ», юноша велъ себя рѣшительно, а безпощадный талантъ Донъ-Жуана оказался въ немъ природный, яркій. Прошло всего двѣ недѣли по его пріѣздѣ, какъ Евсѣй, задержанный бариномъ ночевать въ камерѣ ради какой-то ранней посылки, услыхаль легкій шумъ въ корридорѣ и, выглянувъ осторожно, увидѣль въ лунномъ свѣтѣ Епистимію, крадущуюся въ комнату молодого барина. Видъ ея поразиль Евсѣя: она шла, точно ее незримая сила, въ лучахъ мѣсяца, тянула и толкала, и тщетно она упрявилась, чтобы миновать, ее ожидающую, роковую дверь. И лицо ея прилунномъ свѣтѣ было зелено, какъ лицо трупа, а въ огромныхъ глазахъ было такое безуміе страха и стыднаго отчаянія, что вѣдьмою какою-то показала она Евсѣю. Всякій, болѣе чуткій, на мѣстѣ Евсѣя, поняль бы, что Епистимія шла на пер-

вое свое, властно ей приказанное, свиданіе, что сила, высшая воли ея, бореть ее и мутить умъ, и повелѣваетъ погибнуть. Но Евсѣй презиралъ свояченицу, какъ «такую», былъ брезгливо увѣренъ, что она «такая», и теперь видѣлъ только подтвержденіе своему дурному мнѣнію. И, такъ какъ она для него, можно сказать, не существовала, то ему было все равно, — съ кѣмъ она: съ бариномъ, такъ съ бариномъ, со слугами, такъ со слугами. Она для него въ жизни была зачеркнутый номеръ. Поэтому ночное видѣніе Епистиміи возбудило его безпокойство и негодование только изъ того опасенія, чтобы не вышло скандала въ господскомъ, почтенномъ домѣ, чтобы не замѣчены были шашни Симеона людьми. А то что же? Епистимія, все равно, гулящая, а Симеонъ Викторовичъ человѣкъ молодой, безъ этого не проживетъ, пусть ужъ лучше съ нею, чѣмъ съ другою, — по крайней мѣрѣ, не истратитъ здоровья...

Итакъ, Евсѣй рѣшилъ, что его дѣло — только убересть происшествіе отъ скандала, сплетень и пересудовъ. Съ этою цѣлью онъ быстро одѣлся и безсонною, безшумною тѣнью

сѣлъ въ корридорѣ противъ двери Симеона съ тѣмъ, чтобы предохранить выходъ Епистиміи отъ постороннихъ глазъ. А вотъ — когда она выйдетъ, и увидятъ они оба съ Симеономъ Викторовичемъ, что попались, то завтра поутру поговорить онъ съ ними по чести и отчитаетъ голубчиковъ: не заводи разврата подъ честною кровлею! есть вамъ роща, садъ и поле, и гостиницы въ городѣ! не срами благородный дворянскій домъ!

Разсвѣло. Чтобы, въ случаѣ кто проснется, его присутствіе въ корридорѣ не показалось страннымъ, Евсѣй осторожно добылъ изъ стѣнного шкапа, гдѣ хранилъ всякую утварь по канцеляріи Виктора Андреевича, щетки и ваксу и, взявъ собственные сапоги, сидѣлъ на подоконникѣ съ такимъ видомъ, будто сейчасъ начнетъ ихъ чистить...

А за дверью прощались. И прощались невесело. Епистимія беззвучно рыдала, чтобы не огласить домъ воплемъ, и, шатаясь на ослабѣвшихъ ногахъ, быстро одѣвалась, застегиваясь какъ попало, лишь бы пробѣжать корридоромъ до своей каморки. Симеонъ, въ бѣльѣ, сидѣлъ — совершенно смущенный,

красный — на кровати, въ нетерпѣливомъ конфузѣ переступалъ босыми, бѣлыми ногами по ковру и говорилъ, не щипля, а скорѣе выщипывая черный свой, молодой усъ:

— Чортъ знаетъ что... Я никакъ не ожидалъ... За чѣмъ же ты... Если-бы я предполагалъ... Чортъ знаетъ что... Всѣ говорятъ — «такая»...

И тогда Епистимія, растроганная его смущеніемъ и сожалѣніемъ, въ порывѣ благодарной влюбленности, рассказала ему — первому за всѣ годы, что она носила на себѣ незаслуженное пятно, — какъ и почему она, дѣвушка, непорочная до этой ночи, прослыла распутною... И она, рассказывая, и онъ, слушая, невольно позабыли осторожность и заговорили, вмѣсто шопота, голосами... И, когда Епистимія окончила рассказъ свой, что то рѣзко стукнуло въ корридорѣ... Молодые люди обмерли... Выждавъ минуту, Симеонъ сказалъ шопотомъ:

— погоди... Стань за дверью... Я выгляну...

Пріотворилъ дверь, высунулъ смолевую свою стриженую голову съ встревоженными глазами, метнулъ ими вправо, влѣво, но ни-

кого въ корридорѣ не увидалъ. Только на подоконникѣ чернѣла банка изъ подъ ваксы. да на полу лежала, топырясь щетиною, точно длинный сердитый ежъ, сапожная щетка...

Симеонъ пожалъ плечами, повернулся и сказалъ:

— Никого... Почудилось... Бѣги, Пиша, къ себѣ, покуда путь свободенъ...

Она бросилась ему на шею.

Онъ цѣловалъ ее, съ усмѣшкою покачивая красивою татарскою головою, — смущеніе совѣсти уже прошло, а неожиданный «сюрпризъ» начиналъ казаться забавною удачей.

— Миленькій... миленькій... жизнь моя... никого такъ... никогда...

Онъ сдѣлалъ серьезное лицо и, съ важно-стью вздыхая, сказалъ:

— Ты удивительный человекъ, Пиша... клянусь тебѣ: удивительный... То, что сдѣлала ты для твоей Соломонида, это...

Онъ поискалъ слова, но большихъ словъ не было въ его сухой маленькой душѣ, — и онъ, для самого себя неожиданно, разсмѣялся:

— Но — какая же ты... извини... дурочка, Пиша! Развѣ можно такъ любить? на жертву

себя отдавать? Юродивое что-то... Глупо, душа моя!

Она, блаженно улыбаясь, ловила поцѣлуями его руки и лепетала, въ трогательной радости, смѣясь:

— Глупо, миленькій... дура я, сама знаю, что дура... Только теперь мнѣ все равно... Хоть до гроба...

Посмотрѣлъ онъ на нее и, самодовольное чувство наполнило его душу отъ догадки, какъ глубоко и цѣльно покорено имъ это восторженно мятущееся, странное, влюбленное существо съ глазами-небесами, какая драгоценная и многообѣщающая собственность неожиданно свалилась въ жизнь его въ этой дѣвственной рабѣ...

И тотчасъ же почувствовалъ въ себѣ мужчину, хозяина и закомандовалъ:

— Н-ну, Пишокъ, маршъ... покуда не поймали!

Какъ тѣнь, исчезла она, въ послѣдній разъ освѣтивъ его синими очами...

А онъ, довольно улыбаясь, легъ на спину, выкурилъ папироску и, засыпая, думалъ:

— Курьезное приключеніе... А дѣвица ма-

нѣификъ... лѣто проведемъ не безъ прїятности... А сестрица эта у нея, должно быть, ше-ельма... Надо будетъ посмотрѣть...

За утреннимъ чаемъ Викторъ Андреичъ Сарай-Бермятовъ съ раздраженіемъ говорилъ супругѣ своей Ольгѣ Львовнѣ:

— Вотъ говорятъ: Евсѣй не пьетъ... Рѣдко, да мѣтко! Сегодня — можешь представить — вхожу въ камеру: лежитъ, чудовище, на диванѣ, совсѣмъ одѣтый, но босой, а сапоги надѣты вмѣсто ногъ на руки — можешь представить, какъ хорошъ!.. Окликаю: молчить... Заглянулъ ему въ рожу: зеленый, какъ листъ, а вмѣсто глазъ — жернова какіе-то кровавые... Смотритъ мнѣ въ глаза и — не узнаетъ... Ужъ мы съ письмоводителемъ кое-какъ откачали его подъ насосомъ...

А вечеромъ того же дня Епистимія была и обрадована, и испугана, и осчастливлена, и до глубины сердечной потрясена. Убирала она послѣ господъ съ вечерняго стола, — вдругъ вошелъ Евсѣй и, не говоря ни слова, — впервые за шесть лѣтъ, — низко и глубоко ей поклонился... И, когда она глядѣла на него съ такимъ испугомъ, что позабыла даже отвѣтить

на поклонъ, Евсѣй протянулъ руку и сказалъ:

— Не держите на меня сердца, сестрица, — отпустите, въ чемъ былъ противъ васъ неправъ...

И вспыхнула Епистимія, понявъ, что онъ все слышалъ и знаетъ. И стало ей жалко, странно, тоскливо, стыдно, душно. Но по глазамъ Евсѣя вдругъ догадалась она, что въ немъ молчитъ судья, и только кается въ своей ошибкѣ честный виноватый. И, низко нагибаясь къ серебру на столѣ, съ благодарнымъ достоинствомъ отдала она поясной поклонъ и съ степенною важностью отвѣтила:

— Не въ чемъ мнѣ васъ прощать, Евсѣй Авксентьичъ, — вы меня, если чѣмъ согрубила, простите.

Вспоминаетъ Епистимія въ безсонной ночи своей Евсѣя Авксентьича и крестить въ темнотѣ нервно зѣвающій, съ воспаленными губами, ротъ:

— Царство небесное!.. Хорошій былъ человекъ! Большого характера... Какое горе вынесъ, а ни надъ собою, ни надъ женою никакого грѣха не сотворилъ... — Кабы, говорить, у меня сына не было, конечно, ей бы въ

могилѣ быть, а мнѣ на Сахалинѣ. Но, когда человекъ пустилъ ростокъ потомства, не свой онъ сталъ и нѣтъ ему въ себѣ воли: на каждое чувство свое долженъ онъ, какъ сквозь очки нѣкіе, сквозь потомство свое глядѣть... Такъ и перекипѣлъ въ одиночку. Еще семь лѣтъ жили, — словомъ, взглядомъ не выдалъ онъ себя предъ Соломонидою... Только на смертномъ одрѣ обнаружилъ: «Ты, говоритъ, Соломонида, и вы, маменька, богоданная теща, не воображайте, будто отъ меня скрыто, какъ вы Епистимію невинную оклеветали и на всю жизнь несчастною отпустили. Все я, любезная моя супруга, испыталъ и провѣрилъ: и съ кѣмъ вина твоя была, и какъ ты пряталась, и гдѣ родила, и подъ какимъ номеромъ мальчикъ новорожденный былъ сданъ въ воспитательный домъ... За всѣ эти твои подлости могъ бы я тебя проклясть, умирая, но — сына жалѣю: какъ сыну расти подъ рукою проклятой матери? Поэтому — опаматуйся, не блажи: видишь, нѣтъ ничего тайного, что не стало бы явнымъ... И очень жаль мнѣ, что этотъ твой мальчикъ, котораго ты съ Петрухой-водовозомъ прижила, померъ. Ес-

ли-бы я засталъ его живымъ, возростилъ бы вмѣстѣ съ Гришуткою...А теперъ Гришутку тебѣ растить. Молилъ я молодыхъ господъ: не оставятъ. Не нужды боюсь, — не нищѣ: невѣжества, темноты нашей боюсь. Матвѣй Викторовичъ обѣщался быть Гришуткѣ за родного брата... Эхъ, жаль мнѣ, въ отъѣздѣ Епистимія: при ней легче было бы умирать, сказалъ бы я ей словечко за Гришутку... Супруга! теща! слушайте: Епистиміи Гришутку наказываю... чтобы въ ея волѣ былъ... А ты, Соломонида, помни: оставишь Гришутку въ чернотѣ и дурнемъ, — не будетъ тебѣ отъ меня прощенія... въ черномъ свѣтѣ, начну тебѣ являться, покою не дамъ...

— А ей что? — съ презрѣніемъ усмѣхнулась Епистимія, — сказывала мнѣ маменька: только вывиралась предъ умирающимъ то, что напраслину на нее клеветь, и знать она ничего такого не знаетъ, вѣдать не вѣдаетъ, а что Епистимія — ужъ это всякому, кого не спроси, извѣстно — что распутная, такъ распутная... У-у-ухъ вы, враги мои! недобрые враги!

И сверкаетъ она въ темнотѣ негодующими

глазами, и сжимаются костлявые жесткіе кулаки. А воспоминанія роятся, клубятся, крутятся.

— Вотъ Ольга Львовна довѣдалась объ ея отношеніяхъ къ Симеону... вышвырнула вонъ изъ дома, какъ грязную тряпку... Симеонъ кончилъ каникулы... уѣхалъ... Мѣсяца не выдержала, распродалась, позаложилась, помчалась за нимъ въ Москву... Очень удивился, поморщился, — однако, хороша еще была, принялъ, позволилъ жить въ тѣхъ же меблированныхъ комнатахъ... А, двѣ недѣли спустя, застала она у него барыню — сорокалѣтнюю крашеную актрису... И стала она потомъ ему выговаривать, а онъ смѣялся ей въ лицо и говорилъ:

— На что ты мнѣ? Зачѣмъ пріѣхала? Звалъ я тебя? Какія ты имѣешь права? А черезъ эту госпожу мнѣ открываются хорошіе дома и большія связи для карьеры... И то, что ты ревнуешь, очень глупо, потому что ты сейчасъ беременна и, значить, для меня, покуда, не любовница. Что же ты воображаешь, будто я, пока ты соблаговолишь разрѣшиться, обязанъ жить монахомъ? Чорта съ два, любезная

моя! Не изъ большихъ ты графинь...

Холодная злоба мурашками бѣжитъ по спинѣ Епистиміи.

— Я тебѣ покажу, голубчику, — думаетъ она, — узнаешь ты у меня скоро, изъ какихъ я графинь. Но тогда она не злобу чувствовала, а только ужасъ — ужасъ вдаль убѣгающей, обманомъ злымъ разсыпающейся, грубо отнимаемой любви, въ которой она увязила все существо свое, какъ въ пескахъ зыбучихъ, невылазныхъ. И грубое слово Симеона, что нужна она ему только, какъ самка, не вызвало въ ней тогда иного чувства, кромѣ стыдной испуганной виноватости, за чѣмъ она осмѣлилась быть матерью, какъ она рѣшилась перестать быть самкою... И она торопится прекратить свое материнское состояніе, чтобы возвратитъ себѣ состояніе самочье, — возвратитъ себѣ то, что она еще наивно считаетъ «любовью» Симеона.

Выкидышъ. Нелѣпый, безобразный, варварскій — по средствамъ бѣдныхъ роженицъ — у цинической и безжалостной нѣмки-акушерки, которая въ то же время и сводня. Рядомъ съ Епистиміей лежатъ жен-

щины, какихъ она еще не видывала въ своей жизни. Загнанныя въ преступленіе дѣтоубійства рабочею нуждой, тѣ объ одномъ стараются: скорѣе подняться на ноги, чтобы стать къ работѣ, которая кормить ихъ семьи и часто тѣхъ самыхъ мужчинъ, чьи ласки загнали ихъ въ эту берлогу. Едва переставъ истекать кровью, еще качаясь, какъ былинки подѣ вѣтромъ, спѣшатъ онѣ слабыми ногами уйти къ швейнымъ машинамъ, переплетнымъ станкамъ, ворочать тяжелыя кастрюли и котлы въ плитѣ, убирать комнаты, мыть бѣлье, ползать по полу съ мокрыми тряпками. Но большинство попало къ нѣмкѣ потѣмъ же причинамъ, какъ и Епистимія: самки, жертвующія материнствомъ, чтобы удержать при себѣ своего самца. И смотрится въ нихъ Епистимія, будто въ зеркала, страшно искажающія черты ея, но она узнаетъ себя въ нихъ — и въ выпуклыхъ, и въ вогнутыхъ, и въ широкихъ, и въ продолговатыхъ, и въ раздувающихъ, и втягивающихъ лицо. У каждой есть какой-нибудь свой Симеонъ, ради котораго приносится проклятая Молохова жертва. И, когда жертва принесена и выжившія муче-

ницы ожидаютъ сроковъ, пока онъ снова окажутся достойными ласкъ Симеоновъ своихъ, — у нихъ нѣтъ иной рѣчи между собою, какъ о нихъ же, о Симеонахъ: и проклинаятъ, и анекдоты рассказываютъ, — все о нихъ, каждая о своемъ, каждая — раба страсти, приковавшей ее къ одному повелителю и трепещущей за свою хрупкую съ нимъ связь. Вошла Епистимія въ пріютъ здоровымъ, прекраснымъ челоукомъ, — вышла искалѣченная тѣломъ, вывихнутая, исковерканная въ чувствѣ, съ отравленнымъ, изгязненнымъ умомъ... Какіе пріемы и средства она узнала! какіе совѣты и правила она приняла!

— Ты дура, — внушала ей нѣмка-акушерка, — если ты, простой дѣвушка, имѣешь любовникъ благородный господинъ, то ты долженъ сохранять интересъ...

— Не хочу я отъ него интереса, — угрюмо твердитъ Епистимія, темнѣя синими глазами, — люблю его и все... Былъ бы онъ ко мнѣ по прежнему хорошъ, а интереса отъ него не жду... Не интересанка.

Нѣмка затягивается толстою папиросою,

которую сама свертѣла своими желтыми пальцами, и хладнокровно повторяетъ:

— Ты дура. Я тебя учу не на тотъ интересъ. Если хочешь, чтобы онъ тебя любилъ, ты долженъ быть для него интересной, чтобы онъ не былъ отъ тебя скучный, — да! Что ты красивый, — думаешь, это все? Я старый и некрасивый, но, когда хочу, отбиваю любовники на двѣвушки, красивыя, какъ ты. Потому что онъ не знаютъ интересовать мужчину, а я знаю интересовать. Ты думаешь: благородный господинъ — мужикъ? извозчикъ? артельщикъ? Благородный господинъ имѣетъ разные примѣры, его надо забавлять...

И узнала тутъ Епистимія о такихъ вещахъ, возможность которыхъ никакъ не вмѣщалась въ ея провинціальную, честную голову.

— Этого быть не можетъ, — защищалась она, — это вы нарочно шутите надо мною, потому что я глупая...

Но нѣмка принесла ей фотографическія карточки, секретныя книжки...

Выйдя изъ пріюта, Епистимія, конечно, нашла Симеона уже съ другой женщиной. Но, видно, права была нѣмка, и помогла

Епистиміи подлая пріютская наука. Опять вошла Епистимія въ милость у повелителя своего.

— Да ты — совсѣмъ другой человекъ стала! — говорилъ Симеонъ, — съ тобою презабавно... Откуда что взялось?

— Москва научить, — отвѣчала Епистимія, блаженствуя отъ ласковыхъ словъ любимаго человека, но еле слыша ихъ сквозь мрачный стыдъ униженій, которымъ она подвергалась.

— Молодецъ-дѣвка, что взялась за умъ... Вотъ — если-бы ты еще ревновать разучилась... Глупая! пойми! Вѣдь ни жениться на тебѣ, ни жизнь съ тобою навсегда связать я не могу... Что же тратить на ревность короткіе дни, которые намъ осталось быть вмѣстѣ? Чортъ возьми, проведемъ время въ радости... Бери примѣръ съ меня: развѣ я тебя ревную?

И дѣйствительно, не ревновалъ. Настолько, что однажды, нахваставъ товарищу, будто его Епистимія никакой француженкѣ не уступитъ, — когда тотъ выразилъ сомнѣніе, предложилъ ему убѣдиться на дѣлѣ, привелъ его къ Епистиміи въ номеръ, а самъ ушелъ. Товарищъ едва убѣждалъ отъ разъяренной

Епистиміи, которая исцарапала ему лицо и избила его его же палкой. Онъ, конечно, сдѣлалъ Симеону страшную сцену, а тотъ ругательски изругалъ Епистимію и опять пришлось ей услышать отъ него напоминаніе, что — «чего ломаешься? не изъ большихъ ты графинь!».

И опять напрягаются злобою сухощавые кулаки въ темнотѣ ночной, опять одиноко шепчутъ воспаленныя увядшія губы:

— Выплатишь ты мнѣ графиню эту, другъ милый! За всѣ позоры мои я съ тебя до капельки получу.

На родинѣ дѣла Сарай-Бермятовыхъ шли все хуже и хуже. Денегъ изъ дома Симеонъ получалъ мало, а жить хотѣлъ свѣтски, хорошо. Чтобы поддерживать свое существованіе съ честью, завелъ карточные вечера. Для Епистиміи это было хорошее веселое время, потому что на вечерахъ Симеона она чай разливала и вообще была за хозяйку. Играли больше своимъ студенческимъ кружкомъ и нельзя сказать, чтобы нечестно, хотя богатенькимъ простачкамъ задавалось почему то особенное несчастье, и чистка шла изрядная.

Играющая молодежь полюбила Епистимию, многие приходили гораздо больше изъ расположенія къ ней, чѣмъ къ Симеону... Однажды Симеонъ среди игры вызвалъ Епистимию въ корридоръ.

— Въ пухъ продулся, — угрюмо сказалъ онъ, — надо отыгратъся, а нечѣмъ... Между тѣмъ, Вендль сегодня набить деньгами... Если-бы только сто рублей, я бы его раздѣлъ... У тебя нѣтъ?

— Нѣту, Симеонъ Викторовичъ, откуда же? И двадцати пяти не наберу... Да и тѣхъ дома нѣтъ, лежать на книжкѣ...

— Эхъ!

Посмотрѣлъ онъ на нее, скрипнулъ зубомъ, и едва ли не впервые дернулась у него тогда правая щека.

— Спроси у Морковникова, — мрачно сказалъ онъ, — онъ богатый... и что-то слишкомъ умильно на тебя смотритъ... Попроси, дасть...

— Симеонъ Викторовичъ... да какъ же я...

Но онъ прикрикнулъ:

— Дура! да вѣдь займы! не надолго... только до конца игры... Отдамъ хоть съ процента-

ми, рубль на рубль...

И, повернувшись, прибавилъ:

— Только ты не проврись, что для меня просишь... Выдумай что нибудь про себя...

И ушелъ къ игрокамъ, а она медленно поднялась къ себѣ въ номеръ и, черезъ корридорнаго, вызвала Морковникова. Этотъ, студентъ-математикъ изъ купеческихъ сыновей, парень бывалый и сдержанный, выслушалъ спутанный рассказъ Епистиміи о томъ, какъ ея какая то несуществующая сестра выходитъ замужъ и просить денегъ на приданое, сразу понялъ, въ чемъ штука, усмѣхнулся и сказалъ:

— Дать вамъ сто рублей я могу... это для меня не большія деньги... но какой будетъ процентъ?

— Василій Никитичъ! — радостно заторопилась она, вспоминая слова Симеона, — драгоценный! да — какой хотите! хоть рубль на рубль!

Но онъ перебилъ:

— Ну что рубль на рубль? Грабитель я, что ли? Не конфузьте. Мнѣ вотъ, при свѣтъ о такой вещи, какъ проценты, даже говорить

совѣстно... краснѣю... вотъ какой я стыдливый человекъ. Знаете что: давайте мы съ вами электричество то притушимъ, да ужъ въ темнотѣ о процентахъ и поговоримъ?...

Много денегъ выигралъ въ эту ночь Симеонъ съ Вендя на проклятую сторублевку и, вѣрный обѣщанію, возвратилъ ее Епистиміи, да еще отъ себя приложилъ двадцать пять рублей... Подумала Епистимія, — не возвратить-ли Морковникову деньги? — но сообразила уплаченные ему въ темнотѣ проценты и, вздохнувъ, заперла сторублевую въ шкатулку свою, а двадцатипятирублевою на завтра расплатилась за номеръ...

И съ этого вечера пошло. За Морковниковымъ Шустовъ, за Шустовымъ Гернгроссъ, дальше Мулысевичъ, Кедроливанскій, Линтваревъ, Колотыренко... Епистимія выучилась смотрѣть на тѣло свое, какъ на источникъ кредитовъ для Симеона. Зналъ ли онъ, подозрѣвалъ ли, что она для него продаетъ себя? Никогда и никакихъ не бывало о томъ разговоровъ. Спокойно принималъ онъ отъ нея деньги, если нужны были, передъ игрою, спокойно возвращалъ ихъ, если была

возможность, послѣ игры; спокойно прятала она ихъ въ свою шкатулку, а на завтра несла въ ссудо-сберегательную кассу. Но однажды утромъ Симеонъ ворвался къ ней, какъ бѣшенный. У него въ университетѣ, въ присутствіи товарищей вышла ссора съ Морковниковымъ и, въ пылу пикировки, онъ обозвалъ того «лавочникомъ». Морковниковъ пріосанился, прищурился и отвѣчалъ:

— Я, конечно, лавочникъ. И отецъ мой лавочникъ. И дѣдъ былъ лавочникъ. Скоро столѣтъ, какъ миткалями торгуемъ. Но дѣвками никогда не торговали. А вы, боляринъ Сарай-Бермятовъ, своею Епистиміею и оптомъ, и въ розницу промышляете.

Едва ихъ развели, и загудѣла по студенчеству молва о предстоящей дуэли...

Смѣло выдержала Епистимія бѣшенный допросъ Симеона... Только и слышалъ онъ отъ нея:

— Для васъ же старалась...

— Вы же приказывали...

— А что бы съ вами было, если-бы тогда денегъ не нашлось?

Видѣла она, что не по любви къ ней онъ

бѣснуется отъ того, что она ради него тайною проституткою стала, а испуганъ онъ и озлобленъ только, зачѣмъ все это вскрылось и зацѣпило его срамомъ своимъ... И — впервые въ жизни — ничуть ей не было его жалко; а позоръ свой и униженіе она впервые чувствовала такъ, словно они всю ее, до краешковъ, наполнили и текутъ, вмѣсто крови, по жиламъ огненною грязью. И, когда Симеонъ сталъ бить ее по лицу, обзывая позорными именами, она терпѣла съ сухими глазами и — опять — только и сказала ему:

— Это правда: ради васъ я такую подлою тварью стала, что не можетъ быть мнѣ въ жизни никакой пощады... Бейте! бейте! стою того!..

Даже у Симеона опустились руки... Ни словомъ не попрекнулъ онъ ее больше, только потребовалъ, чтобы она немедленно уѣхала изъ Москвы...

VIII

И вотъ Епистимія опять на родинѣ, живетъ отдѣльно отъ сестры на квартирѣ, перемалываетъ внутреннюю муку свою, провѣряетъ загубленную жизнь, и кажется ей, что у нея, вмѣсто нутра, сплошной обжогъ, по которому день и ночь течетъ кипучая смола. Денегъ у нея много, живетъ безъ бѣды, но тоски въ душѣ еще больше. И вспомнить она не можетъ Симеона Викторовича безъ пламеннаго стыда, геенскаго гнѣва, отвращенія къ себѣ самой, будто къ лужѣ вонючей, — и знаетъ она, что вотъ стоитъ ему позвать, — и, какъ собаку на свистъ, потащитъ ее къ нему привычка любви, и опять онъ, что захочетъ, то и выльпитъ изъ нея, рабы своей... И въ такія минуты — одно ей спасеніе: бѣжитъ къ сестрѣ, беретъ племянника Гришутку, въ чурки съ нимъ играетъ, азбуку ему показываетъ, молитвамъ учитъ, въ поле гулять водить за городъ, травки ему объясняетъ, козявокъ, жуковъ... просвѣтляетъ, какъ умѣетъ, дѣтскую душу и свѣтомъ ея, какъ щитомъ, старается отгоро-

дить себя отъ прошедшаго страстнаго мрака.

Много денегъ у Епистиміи, по ея одинокому мѣщанскому дѣвичеству, но ей надо еще больше и больше. Потому что задалась она цѣлью — накопить Гришуткѣ, къ совершенному возрасту его, хорошее состояніе, чтобы вошелъ онъ въ жизнь безбѣдственно, твердыми ногами, какъ самостоятельный человѣкъ. И вотъ начала она раздавать капиталецъ свой въ ростъ по мелочамъ, и быстро онъ удвоился, утроился. Одна покойница барыня Ольга Львовна что процентовъ переплатила Епистиміи, хотя та никогда съ нея не требовала и расписки не брала. Возьметъ сто на недѣлю, возвратитъ черезъ мѣсяць, да, за промедленіе, по дворянской амбиціи, сама приложитъ два большихъ золотыхъ. Винамъ своимъ Епистимія давно получила отъ Ольги Львовны отпущеніе, души въ ней не чаяла теперь барыня, и стала Епистимія опять не только вхожа къ Сарай-Бермятовымъ, но и самымъ необходимымъ въ домѣ у нихъ человѣкомъ. И, когда въ неурядицѣ безтолковаго, разоряющагося дома, въ хаосъ разнообразно подроостающихъ дѣтей (Зоѣ тогда шель

четвертый годъ, а Аглаѣ восьмой, а Модесту — семнадцатый) становится въ семьѣ ужъ слишкомъ нудно, дико и нестерпимо, старый баринъ Викторъ Андреевичъ выбѣгаетъ изъ кабинета и, хватаясь за жидкіе волосы, зачесанные надъ красною лысиною, воетъ, какъ недорѣзанный волкъ:

— Да пошлите же за Епистиміей Сидоровной! Авось, хотя она уйметъ этотъ шабашъ бѣсовскій...

И, когда Епистимія приходитъ, въ домъ, въ самомъ дѣлѣ, водворяется порядокъ. У Зои въ рукахъ оказываются какія то глиняныя птички, Аглая разсматриваетъ картинки въ «Задуманномъ Словѣ», Викторъ убѣждается, что, чѣмъ колотить Матвѣя линейкою по головѣ, лучше имъ вчетверомъ, съ Гришуткою Скорлупкинымъ и другимъ одиннадцатилѣтнимъ паренемъ, изъ Епистимьиной же родни, по имени Иляtkою, играть изъ Жюль Верна въ путешествіе къ центру земли; старѣющая Ольга Львовна перестаетъ скитаться изъ комнаты въ комнату по слѣдамъ старѣющаго Виктора Андреевича, напрасно ревнуя его къ боннѣ и гувернанткѣ; а Викторъ Андреевичъ,

свободно вздохнувъ, среди наступающей тишины, вдругъ находитъ идею, которая вилась вокругъ думнаго чела его цѣлое утро, да все не давалась, спугиваемая дѣтскимъ шумомъ и взглядомъ ревнивой жены: какъ, имѣя въ карманѣ всего на всего сто рублей, уплатить онъ на будущей недѣлѣ въ банкъ 500 рублей процентовъ, починить конюшню, пошлетъ деньжонокъ Симеону въ Москву и кадету-Ивану въ Петербургъ. По часу и больше сидитъ онъ иногда, запершись съ Епистимией, совѣтуясь объ отчаянно плохихъ дѣлахъ своихъ, и — странное дѣло! — Ольга Львовна, твердо, хотя и незаслуженно, увѣренная, что супругъ ея ни одной юбки не пропуститъ безъ того, чтобы не поухаживать, нисколько его къ Епистиміи не ревнуетъ, хотя Епистимія, на 28-мъ году жизни, еще очень и очень недурна, а ея прошлое барынѣ больше, чѣмъ кому-либо, извѣстно. Она другъ и повѣренная Ольги Львовны, постоянная кредиторша и спасительница ея дыряваго и зыбкаго хозяйственнаго бюджета. Продать жемчугъ? заложить серебро? кто же это можетъ сдѣлать лучше и секретнѣе Епистиміи Сидо-

ровны? Она мчится куда то съ таинственными узлами, а возвращается безъ узловъ, но съ деньгами... И слышится въ барыниной спальнѣ ея прерывистый шепотъ:

— Что хочешь, дѣлай... не даетъ больше... ужъ я ругалась-ругалась... эѳіопъ! говорю, — вспомни барынины благодаренія...

— Ничего, Епистимія Сидоровна, спасибо тебѣ, я обойдусь...

— Изъ за процентовъ тоже... ну, статочное ли дѣло: ломить двѣнадцатъ годовыхъ? Я, ма-тушка барыня, не уступила: довольно съ него, Искаріота, десяти...

— Ахъ, Епистимія Сидоровна, еще разъ спасибо тебѣ, но, право, я въ такихъ тискахъ, что и двадцатъ спросить — дашь, да поклонисься.

— Какъ можно, барыня! упаси Господь! Это даже слушать страшно.

А между тѣмъ, вещи то изъ таинственныхъ узловъ лежатъ себѣ въ сундукахъ на ея квартирѣ, и эѳіопъ, и Искаріотъ этотъ мнимый, корыстолюбіе котораго она столь энергично клеймитъ, — въ дѣйствительности — никто иной, какъ сама она Епистимія Сидо-

ровна Мазайкина, любезно-вѣрная Епистимія, какъ иронически зовутъ ее Сарай-Бермятовы.

Что она Сарай-Бермятовыхъ чиститъ и тащитъ съ нихъ, правда, осторожною и деликатною рукою, но за то все, что только можетъ, замѣчаетъ кое кто со стороны... Между прочими, суровый, вѣрный слуга — крѣпко уважаемый Епистиміей — угрюмый Евсѣй Скорлупкинъ.

— Сестрица! Вы бы хоть поосторожнѣе, — сдерживаетъ онъ ее, — надо совѣсть имѣть...

Она складываетъ руки и умоляюще смотритъ на него прекрасными синими глазами:

— Братецъ! не осуждайте... Ну что? Все равно: не сегодня, завтра рухнуть... Чѣмъ чужимъ въ лапы, лучше же я свою пользу возьму...

— Оно такъ, да все же...

— Братецъ! Кабы я для себя... Для Гришеньки стараюсь... все ему пойдетъ...

И умолкали упреки на устахъ суроваго Евсѣя, потому что сына онъ любилъ паче жизни и чести своей.

Изъ семьи Сарай-Бермятовыхъ особья отношенія сложились у Епистиміи съ Моде-

стомъ, котораго она, по возвращеніи изъ Москвы, застала гимназистомъ шестого класса. Она сразу замѣтила въ немъ большое сходство съ Симеономъ, и наблюденіе это наполнило ее тоскливою злобою.

— Такой же змѣй изъ змѣеньша выростеть!

И, такъ какъ, несмотря ни на что, продолжала она Симеона любить до того, что часто пролеживала въ горькихъ слезахъ напролетъ бессонныя ночи, то этотъ мальчикъ сталъ для нея какъ бы символомъ той отрицательной части, которую она признавала въ своемъ сложномъ чувствѣ къ Симеону. Модестъ для нея сталъ Симеономъ внѣ любви къ Симеону. Наблюдая Симеона, она могла мучительно страдать отъ сознанія его грубости, сухости, разврата, эгоизма, но не могла — до сихъ поръ не могла! — относиться къ нему съ тѣмъ холодомъ ненависти, съ тѣмъ мстительнымъ злорадствомъ, съ тою послѣдовательностью глубоко затаенной, но тѣмъ болѣе прочной вражды, которыхъ ей противъ него такъ хотѣлось... Но, разглядѣвъ въ Модестѣ второго будущаго Симеона, только еще вдобавокъ съ

фантазіями, лѣнтяя и безъ характера, она перенесла на него всѣ недобрыя чувства, которыхъ не сумѣла имѣть къ Симеону настоящему. По наружности не было лучшихъ друзей, чѣмъ Модестъ и Епистимія, а — въ дѣйствительности, Епистимія даже сама не отдавала себѣ полнаго отчета, насколько она презираетъ и ненавидитъ этого опаснаго мальчишку, вымещая на копіи гнѣвъ, который была бессильна выместить на оригиналѣ. И все, что есть хорошаго и положительнаго въ Модестѣ, возбуждаетъ въ ней вражду и жажду испортить и разрушить. И все, въ чемъ онъ противенъ и гадокъ, радуетъ ее какою то змѣиною радостью.

— Погоди ты у меня, материнское утѣшеніе! — со злобою думаетъ она, сочувственно улыбаясь глазами и ртомъ, когда Ольга Львовна поетъ хвалы уму, способностямъ и блестящимъ успѣхамъ Модеста:

— Это геній растетъ въ нашей семьѣ! настоящій геній!

На семнадцатомъ году Модеста Епистимія сдѣлала его своимъ любовникомъ — безъ всякой страсти, съ холоднымъ цинизмомъ

профессіональной развратницы, исключительно ради удовольствія надругаться надъ его юностью такъ же, какъ когда то Симеонъ надъ ея молодостью надругался. Развратила мальчишку и сейчасъ же и оборвала эту короткую связь, очень ловко передавъ Модеста въ распоряженіе одной изъ самыхъ распутныхъ и извращенныхъ бабенокъ губернскаго города. Эта госпожа обработала будущаго генія такъ, что онъ едва кончилъ гимназію и въ университетъ вошелъ неврастеникомъ и алкоголикомъ, съ притупленною памятью, быстро утомляющеюся дѣятельностью мысли, отравленной 24 часа въ сутки иллюзіями и мечтами эротомана... А въ молодежи тогда какъ разъ начиналось то помутнѣніе декаданса, которое, во имя Діониса и революціи плоти, вылилось потомъ ливнемъ порнографіи въ литературъ и половыхъ безобразій, и преступленій въ жизни. Нырнулъ въ эту пучину Модестъ и вынырнулъ таковъ, что даже возвратившійся въ то время на родину Симеонъ, всякое выдавшій, только руками развелъ предъ удивительнымъ братомъ своимъ:

— Хорошъ!

А старики, тѣмъ временемъ, стали подбираться съ этого на тотъ свѣтъ. Первымъ ушелъ изъ міра Викторъ Андреевичъ, унесенный апоплексическимъ ударомъ ровно черезъ недѣлю послѣ того, какъ хинью пошло съ аукціона послѣднее именъице Ольги Львовны, заложенное, перезаложенное и стоившее Сарай-Бермятовымъ столькохъ процентныхъ платежей, что врядъ ли не трижды покрыли они и самый капиталъ. За Викторомъ Андреевичемъ, какъ вѣрный оруженосецъ за своимъ рыцаремъ, вскорѣ послѣдовалъ угрюмый Евсѣй. Ольга Львовна тоже не долго пережила мужа: всего два года ревновала она ко всѣмъ память его, какъ при жизни ко всѣмъ ревновала его живого. И у дворянъ Сарай-Бермятовыхъ, и у мѣщанъ Скорлупкиныхъ оказались новые домодержатели: въ дворянской семьѣ — Симеонъ, въ мѣщанской — Епистимія. Потому что не довѣрила она идола своего Гришутку вздорной бабѣ матери и, по смерти Евсѣя, поселилась вмѣстѣ съ овдовѣвшею сестрою, чтобы имѣть за мальчикомъ постоянный надзоръ,

котораго не чаяла отъ Соломонида.

— Вонъ она храпитъ, засвистываетъ... такъ бы и сына прохрапѣла, колода надменная, кабы не я!

Почтенная Соломонида Сидоровна Скорлупкина принадлежала къ тѣмъ избраннымъ женскимъ натурамъ, которыя обязательно должны давать пріютъ въ обширномъ тѣлѣ своемъ очередному бѣсу какого нибудь смертнаго грѣха. Отдавъ въ юности щедрую дань бѣсамъ лжесвидѣтельства и блуда, послѣ амурной исторіи съ водовозомъ, красавица едва ли не отдала нѣкоторой дани бѣсу челоуѣкоубійства. Ибо водовозъ ея, — вздумавшій было возобновить пріятный свой романъ съ нею и, на отказъ, разразившійся угрозами обо всемъ увѣдомить мужа, — хотя и получилъ краткую взаимность, но вслѣдъ затѣмъ преподозрительно умеръ отъ холеринны, неосторожно покушавъ пирожка, испеченнаго доброжелательною мамою Авдотьею. Всѣ эти обстоятельства совершенно отвратили Соломониду Сидоровну отъ романическихъ приключеній, такъ какъ спокойствіе въ жизни она цѣнила превыше всего, и воз-

вратили ее на путь супружеских добродѣтелей. Но, къ сожалѣнію, посрамленный бѣсъ блуда прислалъ на свое мѣсто бѣса чревоугодія и лакомства, а нѣсколько позже, когда бывшая красавица приблизилась къ тридцати годамъ, то пожаловалъ и бѣсъ — не то, чтобы пьяный, но большой охотникъ до сладкихъ наливокъ, которыя великолѣпно варила мама Авдотья. Когда послѣдняя, волею Божіею, помре, это искусство, съ нею вмѣстѣ умершее, было едва ли не главною причиною горькихъ слезъ, пролитыхъ старшею дочерью надъ материнскою могилою. Раскормили эти два бѣса Соломониду Сидоровну до того, что стала она вѣсить, при не весьма большомъ ростѣ, восемь пудовъ безъ малаго, а ликъ ея издали походилъ не столько на черты человѣческія, сколько на выходящую надъ горизонтомъ красную полную луну. Когда она овдовѣла и осиротѣла, сосѣди качали голову:

— Ну, закрутить теперь Скорлупчиха... спустили звѣря съ цѣпи!

Но, ко всеобщему изумленію, Скорлупчиха не только не закрутила, но повела себя даже

гораздо лучше, чѣмъ при живомъ мужѣ, котораго она боялась и терпѣть не могла. Прозаическіе бѣсы не ушли изъ нея, но попятились, чтобы дать просторъ новому высшему бѣсу лицемѣрія. Ей вдругъ понравилась роль честной вдовы, богомольницы по мужѣ, своемъ злодѣѣ, постницы и молитвенницы, которая — даромъ, что еще не старуха и не обглодокъ какой нибудь изъ себя, — на грѣшный міръ не взираетъ, веселія бѣжить, на пиры и бесѣды не ходитъ, на мужской полъ очей не подъемлетъ и, кабы не сынъ-отрокъ, ушла бы она, вдовица горе-горькая, въ монастырь, похоронила бы скорби свои и благочестивыя мысли подъ черною наметкою. Такъ какъ по смерти Евсѣя оказались неожиданно довольно порядочныя деньжонки, то къ бѣсу лицемѣрія пристегнулся родной его братъ, бѣсъ гордыни: ставши по сосѣдскому мѣщанству изъ первыхъ богачихъ, Соломонида Сидоровна заважничала ужасно и начала держать себя — мало съ высокимъ, съ высочайшимъ достоинствомъ, точно она сосудъ, наполненный драгоцѣннѣйшимъ елеемъ, и важничала она съ такимъ прочнымъ

убѣжденіемъ, что мало по малу заразила имъ и домъ свой, и всю родню, и сосѣдство. Когда она, подѣ вдовой наколкою, величественно колыхаясь обильными мясами, облеченными въ черный кашемиръ, шествовала въ церковь, можно было подумать, что идетъ мѣстная королева, — настолько почтительно раскланивались съ нею солидные мѣщане, а шушера и легкомысленная молодежь, еще издали ее завидя, спѣшили свернуть въ первый переулокъ, либо проходной дворъ:

— Скорлупчиху чортъ несетъ... Уйти отъ грѣха, — сейчасъ осудить... Замаеть наставленіями, только попадись...

Въ роднѣ она возвластвовала настоящею царицею и добилась того, что всѣ ходили передъ нею по стрункѣ. И прослыла она, и отчасти какъ бы въ самомъ дѣлѣ сдѣлалась, будто маткою въ ульѣ, большухою весьма немалочисленныхъ двухъ мѣщанскихъ родовъ, своего Мозайкиныхъ и мужнина Скорлупкиныхъ, со всѣми иными фамиліями, къ нимъ прикосновенными. Не только въ отдаленнѣйшихъ частяхъ губернскаго города, но и въ уѣздахъ, жены изъ фамилій этихъ пугали мужей, а му-

жья женъ:

— Видно, мнѣ, супруга любезнѣйшая, самому съ вашимъ поведеніемъ не справиться. Но только, ежели я васъ еще разъ замѣчу съ главнымъ мастеромъ у забора, то готовьтесь отъѣхать со мною къ Соломонидѣ Сидоровнѣ — пусть ужъ она тогда начнетъ васъ, какъ старѣйшина наша...

— Очень я боюсь! — огрызалась любезнѣйшая супруга, — сама обѣими ножками побѣгу къ Соломонидѣ Сидоровнѣ пожалиться, каковъ ты есть эіюпъ!.. Пуцай подивуется, какъ ты третью субботу заработныя деньги пропиваешь.

Единственный человѣкъ въ роднѣ, который не только не боялся Соломонида, но котораго Соломонида боялась, была Епистимія. Давно, когда минула ея дѣвическая влюбленность въ сестру, поняла она, что подъ красивую наружность Соломонида живетъ ничтожнѣйшая баба: человѣкъ глупый, недобрый, пошловатый и подловатый. И Соломонида знала, что сестра о ней невысокаго мнѣнія, и, зная, потруживала насмѣшливаго огня въ ея синихъ глазахъ, хорошо помня-

щихъ прошлое, да зорко видящихъ и настоящее... При людяхъ Епистимія обращалась съ сестрою столько же уважительно, какъ и всѣ, и племянника учила быть какъ можно почтительнѣе съ матерью. Предоставляла ей важничать, лицемѣрить, надуваться ханжествомъ и чванствомъ, сколько угодно, — разглагольствуй себѣ, были бы охотники слушать! Но, когда Соломонида попробовала ломаться и святошествовать наединѣ съ сестрою, та ее оборвала коротко и рѣзко:

— Ты, Соломонида, штукъ не строй. Я тебя понимаю, и ты меня должна понимать. Комедіанткою сама съ собою быть не желаю. И въ сына ты не вступайся, въ святоши его не муштруй. Передъ людьми хоть на небо возносись, — твое дѣло, а дома — не ерунди. А вздумаешь надоѣдать — пеняй на себя: передъ всѣми тебя обнаружу...

Оробѣла Соломонида и залепетала, что я, моль, что же? я — ничего... И обошлось съ тѣхъ поръ ладно. Помнить баба. Почетъ приѣмлетъ, а ухо держитъ востро.

Слушаетъ Епистимія храпъ сонной сестры и усмѣхается въ темнотѣ.

— Ишь, постница! охъ, ужъ постница! За столомъ сидитъ, работницу дурачить, хлѣбъ по мѣрѣ ѣсть, квасомъ запиваетъ. А ввечеру запретъ ставни, опуститъ занавѣски, да и жретъ въ одиночку гуся жаренаго, вишневкою прихлебывая... Бутылка въ день у насъ стала выходить вишневки то... Вдовица цѣломудренная! Небось, на ночь опять карточки разсматривала...

Работница думаетъ, что она на правилѣ стоитъ, а она карточки воображаетъ...

Карточки у Соломонида Сидоровны удивительныя. Ничѣмъ не можетъ такъ угодить ей Епистимія, какъ подновивъ ихъ таинственный составъ. Часами тогда запирается Соломонида Сидоровна стоять на правилѣ и любитъся Ледами, Пазифаями, нимфами въ объятіяхъ сатировъ, негритянками, коихъ похищаютъ гориллы...

— Ахъ, ужаси! — пищитъ она потомъ сестрѣ, въ удобную минуту, потому что, послѣ удовольствія посмотрѣть карточки, для нея второе удовольствіе — поговорить о нихъ. — Неужели-жъ это все съ природы, и есть такія несчастныя, которыя себѣ подобное позволя-

ють?

А у самой въ глазахъ — масляная готовность, если бы только возможно было безъ вѣдома сосѣдей, явиться не только Ледою, но даже и негритянкою, которую похищаетъ горилла.

Она — не какая-нибудь несчастная, которая себѣ подобное позволяетъ, но есть у нея двѣ подруги-однолѣтки, такія же разжирѣлыя вдовицы, такія же святоши, живущія на другомъ концѣ города, такія же потаенныя охотницы до неприличныхъ карточекъ, заграничныхъ «русскихъ сказокъ» и тетрадокъ съ барковскими стихами. Сойдутся, запрутся, пьютъ вишневку, ѣдятъ сласти, почитываютъ, да поглядываютъ, хихикая безстыжими шепотами. Нѣсколько разъ въ годъ Соломонида Сидоровна вмѣстѣ съ вдовушками этими ѣдетъ на богомолье въ какой-либо мужской монастырь, подальше отъ родного города. Епистимія участвовала въ одной изъ такихъ поѣздокъ и до сихъ поръ ей, выдавшей виды, и смѣшно, и стыдно о томъ вспомнить, потому что бывали минуты, когда казалось ей, что она, четвертая въ компаніи съ тремя

Вѣдьмами, участвовала въ шабашѣ бѣсовъ. А въ прошломъ году Соломонида Сидоровна въ мѣстный храмовой праздникъ долго и внимательно смотрѣла на браваго глухонѣмого парня, толкавшагося среди нищихъ на церковной паперти. И затѣмъ она вдругъ зачѣмъ то заторопилась — купила въ семи верстахъ отъ города участокъ лѣсу на болотѣ, поставила сторожку, и сторожемъ въ ней оказался вотъ этотъ самый бравый глухонѣмой. И каждую недѣлю Соломонида Сидоровна ѣздитъ на лѣсной свой участокъ провѣдать хозяйство. А по монастырямъ вдовы пріятельницы теперь разъѣзжаютъ уже однѣ.

Такова была маменька любимца Епистиміи, Гришутки Скорлупкина. Самъ онъ росъ мальчикомъ не очень крѣпкаго здоровья — обыкновеннымъ мѣщанскимъ ребенкомъ, потомкомъ поколѣній бѣдныхъ и переутомленныхъ, который, хотя бы родился и въ сытой семьѣ, долженъ расплатиться за недоѣданіе, истощеніе и алкоголизмъ предковъ и рахитизмомъ, и золотухою, и предрасположеніемъ ко всякимъ, изнуряющимъ организмъ, недомоганіямъ. Половина, если не больше, такихъ ребятъ уходитъ на кладбище въ младенческомъ возрастѣ, добрую четверть уносятъ туда же возрастъ зрѣлости и молодая чахотка. Но тѣ немногіе, чья натура выдержитъ всѣ напасти и испытанія скверной наслѣдственности до періода совершенной зрѣлости, за тѣмъ, словно попавъ въ рай послѣ мытарствъ, становятся жилистыми здоровяками и обыкновенно живутъ, не зная, что такое болѣзнь, уже до самаго послѣдняго, призывного къ смерти, недуга. Сейчасъ, въ свои двадцать три года,

Григорій Скорлупкинъ не боится искупаться въ проруби, но въ дѣтствѣ своемъ — какихъ только болѣзней не перенесъ онъ! И корь, и вѣтряная оспа, и дифтеритъ, и скарлатина... словно горѣло что-то такое поганое въ организмъ ребенка, чему надо было выболеть и выгорѣть, чтобы сталъ онъ изъ хилаго заморыша крѣпкимъ, хотя и неказистымъ изъ себя, молодцомъ.

Очень хотѣлось Епистиміи отдать племянника въ гимназію, да не позволило здоровье, принизившее его умственныя способности надолго и настолько, что и въ городскомъ-то училищѣ онъ еле-еле тащился.

— Вы только напрасно мучите ребенка, — говорили Епистиміи доктора, — онъ сейчасъ не «не хочетъ», а «не можетъ» заниматься. Отложите на время всякія заботы объ умственномъ его развитіи, дайте ему возстановить свои физическія затраты. А за будущее не бойтесь: оправится, — станетъ такимъ смышленнымъ, что обгонитъ всѣхъ умниковъ....

Епистимія не слушалась и настаивала, чтобы Гришутка учился и учился, слезами

плакала и на голосъ выла съ нимъ вмѣстѣ надъ книжками учебными, но отъ книжекъ не отпускала. А Соломонида, недовольная нервною суматохою въ домѣ, проклинала и ее, и сына, и Евсѣя покойника, и всѣхъ, кто выдумалъ эту проклятую науку, которая не хочетъ лѣзть парню въ мозги, а — если и влѣзетъ, то парень «заучится» и станетъ навѣкъ не человѣкъ.

Не Соломонидѣ, конечно, было убѣдить Епистимію, и, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, уходила бы тетка племянника отъ большой любви къ нему, но выручилъ Симеонъ, съ которымъ теперь Епистимія встрѣтилась, послѣ его возвращенія изъ Москвы и постоянного поселенія въ городѣ, очень спокойно, почти дружелюбно, точно никогда между ними не было ничего худого.

Примѣтилъ какъ то разъ Симеонъ блѣдное сонное лицо Гришутки, мутные глаза, открытый ротъ, приглядѣлся къ вялымъ его движеніямъ, прислушался къ гнусавому лѣнивому голосу и глухому неохотному смѣху, — и сказалъ Епистиміи:

— Ты племянника, повидимому, въ

блаженненькіе готовишь? Мой тебѣ совѣтъ: бери его изъ училища. Схватить воспаление мозга — поздравляю: не покойникъ, такъ дуракъ на всю жизнь...

— Симеонъ Викторовичъ! Батюшка! Да какъ же быть то? Я покойнику Евсѣю слово дала...

— Такъ, вѣдь, не морить сына его ты слово дала, а человѣкомъ сдѣлать. Говорятъ тебѣ доктора: надо подождать, — ну, и жди...

— А куда-то, Симеонъ Викторовичъ, куда я съ нимъ? Домъ нашъ, вы знаете, — отъ сестрицы моей, Соломонида Сидоровны, въ нынѣшнемъ ея настроеніи, и умный помѣшается въ разумѣ...

— Въ мальчики отдай, — посовѣтоваль Симеонъ. — Пусть пріучится къ какому-нибудь торговому дѣлу. Головы не утомить, а тѣломъ и смекалкою разовьется. На этомъ пути тоже человѣкомъ стать очень возможно. Для мѣщанина еще лучше, чѣмъ на всякомъ другомъ. Вѣдь наши то дворянскія карьеры для него, все равно, закрыты. А захочешь образовать его, — время не ушло: взрослый и здоровый въ мѣсяць усвоить то, что больной ребен-

нокъ едва осилить въ годъ...

— Бьютъ мальчиковъ хозяева то, — тоскливо говорила Епистимія, — не кормятъ...

— А ты найди такого, чтобы не билъ и кормилъ.

И нашла Епистимія даже эту рѣдкость; но все-таки даже авторитетъ Симеона не заставилъ бы ее отказаться отъ своихъ образовательныхъ цѣлей, если бы не подоспѣло тутъ одно дѣло... такое важное дѣло, что вся дальнѣйшая жизнь имъ опредѣлилась для Епистиміи, какъ и для многихъ другихъ людей, ей близкихъ. А ввязалась она въ то дѣло и стала его душою опять-таки ради племянника своего, любимаго Гриши Скорлупкина.

По смерти стариковъ, отношенія Епистиміи къ дому Сарай-Бермятовыхъ стали какъ будто тѣснѣе, а необходимость еще нагляднѣе признавалась въ ней всѣми — отъ маленькой Зои, презлальной малютки, которую, когда она принималась ревѣть безъ слезъ на весь домъ, никто не умѣлъ унять, кромѣ Епистиміи, до распутнаго студента Модеста, который въ сумеркахъ, съ особенной охотой ложился на колѣни кудрявою головою

и повѣрялъ ей свои любовныя удачи и неудачи, мечты и бреды, сочиненные стихи и сказки.

— Люблю тебя, Епистимія Сидоровна, — говорилъ онъ ей, — настоящій ты, натуральный человѣкъ. Никакихъ въ тебѣ ложныхъ стыдовъ. Съ мужчиною-товарищемъ нельзя быть такъ откровеннымъ, какъ съ тобою. Другая бы давно притворилась, будто отъ моихъ похожденій и анекдотовъ у нея уши вянутъ. А ты будто и не женщина: слушаешь — и ничего...

— Еще и сама научу! — какъ будто и весело подхватываетъ Епистимія.

— А, конечно, научишь! — свысока смѣется Модестъ. — Великая просвѣтительница юнцовъ! Ты думаешь: я забыль уроки-то? Желаешь, — повторимъ?

— Ну, на что я вамъ, старуха! Моя пора прошла, стыжусь на себя и въ зеркало-то взглянуть... А вы лучше загляните ко мнѣ завтра вечеркомъ: я васъ съ такою штучкой познакомлю... будете за Епистимію Бога молить!

— Не черта ли, Епистимія Сидоровна?

— А ужъ это ваше дѣло, Модестъ Викторовичъ, не мое: кто вамъ ближе, тому и помогитесь.

— Срѣзала! — хохочетъ Модестъ. — Иванъ! Вѣдь срѣзала!

— Срѣзала! — повторяетъ за братомъ, уже смолоду ставшимъ эхоподобнымъ, Иванъ.

— Ахъ, Епистимія Сидоровна, и откуда только ты, такой чудакъ, зародилась?

— Зародилась я, Модестъ Викторовичъ, какъ всѣ, нѣтъ ничего особеннаго... Но вотъ, что школу я хорошую приняла... ну, это ужъ точно приняла школу!.. могу поблагодарить!

Человѣкъ, которому она и прямо, и косвенно обязана была этою школою, Симеонъ Сарай-Бермятовъ сталъ ей очень любопытенъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ оказался неожиданнымъ главою цѣлой семьи братьевъ и сестеръ, въ возрастѣ отъ шести до двадцатилѣтняго возраста... Съ изумленіемъ видѣла она, что у этого молодого эгоиста, обычно ходившаго по людямъ, какъ по полу, да еще и въ сапогахъ, подбитыхъ гвоздями, есть уголки души, въ которыхъ цвѣтутъ и долгъ, и хорошія чувства, можетъ даже

расцвѣсти жертва. Онъ не любилъ никого изъ братьевъ и сестеръ, развѣ къ одной Аглаѣ былъ благосклоннѣе, чѣмъ къ другимъ, нѣкоторыхъ же просто терпѣть не могъ, — либо презиралъ, какъ Ивана и Модеста, либо ненавидѣлъ, какъ Виктора. Но, такъ сказать, по общей фамильной совокупности, онъ оказался превосходнымъ роднымъ и надрывался всѣми своими молодыми силами, чтобы не уронить своего разореннаго рода, тянуть процентами и сдѣлками отцовскіе долги, прилично одѣвать и воспитывать сестеръ, давать средства къ образованію братьямъ. Эта неутомимая и сверхсильная работа на честь фамиліи доставила ему извѣстное уваженіе въ городѣ. Знали, что онъ не женится исключительно потому, что раньше желаетъ обезпечить сестеръ и поставить на ноги младшихъ братьевъ. Знали, что бремя, имъ принятое на себя, лишаетъ его, блестяще способнаго, возможностей крупной общественной или административной карьеры, потому что ему некогда пройти стажъ маленькихъ обязательныхъ чиновъ, — за это время, Аглая съ Зоей могли бы, если не умереть съ голоду, то,

во всякомъ случаѣ, уже не только гувернантку, но и бонну дешевенькую для нихъ нанять было бы не на что. И вотъ, вмѣсто того, чтобы шагать по лѣстницѣ чиновъ, Симеонъ Викторовичъ погребалъ свои способности на частной службѣ, потому что она давала ему семь съ половиною тысячъ въ годъ, которыхъ не могла дать казенная, и, вмѣсто того, чтобы ворочать какимъ нибудь департаментомъ, управлялъ лишь дѣлами, правда, огромными, дяди своего по матери, Ивана Львовича Лаврухина.

Этотъ старый холостякъ, богатый помѣщикъ-либераль и фрондеръ шестидесятыхъ годовъ, дошедшій къ двадцатому вѣку зажирѣвшимъ въ безразличіи, сытымъ циникомъ-хохотуномъ и довольно таки противно безпутнымъ старцемъ, откровенно хвастался, что всѣхъ людей считаетъ мерзавцами, способными рѣшительно на всякую выгодную подлость, при чемъ не исключалъ изъ этого милаго счета и себя самого.

— А самое забавное зрѣлище, — утверждалъ онъ, — это, когда подлець, подличая, не видитъ, что другой подлець его насквозь

понялъ и, въ свою очередь, ему подлость подводитъ... А онъ то старается строить зданіе на пескъ! Онъ то заметааетъ слѣды и втираетъ очки. Иные такъ усердствуютъ, что даже самихъ себя обманываютъ, и сами себѣ начинаютъ казаться порядочными людьми...

Никому не вѣрилъ и былъ убѣжденъ, что, если человѣкъ къ нему приближается, то не иначе, какъ съ цѣлью грабежа. Нанимая служащихъ, предупреждалъ:

— Жалованья вамъ кладу столько-то... ха-ха-ха!.. знаю, что мало, нельзя на это жить... ха-ха-ха!.. Но вы добывайте, добывайте... ха-ха-ха!.. Если ужъ не очень шкуру снимете, я въ большой претензіи не буду... ха-ха-ха!.. Но не зарывайтесь... ха-ха-ха!.. Я дѣла свои знаю, какъ собственную ладонь... Зарветесь, упеку подь судь... въ Сибирь... ха-ха-ха!..

И упекалъ...

Не было человѣка, котораго Иванъ Львовичъ не старался бы обратить такъ или иначе въ шута своего. И, такъ какъ былъ онъ уменъ, образованъ, смолоду даже къ профессурѣ готовился и діалектикъ былъ превосходный, то потѣха людьми давалась ему легко, а насла-

ждался ею онъ безконечно... Въ роскошномъ кабинетѣ его на письменномъ столѣ, подъ статуэтками Версальской Діаны и Венеры Милосской, лежали въ плюшевыхъ переплетахъ два толстые альбома. На одномъ была надпись — «Глупости Ивана Львовича Лаврухина», на другомъ — «Глупости моихъ знакомыхъ». Въ первомъ записей почти не было, хотя Иванъ Львовичъ самъ съ гордостью предлагалъ вписывать въ альбомъ каждому желающему все, что тотъ замѣтитъ глупаго въ его словахъ или поступкахъ. Во второй онъ собственноручно и съ наслажденіемъ вписывалъ каждый вечеръ издѣвательства надъ всѣми своими встрѣчами въ теченіе дня... Понятно, что, не смотря на любезное хозяйское приглашеніе, гости пользовались альбомомъ «Глупостей Ивана Львовича Лаврухина» неохотно и осторожно, либо вписывали туда, подъ видомъ его глупостей, тонкую или грубую, кто какъ умѣлъ, лесть... Но однажды безпардонный племянникъ Ивана Львовича, Вася Мерезовъ, накаталъ туда про дядюшку цѣлый фельетонъ, читая который старикъ такъ взбѣленился, что мѣсяца два не пускалъ

племянника къ себѣ наглаза.

Этотъ Вася Мерезовъ былъ едва-ли не единственнымъ существомъ, къ которому Иванъ Львовичъ чувствовалъ прочную привязанность. Такъ какъ между старикомъ и молодымъ племянникомъ замѣчалось большое сходство, то губернскіе злые языки увѣряли, будто Вася Мерезовъ Ивану Львовичу не только племянникъ, но и сынъ побочный. Тѣмъ обстоятельствомъ, что покойная мамаша Васи Мерезова, Зоя Львовна, приходилась Ивану Львовичу родною сестрою, злые языки нисколько не смущались. А напротивъ утверждали, будто антипатія, почти ненависть, которую Иванъ Львовичъ открыто показывалъ мужу другой своей сестры, Ольги Львовны, Виктору Андреевичу Сарай-Бермятову, и всему ихъ потомству, имѣеть подобное же происхожденіе: будто бы Иванъ Львовичъ до безумія влюбленъ былъ въ обѣихъ сестеръ своихъ и не могъ простить Сарай-Бермятову, что тотъ спасъ отъ его навязчивости старшую — красавицу Ольгу. Отъ младшей же, Зои, онъ, будто бы, добился полной взаимности, а, когда плоды таковой обо-

значались, выдалъ сестру за весьма родовитаго, но еще болѣе разореннаго и уже пожилого дворянина Мерезова, который у Ивана Львовича былъ въ долгу, какъ въ шелку.

Правду-ли, нѣтъ-ли говорили злые языки, вѣрно было одно: Васю Мерезова Иванъ Львовичъ любилъ, насколько лишь способна была его насмѣшливая натура, — племянниковъ же Сарай-Бермятовыхъ не хотѣлъ знать. Васю Мерезова считали непремѣннымъ наслѣдникомъ дяди Лаврухина, о Сарай-Бермятовыхъ говорили съ сожалѣніемъ:

— Неужели онъ даже никакихъ крохъ не бросить этимъ несчастнымъ? Такъ-таки и достанется все этому Васькѣ-шалуну?

Впрочемъ, даже и тутъ имя Васьки-шалуна произносилось съ ласковою улыбкою, потому что, при всѣхъ своихъ безпутствахъ и дурачествахъ, ужъ очень симпатиченъ уродился паренекъ: широкая великодушная натура, озаренная безграничнымъ весельемъ, доброжелательствомъ и ласкою ко всему міру...

Несмотря на антипатію Ивана Львовича къ Сарай Бермятовскому «отродью», Симеонъ Сарай-Бермятовъ оказался управляющимъ

дѣлами Лаврухина. Устроилъ ему это отецъ его университетскаго товарища Вендля, старый дисконтеръ Адольфъ Исааковичъ Вендль, одинъ изъ немногихъ людей, которыхъ Иванъ Львовичъ удостоивалъ чего-то вроде уваженія.

— За Адольфомъ Вендлемъ у меня въ альбомѣ не записано ни одной глупости, съ удивленіемъ говорилъ онъ.

И прибавлялъ со вздохомъ:

— Во всей губерніи одинъ умный человекъ, да и тотъ жидъ.

А Вендль, еще при первомъ знакомствѣ, приглашенный расписаться въ альбомѣ глупостей Ивана Львовича, не уклонился и написалъ нѣчто, но — по-еврейски, а перевести отказался. Иванъ Львовичъ сталъ втупикъ. Узнать, что написалъ Вендль, ему крѣпко хотѣлось, а знакомымъ евреямъ показать боялся: вдругъ Вендль написалъ что-нибудь такое, что сдѣлаетъ его, Лаврухина, смѣшнымъ? Наконецъ онъ ухитрился: сфотографировалъ автографъ Вендля и послалъ снимокъ въ Петербургъ къ знакомому оріенталисту, какъ будто бы текстъ, встрѣченный имъ въ руко-

писи. Переводъ пришелъ:

— Веселый мудрецъ! Если бы тебѣ удалось собрать сюда глупости даже всего міра, повѣрь: вѣсь ихъ не перетянетъ тяжесть глупости потерять время, которое ты употребишь, чтобы ихъ собрать...

Доволенъ афоризмомъ остался Лаврухинъ или нѣтъ, неизвѣстно, но тонкость того обстоятельства, что Вендль отчиталъ его на языкѣ, недоступномъ губернскому обществу, онъ оцѣнилъ весьма и сталъ относиться къ старику съ большимъ вниманіемъ.

Когда Вендль, по смерти стараго лаврухинскаго управляющаго, рекомендовалъ Ивану Львовичу пригласить новымъ Симеона Сарай-Бермятова, Лаврухинъ съ изумленіемъ воскликнулъ:

— Что я слышу? Я, кажется, долженъ записать въ альбомъ первую глупость Адольфа Вендля?

— Можете, — отвѣчалъ старикъ, — но не ранѣе, чѣмъ черезъ годъ.

Конечно, и Симеонъ прошелъ черезъ обычныя лаврухинскія глумленія, включительно до милаго предложенія — красть, но

въ мѣру... ха-ха-ха! не зарываться... иначе... ха-ха-ха! въ Сибирь упеку, хоть вы мнѣ и родня... ха-ха-ха!

— Сколько же именно я могу красть? — спокойно спросилъ Симеонъ.

Лаврухинъ этою неожиданностью былъ сбить съ позиціи, но самолюбіе не позволило спасовать.

— Мнѣ кажется, любезнѣйшій племянникъ, — ха-ха-ха! — что въ такихъ щекотливыхъ вопросахъ, — ха-ха-ха! — рѣшаетъ только своя рука владыка... ха-ха-ха!

— Нѣтъ, — еще спокойнѣе возразилъ Симеонъ, — я въ дѣловыхъ отношеніяхъ своей руки-владыки не признаю. Надо обусловить. Вы предложили мнѣ жалованье, двѣ тысячи рублей въ годъ. Этого мнѣ по бюджету моему мало. Вы такъ любезны, что предлагаете мнѣ добирать дефицитъ кражею. Я согласенъ. Такъ вотъ — сколько же вы разрѣшаете мнѣ красть?

Иванъ Львовичъ начиналъ терять почву подъ собою:

— Гмъ... — замычалъ онъ, еще не желая сдаться, — ха-ха-ха!.. оригиналомъ желаете

казаться? Гмъ... ну, если въ размѣрѣ годового жалованья? это васъ удовлетворить?

— Если жалованье будетъ больше, то да, конечно.

— Сколько же вы желаете?

— Три тысячи семьсотъ пятьдесятъ рублей.

— Что за странная сумма? Почему не четыре тысячи? почему не 3600?

— Потому, — сухо объяснилъ Симеонъ, — что я долженъ содержать четырехъ братьевъ и двухъ сестеръ. Если на каждого изъ нихъ положить въ годъ по тысячѣ, а мнѣ, какъ работнику, не грѣхъ взять себѣ и полторы, то выйдетъ...

Иванъ Львовичъ покраснѣлъ и перебилъ племянника уже безъ всякаго смѣха:

— Сосчиталь-съ: семь съ половиною тысячъ, дважды 3750 рублей... Хорошо-съ... Можете... красть въ этомъ размѣрѣ.

Съ того часа, какъ Симеонъ вошелъ въ управленіе лаврухинскими дѣлами, осѣнила его одна идея:

— Во что бы то ни стало, покорить себѣ умъ и сердце этого презрительнаго старика и

отнять его наслѣдство у Васьки Мерезова. Либо хоть добиться справедливаго раздѣла: половина ему, половина намъ.

«Намъ» скоро отпало, и онъ сталъ мечтать: — Половина ему, половина мнѣ.

Но напрасно укладывалъ онъ въ работу по лаврухинскимъ дѣламъ истинно желѣзную энергію и недюжинный талантъ, напрасно былъ безукоризненно честенъ въ отчетности, оправдывая экономіями втрое, вчетверо свою условленную «кражу», напрасно поднималъ дядины доходы, открылъ новые выгодные пути многимъ бездоходнымъ прежде статьямъ, напрасно умно и тонко угождалъ Ивану Львовичу, предупреждая его малѣйшія желанія. Не то, чтобы дядя вовсе не оцѣнилъ его стараній; но, стоило блудному сыну, Васькѣ Мерезову, явиться изъ безпутныхъ отлучекъ, въ которыхъ онъ хронически пропадалъ, къ дядѣ хотя бы лишь метеоромъ, на полчаса, и хотя бы лишь для того, чтобы вдребезги съ нимъ поругаться, — и все положеніе, которое Симеонъ считалъ уже завоеваннымъ у Ивана Львовича, рассыпалось пескомъ. Онъ чувствовалъ, что Мерезовъ про-

сто такъ вотъ и стираетъ его съ вниманія старика своею безалаберною, полупьяною рукою, точно ненужную запись съ аспидной доски. И, быть можетъ, всего досаднѣе было, что самъ то Вася нисколько о томъ не старался: ему и въ голову не приходило считать Симеона своимъ соперникомъ въ дядиной любви и капиталахъ, относился онъ къ кузену дружески, искренно сожалѣлъ, что тому такъ трудно живется, и даже неоднократно предлагалъ займы денегъ — «для кузинъ».

— Получить наслѣдство, — пожалуй, еще расщедрится великодушно, — со злобою думалъ Симеонъ, — выбросить на голодные зубы тысячъ десятокъ, другой. А ужъ что управляющимъ оставить и даже жалованья прибавить, въ томъ не сомнѣваюсь... благодѣтель! широкая натура, чортъ бы его побралъ!

Мерезовъ къ ждущему его наслѣдству относился съ безпечною челоуѣка, настолько увѣреннаго, что оно — его фатумъ, что даже какъ-то стыдно ему передъ людьми: словно онъ — незаведенные драгоценные часы, стрѣлка которыхъ дрогнетъ и двинется по циферблату только въ моментъ дядиной смер-

ти. Дядя давалъ ему много денегъ, но кредитовался Мезеровъ еще шире, потому что жизнь велъ совершенно безумную. Но въ городѣ находили это естественнымъ: еще бы! лаврухинскому наслѣднику иначе и нельзя!

Дядя зналъ всѣ похождения и скандалы своего любимца, равно, какъ и его долги, и, хотя ругался явно, но втайнѣ тоже благосклонно находилъ, что лаврухинскому наслѣднику иначе нельзя: самъ Иванъ Львовичъ не лучше чудилъ въ молодости, а если-бы не подагра, такъ и сейчасъ бы не прочь. И потому очернить Васю въ дядиныхъ глазахъ, ведя подъ него подкопъ сплетенъ, хотя бы и основательныхъ, было невозможно. Симеонъ это понялъ и не пытался. Напротивъ, чтобы нравиться дядѣ, онъ старался по возможности сблизиться съ Мезеровымъ. И, видя ихъ вмѣстѣ, даже скептическій дядя задумывался про себя:

— Да неужели пріятели? Ха-ха-ха! Вотъ будетъ штука, если Симеонка этотъ, въ самомъ дѣлѣ, порядочный человѣкъ?!

Симеона онъ смутно чувствовалъ и нѣкоторое время какъ будто боялся. Когда,

спустя годъ послѣ своей рекомендаціи, старикъ Вендль самодовольно спросилъ старика Лаврухина:

— Ну, что вы скажете за моего молодого человѣка? Будемъ мы записывать въ вашъ альбомъ первую глупость Адольфа Вендля?

Иванъ Львовичъ задумчиво, безъ хохота, отвѣтилъ:

— Нѣтъ, Адольфъ, вы оказались правы, какъ всегда. Но боюсь, что надо намъ записать большую глупость Ивана Лаврухина...

Вендль вынулъ изъ кармана платокъ и, расправляя его, внимательно смотрѣлъ на пріятеля красноватыми своими глазами-гвоздиками...

— Ужъ очень усердно экзамень держить, — пояснилъ тотъ.

Вендль стряхнулъ платокъ.

— Экзамень?

— На наслѣдника моего экзамень, — насильственно засмѣялся Лаврухинъ.

Вендль съ шумомъ высморкался.

— Ну, и что же тутъ для васъ дурного?

— А что хорошаго, Адольфъ? Ходить вокругъ тебя человѣкъ и мѣрку для гроба твоего

снимаетъ. Я въ каждомъ взглядѣ его читаю: скоро-ли ты, старый чортъ, околѣешь и оставишь мнѣ приличную часть твоихъ капиталовъ?

— Но вѣдь вы капиталовъ ему не оставите?

— Гроша не дамъ... мало-ли у меня босой родни?

Вендль спряталъ платокъ и пожалъ плечами:

— Тогда я васъ опять спрашиваю: ну, и что же тутъ для васъ дурного? Нехай!

— Нехай?

— Вамъ это нисколько не стоитъ, потому что денегъ вы ему не оставите, а молодому человѣку удовольствіе мечтать, и онъ будетъ лучше стараться.

Зашатался Иванъ Львовичъ въ креслахъ тучнымъ тѣломъ своимъ и оглушительнымъ хохотомъ огласилъ свои покои. И съ этой минуты пересталъ онъ бояться Симеона, и сталъ ему Симеонъ смѣшонъ, какъ всѣ.

Часто старики вели рчи о дѣйствительныхъ наслѣдникахъ своихъ, и тутъ уже не только Вендлю приходилось

уѣшать Ивана Львовича, но и Ивану Львовичу — Вендля. Потому что и уменъ, и талантливъ, и удачливъ, и съ характеромъ кроткимъ вышелъ его единственный горбатенькій сынокъ, и уже самостоятельно сталь на ноги и зарабатываетъ кучу денегъ адвокатурою, но пересталь онъ быть евреемъ: оторвался отъ родительскаго корня, жениться не хочеть, водится только съ самою, что ни есть, золотою молодежью и безпутничаетъ такъ, словно они съ Васею Мезеровымъ пари держали, кто кого переглупить. И страшно старому Вендлю за сына, не отшатнулся бы Левъ вовсе отъ него и отъ своего народа.

— Ну, что онъ синагогу забылъ, Богъ съ нимъ... я и самъ отъ молодыхъ костей вольнодумецъ... Но еврей долженъ быть еврей... Мы знаемъ эту скользкую тропинку: сегодня трефникъ и эпикуреецъ, а завтра — цѣлый выкрестъ...

— Потому что, Иванъ Львовичъ, онъ, мой Левъ, ужасно увлекающійся, а въ обществѣ его балуютъ. Онъ таки себѣ довольно остроуменъ и теперь сталь самый модный челоуѣкъ въ городѣ. И, такъ какъ онъ,

бѣдняжка, имѣеть неправильное сложеніе, то это его забавляетъ, что онъ, при такомъ своемъ тѣлосложеніи, можетъ быть самый модный человѣкъ. И ему подражаютъ богатые христіане, весь нашъ губернскій совѣтъ, даже князья и графы, потому что всѣ знаютъ, — Левъ Вендль — парижская штучка, ужъ если что надѣто на Львѣ Вендлѣ или принято у Льва Вендля, то это, значитъ, шикъ, самое, что теперь есть модное, послѣдній парижскій шикъ. И ему нравится, что ему подражаютъ, и, такъ какъ онъ у меня, слава Богу, живой мальчикъ и ужасно насмѣшливый, то онъ дѣлаетъ глупыя мистификаціи, за которыя его когда-нибудь изувѣчитъ какой-нибудь цапъ или убьютъ его на дуэли, какъ Лассалья. И онъ волочится за христіанскими барышнями и пишетъ имъ смѣшные стихи, а въ обществѣ нашихъ еврейскихъ дѣвицъ онъ зѣваетъ и увѣряетъ, что напрасно ихъ выводили изъ Вавилонскаго плѣна. А христіанскія дѣвицы знаютъ, что онъ богатъ и будетъ еще богаче, когда я умру, и онъ его зовутъ — «нашъ губернскій Гейне», и вы увидите, Иванъ Львовичъ: котораянибудь его влюбитъ въ се-

бя, а какъ влюбить, то и выкрестить, а какъ выкрестить, то и женить, а, какъ женить, то и заведетъ себѣ любовника съ настоящимъ ростомъ и прямою спиною, а моего горбатаго Лейбочку оставить безъ роду, безъ племени. И онъ все шутить собою, все шутить, шутить. Въ прошломъ году онъ увезъ изъ оперетки примадонну, которая годами вдвое старше моей покойницы Леи, его матери, и толще колоннъ Соломонова храма. Ну, я васъ спрашиваю: на что задалась молодому человѣку одна такая археологическая колонна? И онъ ѣздилъ съ нею въ какую-то Исландію и влѣзалъ на какую-то Геклу, и я долженъ былъ переводить ему деньги въ города, названія которыхъ отказывается выговорить честный человѣческой языкъ. Я не знаю, кто тамъ живетъ, въ ихъ Исландіи, можетъ быть, медвѣди, можетъ быть, обезьяны, но знаю, что ни одинъ разумный еврей не поѣдетъ вдругъ вотъ такъ себѣ, ни за чѣмъ, въ какую-то Исландію. А Левъ мой ѣздилъ и возилъ съ собою примадонну, которая старше всякой Исландіи и толще Геклы. И все это удовольствіе стоило ему двадцать двѣ тысячи

триста шестьдесятъ два рубля, какъ одну копейку. А? Хорошо? И вы думаете: ему жаль? Нѣтъ, онъ хохочетъ, что въ этомъ году еще два дурака уже потащились за нимъ, въ его Исландію: губернаторшинъ племянникъ и городского головы сынъ, и оба тоже взяли съ собою по примадоннѣ... Ну, скажите мнѣ, пожалуйста, Иванъ Львовичъ: есть ли въ этомъ человѣческой смѣхъ, и чѣмъ себя забавляетъ это еврейское дитя?!

IX

Въ одинъ печальный день мѣстныхъ газеты огласили траурное объявленіе о скоропостижной кончинѣ Адольфа Исааковича Вендля. Смерть пріятеля поразила Лаврухина страшно. Повліяла она и на Симеона, только иначе. На глазахъ его свершилось какъ разъ то, о чемъ онъ мечталъ, только — не по его адресу. Его университетскій товарищъ и близкій пріятель, Левъ Адольфовичъ Вендль, получилъ въ наслѣдство отъ отца громадное богатство. И зрѣлище этого «счастья», которое оказалось такъ возможно и близко, наполнило его мысли новою завистью и новою

рѣшимостью.

Вскорѣ послѣ смерти стараго Вендля старику Лаврухинѣ сказалъ Симеону:

— Переѣзжай-ка, братъ, ко мнѣ на житье, а то въ домѣ у меня Сахара какая-то... однѣ лакейскія рожи... скучаю... еще зарѣжутъ... ха-ха-ха! боюсь...

— Вася же всегда при васъ, — осторожно возразилъ Сарай-Бермятовъ, котораго это предложеніе и обрадовало, и смутило, какъ шагъ, быстро приближающій къ задуманному завоеванію.

Старикъ нахмурился и сказалъ:

— Васька — онагръ, а не человекъ... Рыцетъ, да свицетъ... Вотъ уже десять дней, что я его не вижу, потому что онъ теноромъ въ цыганскій хоръ опредѣлился и необыкновенно серьезно относится къ своимъ служебнымъ обязанностямъ... А мнѣ, старику, не съ кѣмъ словомъ обмѣняться... Да и по дѣламъ моимъ необходимо имѣть тебя ближе... Пожалуйста, переѣзжай... А то и дружба врозь...

Симеонъ исполнилъ желаніе старика. Сестеръ и меньшихъ братьевъ онъ устроилъ на житье въ учительскіе пансіоны, Модестъ бы-

ль уже студентъ, Иванъ выходилъ въ офицеры. Старый Сарай-Бермятовскій домъ заколотили, а ключъ къ нему и надзоръ за нимъ получила любезновѣрная Епистимія.

Она въ это время стала относиться къ Сарай-Бермятовымъ не только напоказъ, но и въ самомъ дѣлѣ много мягче, чѣмъ раньше. Подкупало ее то участливое вниманіе, съ которымъ относился къ ея Гришуткѣ ровесникъ его, подростающій Матвѣй, и ровный, мягкій характеръ, вырабатывавшійся у старшей изъ дѣвочекъ, Аглаи.

— Что-й-то, право? — изумлялась она, неизмѣнно встрѣчая со стороны дѣвочки кроткую ласку, отзывчивую сердечность. — Словно и не Сарай-Бермятовская кровь... И на Лаврухиныхъ не похожа... Тѣ всѣ злыдни, шпыни, коршунники... вонъ — Зойка въ ихъ родѣ удалась... А Аглаюшка... ужъ не согрѣшила-ли часомъ покойница Ольга Львовна съ какимъ-нибудь хорошимъ человѣкомъ?

Повліяло на нее и зрѣлище той энергіи, съ которою Симеонъ боролся съ бѣдностью, и ставилъ на ноги осиротѣвшую семью. Любовь

къ нему давно угасла въ ея сердцѣ, только злая тяжесть осталась отъ нея. Но тяжести было много и носить ее было трудно. И все, что могло облегчить и уменьшить эту тяжесть, было пріятно и принималось съ благодарностью. А въ числѣ такого было немало-важно сознаніе, что, хоть и растоптана ея молодость Симеономъ, да все же не вовсе безсердечному подлецу она себя подъ ноги кинула: вонъ какой вышелъ изъ него работникъ и дому старатель... Простить она ему ничего не простила и при случаѣ сосчитаться была не прочь, но той настойчивой ярости, въ которой раньше кипѣли и смѣшивались въ ней отчаянія отвергнутой, но не умершей любви, и безсильной ненависти, уже не было; ее смѣнило не столько враждебное, сколько равнодушное и немножко злорадное любопытство: какъ Симеонъ вертится и выкручивается, — а, ну! «вывернись, попъ будешь!»

Къ тому же видѣла она, злорадно видѣла, что въ борьбѣ своей Симеонъ страшно одинокъ. Онъ былъ изъ тѣхъ благодѣтелей семьи, отъ которыхъ благодѣянія принимаютъ, но благодарности за нихъ не чувствуютъ, и все,

что они ни дѣлають для другихъ, вызываетъ въ этихъ послѣднихъ скорѣе досаду какую-то, удивленіе и скрытую насмѣшку. Семья, для которой тянулся онъ изъ послѣднихъ силъ, рѣшительно не любила старшаго брата. И больше всего тѣ, кто чувствовалъ себя наиболее на него похожимъ: Модестъ, котораго коньякъ и ранній развратъ, быстро разлагали въ совершеннѣйшую и небезопасную дрянь; и волченокъ Викторъ, наоборотъ, съ четырнадцатилѣтняго возраста заковавшійся въ суровый аскетизмъ, неутомимый читатель серьезныхъ книгъ и мучитель напуганной фантазій гимназическихъ директоровъ и инспекторовъ, потому что изъ трехъ гимназій его удаляли за организацію кружковъ саморазвитія, которые до тѣхъ поръ принимались за кружки политической пропаганды, покуда, съ досады на придирки, въ самомъ дѣлѣ, ими не стали... Этотъ мальчикъ, одинъ изъ всей семьи, почти ничего не стоилъ Симеону и раньше всѣхъ ушелъ изъ семьи, пробивая себѣ одиночную, суровую дорогу въ жизнь грошевыми уроками, перепискою, корректурую...

Глухое презрѣніе, которое Симеонъ чувствовалъ въ отношеніи семейныхъ къ труду своему, волновало его жестоко.

— Точно я имъ щепки даю, а не деньги, потомъ и кровью добытыя! — жаловался онъ другу своему Епистиміи Сидоровнѣ, запираясь съ нею для совѣтовъ, совершенно какъ запирался покойный отецъ.

Мало-по-малу онъ потерялъ терпѣніе, озлобился, начались столкновенія, крики въ домѣ, ссоры... Въ представленіи братьевъ и сестеръ, Симеонъ пересталъ быть братомъ Симеономъ, а превратился въ полу-комическую, полу-страшную фигуру «отче Симеонтія»... Когда онъ объявилъ о временномъ распадѣ семьи и о своемъ переѣздѣ къ Лаврухину, никто не огорчился, а многіе неприлично обрадовались. Съ своей стороны Симеонъ, разставаясь съ братьями и сестрами, думалъ крѣпкую думу:

— Я далъ слово покойницѣ-матери не покинуть ихъ и вывести въ люди. И выведу, слово Симеона Сарай Бермятова крѣпко. Но я достаточно знаю васъ, каковы всѣ вы, голубчики! И, если сбудутся планы мои, вы въ ни-

хъ не участники. Не мы будемъ богаты, а я буду богатъ.

Итакъ, разсыпались Сарай-Бермятовы по чужимъ семьямъ. Ушла искать пріюта въ какой-нибудь новой семьѣ и послѣдняя гувернантка Аглаи и Зои, красавица Эмилія Панталыкина, весьма облегчавшая Симеону его холостой быть. Сперва задумался было Симеонъ, не устроить-ли ее вмѣстѣ съ собою при старикъ Лаврухинъ, въ качествѣ лектриссы, что-ли, или переписчицы. Но струсилъ:

— Нѣтъ, слишкомъ хороша и умна. И жадная. Это — вводить волка въ овчарню. Если она захочетъ, то — не успѣемъ оглянуться, какъ старикъ окажется у ея ногъ. И тогда капиталовъ его не удастся понюхать не только мнѣ, но даже и самому оберъ-любимчику, Васенькѣ Мерезову.

Вотъ когда Иванъ Львовичъ Лаврухинъ, если-бы зналъ разсужденіе Симеона, могъ бы записать въ альбомъ свой, что Симеонъ сдѣлалъ большую глупость. Эмилія крѣпко любила его, вдесятеро больше, чѣмъ сдержанная натура ея показывала, и была бы любов-

нику своему вѣрною союзницею. Но основною чертою характера Симеона было глубокое, подозрительное недовѣріе ко всѣмъ, кто его любилъ. Онъ почему-то рѣшилъ однажды навсегда, что его нельзя любить искренно, и потому съ тѣми, съ которыми сблизался, бывалъ насмѣшливъ, жестокъ, коваренъ, презрителенъ — не хуже байроническаго героя какого-нибудь, свысока издѣвающагося надъ людьми. Нѣкоторое исключеніе онъ дѣлалъ для Епистиміи, слишкомъ наглядно доказавшей ему свою преданность. Да, кромѣ того, онъ считалъ ее, съ барскаго высока, — достаточно, можетъ быть, даже необычайно смышленною для той низменной среды, изъ которой она происходила и въ которой вращалась, но между умомъ этой среды и своимъ дворянскимъ интеллектомъ онъ предполагалъ разную породу и стѣну непроходимую.

Иванъ Львовичъ началъ часто хворать. Подагра гуляла по его тучному тѣлу и, въ дни ея, старикъ становился невыносимъ настолько, что даже самъ сознавалъ это. Злость свою срывалъ на Симеонѣ, глумился, шутовалъ. Унижалъ племянника всячески. Открыто,

при людяхъ, говорилъ ему, что видитъ его насквозь, какъ онъ за наслѣдствомъ охотится, да шишь получить. Это былъ единственный разъ, когда нервы Симеона не выдержали, и онъ крѣпко отчиталъ дядю.

— Если подобная шутка повторится, — твердо сказалъ онъ, — то мы должны будемъ разстаться, при всемъ моемъ уваженіи къ вамъ и желаніи быть вамъ полезнымъ.

Сконфуженный старикъ просилъ извиненія. И онъ самъ, и Симеонъ отлично знали, что разстаться сейчасъ невозможно, и они должны другъ друга терпѣть, какъ бы ни было трудно обоимъ. Одолѣваемый немощами, обезножившій Иванъ Львовичъ почти былъ лишенъ возможности вступаться въ свои дѣла, а Симеона онъ, считавшій всѣхъ людей ворами, мошенниками и подлецами, все-таки, обучился считать воромъ, мошенникомъ и подлецомъ въ нѣсколько меньшей степени, чѣмъ остальныхъ своихъ ближнихъ.

Холостякъ и большой циникъ по женской части, Иванъ Львовичъ смолоду отдалъ усерднѣйшую дань наукъ страсти нѣжной, обращая ее, по увѣренію губернской сплетни,

даже на родныхъ сестеръ. Но, чѣмъ становился онъ старше, тѣмъ дальше отходилъ отъ сложныхъ романическихъ интригъ и приключеній, тѣмъ больше укрощалъ свою «проблему пола» и свелъ ее на конецъ къ тому откровенному разрѣшенію, что въ домѣ его всегда жила очередная сожительница по вольному найму и договору — до первой провинности, а тамъ паспортъ въ зубы, деньги за два мѣсяца впередъ — на, подавись! и маршъ!

— Я, — говорилъ Иванъ Львовичъ, — въ этомъ случаѣ поклонникъ и подражатель великаго нашего композитора Михаила Ивановича Глинки: кому нужна жена, кому любовница, а мнѣ, старику, по немощамъ моимъ, требуется нянюшка... ха-ха-ха... нянюшка!

Нянюшекъ этихъ, на глазахъ Симеона, Иванъ Львовичъ смѣнилъ великое множество. Одинъ годъ былъ такой неудачный, что, по своей системѣ выдавать увольняемымъ вознагражденіе за два мѣсяца впередъ, Лаврухинъ сосчиталъ, что жилъ онъ въ году этомъ двѣнадцать мѣсяцевъ, а непрерывно мѣнявшимся «нянюшкамъ» оплатилъ сорокъ восемь. Это привело его въ негодованіе, осо-

бенно послѣ того, какъ послѣдняя нянюшка, изъ нѣмокъ, украла у него дорогой старинный хронометръ,

— Нѣтъ ли хоть у тебя, Симеонъ, — жаловался онъ, — такой на примѣтъ, чтобы была не вовсе дура и можно было бы положиться, оставшись съ нею вдвоемъ, что она не впустишь любовника — перерѣзать мнѣ горло и взломать несгораемый шкафъ?

Симеонъ усмѣхнулся.

— А это тоже входитъ въ мои обязанности? — сказалъ онъ.

— Ну, для дяди то...

— Пожалуй, есть, — подумавъ, протяжно молвилъ Симеонъ. — Только ужъ не первой молодости и свѣжести. А то и человѣкъ надежный, и женщина занимательная, и даже, какъ товарищъ скуки, не ударить въ грязь лицомъ, — можетъ и поговорить интересно, и почитать вслухъ, и въ пикетъ отлично играетъ, и въ шахматы, и, когда вамъ нездоровится, припарки сдѣлаетъ, и первую помощь подастъ... Но повторяю: немолода и уже порядкомъ увяла.

— Однако, не вовсе рожа? — хладнокровно

вопросилъ Лаврухинъ.

— Напротивъ!.. Иконописна нѣсколько, но...

— Это ничего... ха-ха-ха!.. это я даже люблю, чтобы — подъ византійское письмо...

— Въ такомъ случаѣ, найдете ее весьма привлекательною... глаза даже рѣдкой красоты...

— Другъ мой, — воскликнулъ старый циникъ, — тогда я ничего лучшаго и не желаю: это даже роскошь. Ибо я преслѣдую цѣли не эстетики, но физиологіи... Я вѣдь, слава Богу, русскій человекъ, милый мой Симеонъ. А слыхалъ ты выразительную русскую поговорку о рожѣ, которую можно фартукомъ прикрыть? Это, братъ, эстетическая квинтъ-эссенція истинно-русскаго любовнаго романа...

И вотъ... — Епистимія въ «нянюшкахъ» при старомъ, больномъ, рѣшительно, хотя и медленно, пошедшемъ къ могилѣ, Иванъ Львовичъ Лаврухинъ. Ради этого она должна была разстаться съ Гришуткою и, такъ какъ не хотѣла довѣрить его Соломонидѣ, то, въ самомъ дѣлѣ, предпочла отдать въ мальчики

знакомымъ купцамъ, хорошимъ людямъ.

— Ну, Епистимія, — думала она въ первые дни, когда убѣдилась, что успѣла заслужить совершенное благоволеніе Ивана Львовича, — теперь только не зѣвать, будетъ богатъ Гришутка... Это не у Сарай-Бермятовыхъ — по мелочамъ... тутъ, при умѣ, сотнями и тысячами пахнетъ...

Шли недѣли, мѣсяцы, потомъ пошли годы. Иванъ Львовичъ день ото дня становился капризнѣе, требовательнѣе, сердитѣе, а «нянюшка» не мѣнялась. Ровная, спокойная, безгнѣвная, всегда тактичная, Епистимія — и черезъ пять лѣтъ послѣ того, какъ вошла въ лаврухинскія палаты, — не сдѣлалась хоть сколько-нибудь фамиллярнѣе со старикомъ, а преданность и безкорыстіе свое доказала ему въ столькихъ выразительныхъ случаяхъ, что еще разъ поколебался дряхлѣющій скептикъ:

— Кой чортъ? Неужели я доживу до такого чуда, что на старости лѣтъ буду окруженъ порядочными людьми? Сперва Симеонъ, потомъ эта...

Симеонъ долго приглядывался къ Епистиміи, покуда ввелъ ее въ свой планъ.

Онъ былъ простъ и даже формально — до известной своей ступени — не преступень. Такъ какъ Иванъ Львовичъ, дряхлѣя, приобрѣлъ страсть, вѣрнѣе, болѣзнь многихъ стариковъ писать завѣщанія, то увеличивая, то уменьшая суммы, которыя онъ назначалъ Васѣ Мерезову, глядя по тому, какъ былъ имъ доволенъ, а остатокъ назначая на разныя просвѣтительныя и благотворительныя учрежденія, то надо было добиться того, чтобы однажды какое нибудь изъ завѣщаній этихъ онъ подписалъ въ пользу Симеона Сарай-Бермятова, а затѣмъ постараться, чтобы новыхъ завѣщаній уже не было, и это осталось послѣднимъ. Вотъ — какъ этого то достигъ, чтобы послѣ завѣщанія въ пользу Симеона Иванъ Львовичъ не сдѣлалъ новаго, которымъ бы отмѣнилъ то, — и было самымъ мудреннымъ. И это Симеону казалось даже невозможнымъ безъ преступленія. И, съ непріятнымъ содроганіемъ внутри себя, чувствуя себя почти маниакомъ охватившей его идеи, Симеонъ боялся сознаться самому себѣ, что, въ случаѣ надобности, онъ готовъ и на преступленіе. Что же касается Епистиміи,

она, съ тою рѣшительною легкостью, которая такъ свойственна женщинамъ большого характера одинаково на путяхъ подвига и злодѣйствъ, давно уже приняла за необходимость, что придется ей, рано или поздно, въ Симеоновыхъ и Гришуткиныхъ интересахъ, попоить Ивана Львовича чѣмъ нибудь такимъ, что прекратило бы навѣкъ его завѣщательныя вдохновенія, остроуміе и самыя дни. Въ случаѣ успѣха интриги, Симеонъ обѣщаль Епистиміи выплатить десять тысячъ рублей. Это ее втайнѣ обидѣло: безъ награды и большой она, конечно, не надѣялась остаться, но ей хотѣлось, чтобы Симеонъ понималъ, что она для него не изъ за денегъ старается, и удостоилъ бы, съ уступкою своей барской спеси, быть съ нею въ ровныхъ товарищахъ, а не видѣть въ ней только продажную — за корысть, нанятую деньгами, слугу. Однако, не подавъ вида неудовольствія, она, съ насмѣшливою заднею цѣлью, спросила Симеона:

— Вы мнѣ это и на бумагѣ напишете?

Симеонъ посмотрѣлъ проницательно и сложилъ пальцы правой руки въ выразитель-

ную фигу.

— Я, любезнѣйшая моя, не дуракъ и въ Сибири гнить отнюдь не желаю.

Большою бы глупостью имѣлъ право записать, кабы зналъ, Иванъ Львовичъ эту фразу Симеона Сарай-Бермятова о Сибири и дорого заплатилъ Симеонъ въ послѣдствіи за фигу свою. Потому что, вмѣсто друга и союзницы, снова воскресилъ онъ въ Епистиміи оскорбленную женщину и тайнаго врага.

Подумала Епистимія:

— А для чего я буду стараться въ пользу этого Симеона? Поработаю-ка я лучше сама на свой коштъ. А его — чѣмъ я ему теперь помогаю — заставлю-ка лучше мнѣ помогать...

И стала строить новую, свою собственную сѣть, тонкую, смѣлую, дальновидную, въ которой мало по малу завязли и Иванъ Львовичъ, и Вася Мерезовъ. и Симеонъ, и всѣ Сарай-Бермятовы.

А Симеону казалось, что Епистимія слушается только его и работаетъ только на него.

Вести интригу противъ Васи Мерезова Симеону съ Епистиміей было легко: Вася небрежностью своей къ старику дядѣ самъ да-

валь имъ оружіе въ руки. Но Епистимія никогда не выступала предъ Иваномъ Львовичемъ обвинительницею Васи: напротивъ, защищала его отъ слуховъ и сплетенъ съ такою энергіей, что казалась даже въ него влюбленною...

— Ну, еще бы! — дразнилъ ее старикъ, втайнѣ довольный, что предъ нимъ оправдываютъ его любимца, — Васька бабникъ... Конечно, за него всѣ бабы горой.

Съ Симеономъ Епистимія была преднамѣренно и условленно холодна, почти враждебна. Когда Иванъ Львовичъ спрашивалъ ее о причинахъ, она откровенно рассказала, что значилъ въ ея жизни Симеонъ. Открыть, что Симеонъ и Епистимія тайные враги, между которыми не можетъ быть заговора, было пріятно подозрительному старику.

А Вася Мерезовъ, тѣмъ временемъ, увлекался безъ ума, безъ памяти новою губернской красавицею, Эмилией Ѳедоровной Вельсь. Бывшая гувернантка дѣвочекъ Сарай-Бермятовыхъ и любовница Симеона, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ авантюръ и сомнительнаго образа жизни въ Петербургъ и за-границу

цею, вдругъ явилась на родину, въ качествѣ «помпадурши» вновь назначеннаго генераль-губернатора, куртизанкою столь высокаго полета и тона, что провинція рты поразинула, а молодежь поголовно влюбилась, — Вася же Мерезовъ больше всѣхъ... А красавица надменно говорила, что скучнѣе города не знавала, — одинъ на весь городъ шикарный человекъ — Вендль, да и тотъ горбунъ... Вася Мерезовъ изъ кожи вонъ лѣзъ, чтобы доказать Эмилиі Ѳедоровнѣ, что онъ тоже чрезвычайно шикарный человекъ, но красавица убѣждалась что то туго... Траты Вася сталъ позволять себѣ такія, что даже Иванъ Львовичъ сталъ морщиться, а ужъ имени Эмилиі Ѳедоровны, ради которой творились всѣ эти безумства, онъ слышать не могъ безъ пѣны у рта...

И вотъ пришла ему въ голову идея: впервые въ жизни пугнуть любимаго Васю серьезно — безъ обычнаго шума и крика, кончающихся примиреніемъ, съ тѣмъ, чтобы завтра все началось сызнова по старому. Онъ призывалъ Васю и спокойно объяснилъ ему, что усталъ терпѣть, и что Васѣ недурно бы пом-

нить: не монополисть онъ какой нибудь по чаемому наслѣдству, есть у Ивана Львовича племянники и помимо его.

Вася немножко призадумался, но очень мало: въ головѣ у него звучала первая ласковая фраза, вчера сказанная ему Эмилией Ѳедоровной:

— На дняхъ я ѣду за границу... одна... хотите быть моимъ спутникомъ?

Хотѣлъ ли онъ! Съ того времени, какъ услышалъ, онъ только и дѣлалъ, что ломалъ голову, гдѣ найти ему денегъ на этотъ соблазнительный вояжъ...

Разсѣянно выслушалъ онъ дядины нотации, промурлыкалъ что то о непремѣнномъ намѣреніи исправиться, а самъ поскакалъ къ Вендлю — разживаться прогонами.

— Послушай, — сказалъ ему Вендль, — я дамъ тебѣ денегъ, мнѣ для тебя не жаль... Но, Вася, ты играешь въ опасную игру... Вчера у меня былъ Симеонъ Сарай-Бермятовъ... Ты знаешь, какой онъ благородный человѣкъ... Ну, и онъ въ страшномъ смущеніи... Говорить, будто Иванъ Львовичъ такъ золь на

тебя за Эмилию, что грозить лишить тебя наследства и отдать все ему. И это страшно его испугало и взволновало, такъ какъ спорить съ бѣшеннымъ старикомъ онъ не можетъ: того, при каждомъ противорѣчїи, того гляди, кандрашка хватить, — а, между тѣмъ, при вашихъ хорошихъ отношенїяхъ, ему въ высшей степени неприятно...

— А чортъ съ нимъ! — съ безпечностью возразилъ Мезеровъ, — лишитъ, такъ лишитъ... Прокачусь съ Эмилией въ Парижъ и по озерамъ... Это — одинъ разъ въ жизни, а жизнь, братъ Вендль, не велика.

— А капиталъ?

— Выиграю въ Монтекарло.

— Ахъ, Васька! Васька!

— Вендль, милый! Знаешь ли ты, какой я человекъ? Мою душу надо понимать.

— Быть тебѣ на мостовой, Вася.

— Ну — въ актеры пойду, ну — въ акробаты, таперомъ въ публичный домъ... Или у меня талантовъ нѣтъ?... Да вретъ старикъ: не лишитъ...

И на той же недѣль поѣздъ на Варшаву умчалъ его въ Берлинъ, гдѣ онъ долженъ бы-

ль встрѣтиться съ Эмилией...

Иванъ Львовичъ серьезно взбѣсился. Сто-ряча онъ, дѣйствительно, призвалъ нотариуса и составилъ завѣщаніе, по которому все свое состояніе отдавалъ племяннику Симеону Викторовичу Сарай-Бермятову, мелкія суммы его братьямъ и сестрамъ, а Васъ Мерезову — всего лишь 25.000 р. деньгами и кое какія завѣтныя родовыя вещи. Тщетно отговаривала его Епистимія отъ этого шага. Разсвирепѣвшій старикъ ничего не хотѣлъ слышать и разлютовался до страшнаго припадка грудной жабы, послѣдствія котораго уложили его въ постель на цѣлыя три недѣли. Когда онъ оправился, Епистимія очень рѣшительно и смѣло заговорила со старикомъ, что онъ слишкомъ жестоко обидѣлъ Васю, и такъ нельзя...

— Ты глупа, — отвѣтилъ Иванъ Львовичъ, — я хотѣлъ ему только острастку дать... Конечно, все его будетъ... Неужели ты вообразила, что это серьезно?

— Нѣтъ, извините, не глупа, — смѣло возразила Епистимія. — Вы человекъ немолодой, здоровье ваше слабое. Вотъ вы, черезъ

острастку свою, едва живы остались. Докторъ говорить: если бы припадокъ чуточку посильнѣе, и былъ бы конецъ. И тогда осталась бы духовная ваша въ пользу Симеона Викторовича послѣднею дѣйствительною, и получилъ бы Симеонъ Викторовичъ нежданно-негаданно всѣ ваши капиталы, а Васъ пришлось бы, съ долгами, кое-какъ расплатившись, опредѣлиться въ писаря или околодочные какіе нибудь... Вотъ чѣмъ грозятъ острастки то ваши.

Старикъ нашель, что Епистимія права, и хотѣлъ тотчасъ же исправить ошибку, старое завѣщаніе уничтожить, а новое написать опять въ пользу Мерезова. Но Епистимія возстала и противъ этого плана. Она говорила, что Симеонъ не изъ тѣхъ людей, которыми можно такъ швыряться: сегодня ты богачъ, завтра — нищій. Онъ золь, гордъ, мстительнень, игрушкою быть не захочеть, роль пугала не приметъ, оскорбленія не простить. А отомстить у него средствъ въ рукахъ много: мало того, что онъ умышленно можетъ нанести Ивану Львовичу страшные убытки по управляемымъ имъ дѣламъ, но — просто —

уже одинъ уходъ его сейчасъ отъ дѣлъ вызоветъ въ нихъ жестокую путаницу и обойдется во многія тысячи.

— Вольно же вамъ было довѣриться такому чорту, прости Господи!

Иванъ Львовичъ сильно растерялся. Васю обидѣть — и стыдъ, и грѣхъ, и жаль. Симеона обидѣть — не шутъ же онъ, въ самомъ дѣлѣ, чтобы надъ нимъ ломаться, какъ надъ опереточнымъ халифомъ на часъ... вполнѣ правъ будетъ оскорбиться и мстить. А отомстить — вѣрно — есть чѣмъ...

— Какъ же, по твоему, намъ теперь быть то? — впервые зашамкалъ онъ, въ волненіи, омертвѣлыми губами, выдавая, какой онъ дряхлый старикъ.

— Ой! что вы! какая я вамъ совѣтница! У меня умъ бабій: комаръ мозгу на носу принесъ, по дорогѣ половину растресъ...

Но, такъ какъ Иванъ Львовичъ настаивалъ, то высказалась, что она бы стараго завѣщанія не уничтожила: пусть Симеонъ Викторовичъ думаетъ, что онъ наслѣдникъ, — и не злобится, но старается, а на Васеньку, дѣйствительно, будетъ хоть ка-

кая нибудь острастка. Но, такъ какъ въ животѣ и смерти Богъ воленъ, то, на случай внезапной кончины своей, Иванъ Львовичъ долженъ составить новое завѣщаніе, но тайно — такъ, чтобы о немъ не знали ни Вася Мерезовъ, ни Симеонъ Сарай-Бермятовъ, и поручить его на храненіе нотаріусу, въ банкъ, либо вообще вѣрному человѣку...

Иванъ Львовичъ замоталъ головою и рѣшительно сказалъ:

— Тебѣ. Держи у себя, а послѣ смерти моей передашь Василию... Пусть знаетъ, какая онъ противъ меня, старика, былъ свинья.

Самое трудное теперь было составить завѣщаніе, — такъ какъ предшествующее было нотаріальнымъ, то и это, его отмѣняющее, должно было быть нотаріальнымъ же, — въ секретѣ отъ Симеона. Для этого старикъ Лаврухинъ услалъ Симеона въ Казань продавать принадлежавшій ему домъ. А когда Симеонъ возвратился, у Епистиміи въ сундукѣ лежалъ документъ, по которому Лаврухинскіе капиталы опять переходили главною своею массою къ Васѣ Мерезову; ему же, Симеону Сарай-Бермятову, въ

вознагражденіе понесенныхъ имъ трудовъ, Иванъ Львовичъ завѣщаль пожизненную пенсію въ 3750 р. въ годъ. Самой Епистиміи Иванъ Львовичъ записаль не весьма щедро — всего тысячу рублей единовременно. Ей было все равно, — хоть и ничего не оставляй: сознательно отдавая въ ея руки документъ, Иванъ Львовичъ безсознательно отдалъ въ ея же руки и судьбу обоихъ своихъ наслѣдниковъ — и Василія, и Симеона.

— Оба вы тутъ подо мною, мои голубчики, — думала она, посиживая худымъ, костлявымъ тѣломъ своимъ на крышкѣ сундука. Чѣмъ хочу, тѣмъ обоихъ и оберну.

А Вася Мерезовъ все метался за границею по слѣдамъ своей обольстительницы. И не было о немъ ни слуха, ни духа.

А, три мѣсяца спустя, по написаніи того завѣщанія, которое лежало теперь подъ крышкою Епистимьина сундука, въ ночь съ 31 августа на 1 сентября, вторичный припадокъ грудной жабы задушилъ Ивана Львовича Лаврухина. И, такъ какъ отмѣняющее завѣщаніе осталось спокойно лежать подъ крышкою Епистимьина сундука, то Симеонъ

Викторовичъ Сарай-Бермятовъ сдѣлался капиталистомъ, а передъ Васею Мерезовымъ насмѣшливо осклабила ротъ свой нетерпѣливо поджидавшая нищета.

Не сразу, все-таки, дались Симеону Викторовичу лаврухинскіе капиталы. Если самъ Мерезовъ оказался достаточно безпечнымъ, чтобы затѣять процессъ, то нашлось довольно-много число бѣдныхъ родственниковъ, къ тому охочихъ, въ расчетъ не столько его выиграть, сколько сорвать отступного. Но не на такового напали. Въ тяжкихъ усиліяхъ завоевавъ свое достояніе, суровый побѣдитель держался, будто когтями желѣзными, за каждую копейку. По смерти дяди, онъ, до разрѣшенія всѣхъ споровъ по наследственному имуществу, переѣхалъ изъ Лаврухинскихъ палатъ въ старый Сарай-Бермятовскій домъ. Созвалъ на жительство братьевъ и сестеръ, которые, за время его похода за золотымъ руномъ, успѣли всѣ вырости въ взрослыхъ людей, — одна Зоя еще оставалась на положеніи подростка. И тогда-то сложился тотъ бытъ, который въ домъ Сарай-Бермятовыхъ застало начало этой повѣсти.

Претензій противъ Симеона выставлено было множество, — даже Вася Мерезовъ не устоялъ противъ соблазна атаковать его черезъ какого-то болѣе веселаго, чѣмъ толковаго, адвоката. Но кончались эти претензіи безъ процессовъ, встрѣчаясь съ опредѣленнымъ правомъ наслѣдователя, уничтожавшимъ всякую спорность. Такъ прошло полтора года до того дня, когда Вендль поздравилъ «Симеона Побѣдителя» съ счастливымъ окончаніемъ всѣхъ хлопотъ, и Симеонъ гордо принялъ поздравленіе.

Что такое человѣческая молва?

Ни одна душа въ городѣ, кромѣ Епистиміи, не знала объ исчезнувшемъ завѣщаніи. Подписавшіеся сѣрые свидѣтели усланы были ею чуть не за тридевять земель, одинъ жилъ въ Керчи, другой въ Архангельскѣ, да, по темнотѣ своей, даже и не подозрѣвали важности документа, подъ которымъ заставили ихъ расписаться тетенька Епистимія и хорошо оплаченный нотариусъ. Послѣдній рѣшительно не видѣлъ ничего незаконнаго въ совершающемся актѣ, а потому и легко уважилъ просьбу самого же Лаврухина, что-

бы не посвящать въ тайну его и свидѣтелей. Онъ такъ отбарабанилъ имъ текстъ завѣщанія, что простаки, подѣ словеснымъ горохомъ этимъ, только хлопали глазами, пока не услышали протяжно-повелительнаго:

— Распишите-есь...

И, тѣмъ не менѣе, молва о томъ, что было завѣщаніе въ пользу Мезезова, да исчезло, упорно плыла по городу. И особенно усердно поплыла она, когда досужіе умы и злые языки открыли фактъ, что кончина Ивана Львовича Лаврухина въ ночь съ 31 августа на первое сентября почти совпала съ пожаромъ, до тла опустошившимъ одну изъ нотаріальныхъ конторъ, пользовавшуюся незавидною репутаціею; а самъ нотаріусъ, игравшій тѣмъ временемъ въ клубѣ въ карты, будучи извѣщенъ о пожарѣ, чѣмъ бы спѣшить домой, пошелъ въ уборную и пустилъ себѣ пулю въ високъ. Увѣряли, будто извѣстіе объ этомъ пожарѣ и самоубійствѣ и вызвало у Ивана Львовича тотъ припадокъ, который свелъ его въ могилу. Слѣдствіе по дѣлу о пожарѣ у нотаріуса и самовольной его смерти хорошо выяснило, что причиною были растраты

крупныхъ ввѣренныхъ суммъ и мошенничества по документамъ одного изъ мѣстныхъ банковъ. Но молва упряма. Безъ всякихъ данныхъ и доказательствъ твердила она, прозорливая, наобумъ, что все это, можетъ быть, и такъ, но при чемъ то тутъ и покойный Лаврухинъ, и неожиданная его милость къ Симеону Сарай-Бермятову, и поправленные права Васи Мерезова, и любезновѣрная Епистимія.

А въ одинъ грозный для Симеона день, когда онъ хотѣлъ заплатить Епистиміи обѣщанныя ей десять тысячъ рублей, она вдругъ отклонила деньги, говоря, что платить ей не за что, такъ какъ она не сумѣла отстоять Симеона отъ новаго завѣщанія; что молва совершенно права, и оно, дѣйствительно, существуетъ, и она — его хранительница; но пусть Симеонъ Викторовичъ не беспокоится: она ему не злодѣйка, а другъ, и ежели онъ къ ней будетъ хорошъ, то и она къ нему будетъ хороша:

— И владѣйте вы лаврухинскими капиталами спокойно, — ничего то ничегошенько мнѣ отъ васъ не надо, памятуя вашу ласку и питая благодарность къ вашимъ родителямъ.

Тщетно испуганный, уничтоженный, разбитый, Симеонъ пробовалъ торговаться и деньгами выкупить себѣ свободу отъ проклятаго документа. Епистимія только обиженно поджимала губы, да отемняла грустью непомятаго благородства свои прекрасные синіе глаза.

Много съ тѣхъ поръ имѣли они такихъ свиданій — и каждое изъ нихъ доводило Симеона до бѣлаго каленія и очень тѣшило ее, мстительную, а еще болѣе практическую — не спѣша, систематически проводящую давно задуманный, трудный, ей одной извѣстный планъ.

Онъ не совсѣмъ вырѣлъ въ событіяхъ, но — нечего дѣлать, приходится съ нимъ спѣшить. Сегодня она видѣла Симеона въ состояніи такой взвинченности, когда дальше нельзя: лопнетъ слишкомъ натянутая струна, и пошла къ дьяволу вся музыка... Онъ не можетъ больше выносить неизвѣстности... Такъ или иначе, добромъ или худомъ, а надо имъ развязаться...

Уже сегодня договорились было, да, спасибо, Викторъ Викторовичъ застучалъ,

помѣшалъ. Все лучше подготовившись то... утро вечера мудренѣе... ночьку продумай, складнѣе день заговорить...

Завтра она сама пойдетъ къ Симеону и объявитъ ему свою цѣну, которой онъ такъ добивается... большую цѣну... Охъ, собьетъ же она съ него спѣсъ Сарай-Бермятовскую! Дорого станетъ ему съ нею расквитаться. Великъ счетъ ея на немъ накопленъ... Узнаетъ онъ, платя по счету этому, изъ какихъ она большихъ графинь...

Звонокъ.

Это Гришутка вернулся. Экъ его носить, полуночника! Вотъ я тебя, пострѣла.

Набрасываетъ платокъ на плечи и идетъ тощая, худая, желтая, изъ темнаго чулана, сквозь разсвѣтныя, солнцемъ розовыя, комнаты отворить племяннику. И, хотя бранныя слова на устахъ ея, но радостною ласкою наполнились — сами синіе, какъ синее утро, — прекрасные глаза.

— Недуренъ соколъ! Ты это гдѣ же бражничалъ до бѣлаго утра?

— Какое — бражничалъ, тетенька. Всю ночь просидѣли на Завалишинской станціи...

барышня Аглая Викторовна, Анюта горничная и я... Поѣзда ждали... Между Завалишинымъ и городомъ крушеніе произошло... Ужъ мы ждали, ждали... Съ девяти часовъ вечера, тетенька, до двухъ по-полуночи... Страсть!

Григорій весель, счастливъ, возбужденъ.

Епистимія смотритъ на него съ материнскимъ во сторгомъ.

И то, что онъ говоритъ, радуетъ ее, кажется хорошимъ предназначеніемъ.

— Такъ ты говоришь, — улыбається она, — трое васъ было? Аглая Викторовна, Анюта и ты?

— Аглая Викторовна, Анюта и я... Устали — бѣда... Подвезъ я ихъ на извозчикъ къ дому, на соборъ половину четвертаго било... Мнѣ — что, а у Аглаи Викторовны глаза слипаются, а Анюта, какъ пьяная, качается, носомъ клюетъ... Ужъ я ее держалъ, чтобы не свалилась съ пролетки то...

Долго рассказываетъ Гришутка свои приключенія, пока и его не беретъ сонъ и не гонитъ въ свой мезонинчикъ — отдохнуть хоть два-три часа передъ тѣмъ, какъ идти отпирать магазинъ.

Медленно уходитъ и Епистимія въ темный чуланчикъ свой, медленно ложится и медленно засыпаетъ, подъ новый, какую-то особую торжественность пріобрѣтшій къ утру, храпъ Соломонидаы...

— Аглая Викторовна, Анюта и Гришутка... Это хорошо... это къ добру...

Завтра она пойдетъ къ Симеону и объявить... Посмотримъ, Симеонъ Викторычъ, каковъ-то ты окажешься предо мною большой баринъ, даромъ что я не изъ большихъ графинь... Охъ, сколько еще труднаго! сколько еще грѣшнаго! А все ради тебя, Гришутка милый, глупый! все изъ за тебя!..

Х

Утромъ рано прибѣжала отъ Сарай-Бермятовыхъ Марѳутка — звать тетеньку Епистимію Сидоровну: баринъ Симеонъ Викторовичъ ее ждетъ.

— Скажите, какой нетерпѣливый сталъ! — усмѣхнулась про себя Епистимія. — Когда влюбленъ былъ, и то этакъ не поторапливалъ!

Накинула сѣрый платокъ свой на голову и пошла, странная по улицѣ въ сіяніи голубого дня, будто не во время вылетѣвшій нетопырь.

Симеонъ, замѣтивъ изъ окна ее во дворѣ, вышелъ къ ней, черезъ кухню, на заднее крыльцо. Измятое, шафранное лицо и мутный блескъ въ усталыхъ глазахъ ясно сказали Епистиміи, что въ истекшую ночь Симеонъ спалъ не больше ея и думалъ не меньше.

— Подожди нѣсколько минутъ здѣсь или у барышень, — угрюмо сказалъ онъ, дергая щекою, — я уже опять занятъ... у меня сидитъ архитекторъ... планъ привезъ перестройки дома... ни минуты покоя!..

— Хорошо-съ, я подожду, мнѣ торопиться некуда.

— Только не по вчерашнему! — пригрозилъ, уходя, съ порога Симеонъ.

Епистимія усмѣхнулась.

— Вчерась ужъ больно вы грозны были, — ласковымъ смѣшкомъ послала она вслѣдъ.

Онъ обернулся и еще разъ пригрозилъ ей поднятымъ пальцемъ, съ недобрымъ выраженіемъ лица, точно предупредилъ:

— Ты молъ эти шутки оставь. Фамильярной канители тянуть съ тобою я больше не намѣренъ. Дѣло — такъ дѣло. Разъ, два, три — клади его на столъ...

— Смѣлющая же вы, сударыня Епистимія Сидоровна, — льстиво заговорила съ нею отъ плиты краснолицая, съ пьяными, лживыми глазами, толстуха-кухарка. — Свободно такъ разговариваете! Мы на него, аспида, и взглянуть то боимся.

— А тебѣ бы, дѣвушка, — сурово оборвала Епистимія, — такъ о господинѣ своемъ не выражаться. Каковъ ни есть, а — нанялась, продалась. Жалованье получаешь. Сойди съ мѣста, — тогда и ругай, сколько хочешь. А по-

куда на мѣсть, онъ тебѣ не аспидъ, а баринъ: аспиды хлѣбомъ не кормятъ и жалованья не даютъ...

— Да, сударыня ты моя, развѣ я съ чѣмъ дурнымъ... — залепетала было сконфуженная кухарка. Но Епистимія прошла уже мимо, ворча лишь такъ, чтобы она слышала:

— То-то — ни съ чѣмъ дурнымъ... Распустились вы всѣ... Революціонерки... Забастовщицы... Хозяйки настоящей въ домѣ нѣтъ... подтянуть некому...

Барышень она застала въ комнатѣ Зои, которая сегодня «проспала гимназію» и потому рѣшила, что вставать и одѣваться до завтрака не стоитъ.

— Третій разъ на этой недѣлѣ, Зоя! — упрекала ее, сидя на постели, въ ногахъ, красивая, съ утра одѣтая, свѣжая, бодрая, спокойная Аглая.

— Наплевать! — равнодушно отвѣчала Зоя, лежа, подобно сфинксу, на локтяхъ и животѣ и скользя лѣнивыми глазами по книгѣ, перпендикулярно воткнутой между двухъ смятыхъ подушекъ, а ртомъ чавкая булку съ масломъ, въ прихлебку съ кофе, который наливала

изъ стакана на блюдце и подносила къ губамъ барышни смѣющаяся горничная Анюта, хорошенькая, стройная, съ чистымъ и смышленнымъ ярославскимъ личикомъ, блондинка. — Корми меня, столпъ царства моего!

— Какъ тебѣ не противно, право? — замѣтила Аглая. — Такая неопрятная привычка... Вонъ, смотри: подушку кофе облила... крошки сыпятся...

— Это не я, — Анютка.

— Да, какъ же! — засмѣялась Анюта, — во всемъ Анютка виновата! Сами Анютку головой подъ локоть толкнули...

— Молчи, столпъ царства! Вѣдь знаешь: рѣшено однажды навсегда, что я никогда не бываю виновата, и всегда передъ всѣми права... А! наша собственная химія, мадмуазель Епистимія! — привѣтствовала она вошедшую, посылая ей рукою воздушный поцѣлуй.

Когда женщины поздоровались и усѣлись, разговоръ у нихъ пошелъ о плачевномъ событіи вчерашняго вечера — о томъ, какъ Зоя едва не погубила новаго платья, обливъ его какао, а Епистимія Сидоровна спасла его, пустивъ въ ходъ какой-то особенный, ей од-

ной извѣстный, выводной составъ... Вынули изъ гардероба платье. Пятно, хотя и на бѣломъ шелку, даже днемъ было едва замѣтно желтоватыми краями. Но Аглая и Анюта утверждали, что платье, все равно, недолговѣчно — матерія должна провалиться отъ выводной кислоты. А Епистимія защищала:

— Никогда не провалится, барышни: кабы въ моемъ составѣ была жавелева кислота, тогда, въ томъ не спору, обязательно должна матерія провалиться, но я жавелевой кислоты не употребляю ни вотъ настолько. Потому что, скажу вамъ, милыя барышни, ядовитыхъ кислотъ на свѣтѣ немного, но, по домашнему нашему обиходу, всѣхъ кислотъ кислѣе жавелева кислота...

Зоя захохотала и возразила, трясая непричесанною, въ путаницѣ бѣлокурыхъ волосъ, головою:

— Врешь, Епистимія Сидоровна. По домашнему нашему обиходу, всѣхъ кислотъ кислѣе любезный братецъ мой — Симеонъ Викторовичъ.

Отъ рѣзкаго ея движенія книга упала на

поль. Аглая нагнулась и подняла.

— Havelock Ellis... L'Inversion sexuelle... — недовольно прочитала она заглавіе. — Это что еще? Откуда промыслила?

— Васюковъ принесъ... Хвалиль, будто анекдотовъ много... Да вретъ: все давно знакомое... Новаго не нашла ничего.

— Ахъ, Зоя, Зоя!

— Что, Аглая, Аглая?

— То, что забиваешь ты себѣ голову пустяками...

— Хороши пустяки! — захохотала Зоя: если это тебѣ пустяки... Впрочемъ, лучше обратимся къ Епистиміи: она тебѣ про пустяки анекдотъ расскажетъ... «Не гляди, душенька, это пустяки!» — пропищала она, копируя кого-то изъ анекдота.

— Нѣтъ, ужъ уволь.

— Что вы, барышня Зоя! — запротестовала и Епистимія, съ тѣнью бураго румянца на зеленыхъ впалыхъ щекахъ своихъ: она не любила, чтобы ее обличали въ темномъ и грѣшномъ при Аглаѣ. — Нашли рассказчицу! Что и знала — шалила смолоду, — теперь, слава Богу, забыла.

— Ладно! Это ты предъ нами почему-то въ скромность играешь, а небось, когда съ Модестомъ и Ванькою-чурбаномъ, другія пѣсни поешь... Ну, а ты, столпъ царства, что головою раскачался? — повернулась она къ Анютѣ.

Та серьезно сказала:

— Да удивительно мнѣ на васъ, барышня: откуда въ васъ столько озорства беретя? Все бы вамъ озоровать, все бы озоровать.

Зоя чуть сконфузилась, притворно зѣвнула и сказала, потягиваясь въ подушкахъ:

— Ну, хорошо, будьте вы трижды прокляты, цѣломудренныя лицемѣрки, — отказываюсь отъ анекдота!.. А слѣдовало-бы, — хотя бы затѣмъ, чтобы научить тебя, Аглая, выражаться точнѣе.

— Да, какъ ни назови, — зачѣмъ, ну, зачѣмъ тебѣ все это?

— Чтобы сны интересные видѣть, — захотала Зоя, но, видя, что лицо сестры приняло выраженіе серьезнаго недовольства, перестала ее дразнить и только возразила:

— Да вѣдь ты ничего этого не читала?

— И не буду.

— Ну, и честь тебѣ, и слава,

цѣломудренная весталка, но — какъ же ты, не читая, можешь судить?..

И обратилась къ неодобрительно выжидавшей Епистиміи:

— Ну-съ, Епистимія химія! Съ нашею домашнею оберъ-кислотою у тебя, говорятъ, вчера была пальба?

Епистимія притворно улыбнулась и сказала, полуотвѣчая:

— А! Воинъ! Это ужъ грѣхъ будетъ про него другое слово сказать, что воинъ галицкій.

Зоя прервала ее, внимательно себя разглядывая:

— Анютка! Смотри, какія у меня бѣлыя руки... наливныя, какъ... какъ ливерная колбаса!

— Сравнили! — усмѣхнулась горничная.

— Право! У Аглаи гораздо смуглѣе... Да-съ! вотъ это кожа! атласъ! бѣлорозовая заря! Вы, сударыня моя, госпожа старшая сестрица, красавица славной семьи нашей, можете, по мнѣнію глупыхъ мужчинъ, даже съ тремя богинями спорить на горѣ въ вечерній часъ. Но — кожѣ такой — это дудочки! у васъ не бывать... а ни-ни! Столпъ негодный! ты опять

свои бѣлые зубы скалишь?

— Вотъ какъ пригрѣеть солнышко, да побѣгутъ по атласу то вашему веснушки, — выговорила она, сквозь фыркающій смѣхъ.

— Очень испугалась! А парфюмерные магазины на что?

— Въ прошломъ годѣ — мылись, мылись, терлись, терлись, а ничего не помогло: проходили лѣто, какъ кукушка рябая, только даромъ деньги извели. Видно, лицо то не платье, а веснушки — не какао! Не возьметъ и жавелева кислота.

— Молчи! не каркай!.. Но, возвращаясь къ кислотамъ: хоть бы ты, Епистимія Сидоровна, нашему Симеontiю невѣсту нашла. Авось, попадетъ подъ башмакъ — сколько нибудь утихнетъ.

Епистимія принужденно улыбнулась.

— Выдумали сваху. Куда мнѣ господскіе браки строить. Мнѣ, вонъ, Гришу своего, племянника, женить пора, и то не прилажусь, съ которой стороны взяться за дѣло.

Зоя, рѣшивъ вставать, сѣла на кровати, лоя голыми ногами туфли на коврѣ.

— Сватай мою Анютку, — сказала она, дер-

жа въ зубахъ кончикъ белокурой косы своей и шаря рукою по постели выпавшія ночью шпильки. — Выдадимъ хоть сейчасъ. Она на него всѣ глаза проглядѣла.

Дѣвушка вспыхнула сердитымъ румянцемъ.

— Ошибаетесь, барышня Зоя. Совсѣмъ не мой идеаль.

— Анюта — не той партіи, — улынулась Аглая.

Зоя, зѣвая и переваливаясь съ ноги на ногу, направилась къ умывальнику.

— Виновата, — говорила она. Перепутала. Гриша Скорлупкинъ — Матвѣя протезе, а Анютинъ предметъ числится по полку брата Виктора. Влюблена въ Илюшу? Признавайся!

— Пошли конфузить!

— Сама вдвоемъ васъ застала, голубушка ты моя!

Анюта вызывающе дернула плечомъ.

— По вашему, господскому, если простая дѣвушка съ молодымъ человѣкомъ сидитъ, такъ ужъ имъ, кромѣ пустяковъ, и подумать не о чемъ?

— Поди, брошюрами тебя просвѣщаетъ

Илюша? — мягко улыбнулась Аглая.

Горничная возразила съ тѣмъ же вызовомъ:

— А хоть бы и брошюрами? Кому нынче не хочется образовать себя? Пора понимать свои права.

Зоя, нажимая педаль умывальника, говорила:

— Счастливыя прежде барышни были. Имѣли горничныхъ — о женихахъ пошептаться, о подругахъ посплетничать, о снахъ посоветоваться, на счетъ мужскихъ усовъ поспорить, надъ оракуломъ похохотать... Увы! все это осталось въ старыхъ романахъ, а теперь встрѣчается только въ стилизованныхъ повѣстяхъ...

— Чѣмъ я вамъ не угодила? — улыбнулась Анята.

— Во первыхъ тѣмъ, что ты не горничная, а товарищъ Анята. Во вторыхъ, тѣмъ, что въ этомъ умывальникѣ нѣтъ ни капли воды.

Анята, покраснѣвъ, ахнула своей оплошности, но, заглянувъ въ резервуаръ, разсердилась:

— Полнехонекъ! А вы опять въ трубу

апельсинныхъ корокъ насовали, и машинка не дѣйствуетъ, — полчаса ее чистить прутомъ надо... Перейдите ужъ въ комнату къ барышнѣ Аглаѣ: тамъ помоеетесь...

— Не гнѣвайся, всеобщая, прямая, равная, тайная... Скажи: ты рѣшительно никакъ не можешь обойтись безъ націонализаціи земли?

— Да, ступайте же вы! — почти прикрикнула Аня. — Что это, право? До полдня, что ли, будемъ ворошиться? Мнѣ еще семь комнатъ убрать надо. Вы думаете: Симеонъ Викторовичъ съ однѣхъ васъ взыскиваетъ?

Зоя сдѣлала безобразную гримасу, высунутымъ языкомъ подразнила отсутствующаго Симеона и, выразительно воскликнувъ:

— У! Жавелева кислота! — сопровождаемая Анютою, исчезла за дверь.

Епистимія Сидоровна смотрѣла на все это съ видимымъ неодобреніемъ и, когда дверь за Зоей плотно закрылась, придвинула стулъ свой ближе къ Аглаѣ и, понизивъ голосъ, спросила:

— Что это, Аглаечка, какъ много Зоинька позволяетъ себѣ на счетъ Симеона Викторо-

вича? Нехорошо такъ то — при горничной. Каковъ ни есть, все старшій братъ и дому хозяинъ.

Аглая вздохнула, съ грустью на прекрасномъ лицѣ, досадливо сдвинувъ соболиныя брови надъ яркими, темными глазами.

— Утомилъ онъ насъ, Епистимія Сидоровна. Ужасъ, до чего надоѣлъ. Мнѣ то легко. Мой характеръ спокойный, у меня сердце смѣхомъ расходится. А Зойка — ракета.

Епистимія закачала головою и продолжала:

— Соръ то въ избѣ бы оставлять, голубушка, на улицу не выносить.

Аглая прервала ее.

— Да ужъ слишкомъ много накопилось его, Епистимія Сидоровна. Въ самомъ дѣлѣ, того и жди, что у Симеона съ братьями дѣло до кулаковъ дойдетъ.

Епистимія зорко взглянула ей въ глаза.

— Ужели такъ остро подступило? — спросила она, не скрывая въ звукѣ голоса особеннаго, расчетливаго любопытства.

Аглая, подтверждая, кивнула подбородкомъ

— Особенно съ Викторомъ, — сказала она. — Съ Модестомъ Симеонъ какъ то все-таки осторожнѣе. А Мотя — Божій человекъ.

— Его обидѣть — это ужъ царемъ Иродомъ надо быть! — согласилась Епистимія.

— Да онъ и не понимаетъ, когда его обижаютъ! — вздохнула Аглая.

Прошло молчаніе, во время котораго только плескала вода за стѣною, выскакивали задушенными звуками взвизги и смѣхъ Зои и глухіе неразборчивые отвѣты недовольной Анюты... Епистимія заговорила, будто надумалась — каждымъ словомъ, какъ носкомъ башмака, передъ собою почву пробуя, съ кочки на кочку по болоту ступая.

— Жалостно это видѣть, Аглаечка, когда хорошая господская семья вразбродъ ползеть.

Аглая пожалала плечами.

— А только и остается, что раздѣлиться, — сказала она. — Раздѣлиться и каждому жить своею жизнью, за свой страхъ.

— Что жъ? — подумавъ, согласилась Епистимія. — И то дѣло не худое. Теперь вы всѣ имѣете свой достатокъ. Отъ дядюшки — кому хлѣба кусокъ, кому сѣна клочъ.

На бѣломъ стройномъ лбу Аглаи мелькнула, какъ зарница, морщинка, выдавшая уже привычное, не въ первый разъ пришедшее, раздраженіе не охочаго раздражаться, кроткаго человѣка, доведеннаго до того, что даже онъ начинаетъ терять терпѣніе.

— Такъ — тянетъ онъ, Симеонтій нашъ, — сказала она съ откровенною досадою. — Тянетъ, не выдѣляетъ.

— Аглаечка, да вѣдь до совершеннолѣтія нельзя!

Но Аглая уже оживленно и все съ большею досадою говорила:

— Я полнаго выдѣла и не прошу. Я на дядины деньги не рассчитывала. Они съ облака упали. Жизнь свою загадывала безъ нихъ. Стало быть, могу ждать ихъ, сколько Симеонъ пожелаетъ. А просто — пусть изъ дома отпуститъ, на свою волю, — вонъ, какъ Викторъ живетъ.

Епистимія неодобрительно качала головою.

— Обидно ему, Аглаечка, — заступилась она. — Вы барышня. Вамъ въ меблированныя комнаты съѣхать, — люди скажутъ: видно,

братъ то — сахаръ. Выжилъ сестру изъ дома въ номера.

— То то и есть! — прервала ее Аглая съ прежнимъ раздраженіемъ. — Если бы Симеонъ любилъ насъ хоть немного, все ничего: отъ любящаго человѣка и несправедливость можно стерпѣть. Но вѣдь нѣтъ въ немъ къ намъ никакихъ чувствъ, кромѣ сарай-бермятовской амбиціи.

— Смолоду таковъ, Аглаечка! — вздохнула Епистимія. — Ожесточилъ сердце, какъ ястребъ. Такъ ястребомъ и живетъ. Либо добычу рветъ, либо собою гордится, красуется, хвастаетъ, клювомъ перышко къ перышку кладетъ.

Аглая говорила:

— Вы вотъ о Зоѣ замѣчаніе сдѣлали. Развѣ я не согласна? Сама вижу, что Зоя никуда негодно себя ведетъ, а, въ томъ числѣ, и къ Симеону относится со всѣмъ неприлично. Но, вѣдь, невозможно, Епистимія Сидоровна! Никакими убѣжденіями нельзя заставить дѣвочку любить и уважать человѣка, который словно поклялся нарочно дѣлать все, чтобы показать себя не стоящимъ ни любви, ни уваженія. Вотъ — теперь пилить Зою за

платье. А кто просиль дарить? Въ средѣ нашихъ знакомыхъ, молодежи, намъ и въ ситцахъ, рады. Нѣтъ, нельзя: сестры Симеона Сарай-Бермятова должны одѣваться у мадамъ Эпервье.

— Что хотите, Аглаечка, — опять заступилась Епистимія, — но ужъ это то ему не въ укоръ. Напротивъ, довольно благородно съ его стороны, что сестеръ куколками выражаетъ.

— Да дорого мы платимъ за это благородство, Епистимія Сидоровна! вѣдь только и слышимъ по цѣлымъ днямъ: сестры Симеона Сарай-Бермятова должны! Сестрамъ Симеона Сарай-Бермятова нельзя! Слово мы сами то по себѣ ужъ и не существуемъ. Слово изъ всѣхъ Сарай-Бермятовыхъ, мы одного Симеона сестры и другихъ братьевъ у насъ нѣтъ.

Епистимія внимательно приглядѣлась къ ней и, съ искусственною растяжкой вздохнула.

— Охъ-охъ-охъ! Во всѣхъ семьяхъ это обыкновенное, Аглаечка. Роднымъ врозь скучно, а вмѣстѣ тошно.

Но Аглая, возбужденная, говорила, тороп-

ливо перебирая тонкими пальцами наволочку на покинутой Зоей подушкѣ:

— Ты меня знаешь. Я на твоихъ глазахъ росла. Въ бѣдности. Готовилась не къ богатству, а къ трудовой жизни. Много ли мнѣ надо? Я на тридцать рублей въ мѣсяцъ буду королевой себя чувствовать. Я молодая, сильная, здоровая, — мнѣ работать хочется.

— Вы, Аглаечка, и теперь много трудитесь. Вами домъ держится.

Аглая пренебрежительно отмахнулась.

— Какой это трудъ. Такъ — время суетой наполняю, чтобы тоска не брала.

Епистимія, не сводя съ нея глубокихъ синихъ очей своихъ, заговорила вкрадчиво, примирительно:

— Ну вотъ, братецъ надумается, женится, — станете на свои ножки, попробуете своего хлѣба.

Аглая согласно склонила пышноволосую, темную голову.

— Въ этомъ то я увѣрена, что, какъ только онъ женится, всѣмъ намъ укажетъ двери. Онъ объ аристократкѣ мечтаетъ. На что мы ему тогда?

Епистимія подвинулась къ ней еще ближе и, не безъ волненія, зашептала, положивъ ей на колѣно худую свою, испещренную синими жилами, и все-таки еще красивую, съ длинными, цѣпкими пальцами, руку:

— Если разойдетесь съ братомъ, то насъ не забудьте, Аглаечка. Не обойдите нашей хаты. Люди мы простые, званія ничтожнаго, но живемъ, слава Богу, чистенько. Достатками не хвалимся, а крыша надъ головою есть и хлѣбца жуемъ вволю, да еще и съ маслицемъ. Безвременье ли переждать, бѣду ли перебѣдовать, — ничѣмъ вамъ въ чужіе люди итти, — у насъ для васъ квартирка всегда готова.

Аглая, съ мягкою растроганною улыбкою, положила свою руку на ея.

— Спасибо, Епистимія Сидоровна. Я знаю, что въ твоей семьѣ я — какъ у родныхъ.

— Улелѣемъ васъ, какъ младенца въ люлькѣ! Слава Богу! — кашлянувъ, сказала Епистимія и опустила синіе глаза свои. — Не привыкать стать, — природная ваша служанка.

Аглая, какъ всегда, смутилась при этомъ

напоминаніи, разрушавшемъ давно установленное равенство.

— Э! Что ты, Епистимія Сидоровна! Когда это было! Пора забыть.

— Пора, такъ пора, — подумала Епистимія. — А ну-ка, если ты такая добрая, попробуемъ...

И, съ опущенными глазами, медленно глядя руку Аглаи, продолжала искреннимъ, проникновеннымъ голосомъ.

— А ужъ Гриша мой на васъ, Аглаечка, какъ на богиню свою, взираетъ. Вы для него на свѣтъ — самый первый и главный человекъ. Только что мать обидѣть боится, а то бы предъ портретомъ вашимъ свѣчи ставиль и лампаду жегъ.

— Онъ славный, твой Гриша, — равнодушно согласилась Аглая. — Своимъ хорошимъ отношеніемъ онъ чисто меня трогаетъ.

Тогда Епистимія оставила ея руку, отодвинулась вмѣстѣ со стуломъ, сложила костлявыя руки свои на колѣняхъ и, отчаянно хрустнувъ пальцами, сказала, — будто въ воду прыгнула, — рѣшительно, почти рѣзко:

— Аглая Викторовна, позвольте говорить

откровенно.

Аглая подняла на нее удивленные темные глаза.

— Все, что тебѣ угодно, — сказала она.

А Епистимія протяжно и вѣско говорила, какъ рублила:

— Влюбленъ онъ въ васъ безъ ума и памяти, Гришутка мой бѣдный. Вотъ оно что.

И, зорко наблюдая за облившимся красною зарею лицомъ Аглаи, прочла въ немъ не только изумленіе, а почти испугъ... Аглая молчала нѣсколько секундъ, словно стараясь понять что то слишкомъ чуждое, и, наконецъ, произнесла голосомъ и укоряющимъ, и извиняющимся, голосомъ самообороны, отстраняющей дурную шутку:

— Ой! Что это, Епистимія? Зачѣмъ? Съ какой стати? Не надо!

Слишкомъ искренне и просто это вырвалось, чтобы не понять...

— Провалилось дѣло! Рано! Поторопилась ты, дѣвка! — молніей пробѣжало въ умъ Епистиміи. Слѣдующей мыслью было — въ самомъ дѣлѣ, перевести все сказанное въ шутку, разсмѣяться самымъ веселымъ и без-

заботнымъ голосомъ. Но какой то особый инстинктъ отбросилъ ее отъ этого намѣренія въ сторону, и она, серьезная, возбужденная, съ широкими глазами, принявшими цвѣтъ и блескъ морской воды, лепетала, съ каждымъ словомъ касаясь колѣнь Аглаи дрожащими пальцами:

— Извините, Аглаечка, извините! Позвольте говорить.

Аглая, пожимая плечами, говорила мягко, извинительно, стараясь сгладить положеніе — острое и колкое:

— Это братья, въ шутку, дурачатся... Модестъ, Иванъ... дразнятъ меня...

А Епистимія торопилась:

— Аглаечка, развѣ же я не понимаю, что подобное съ его стороны — одно безуміе? Аглаечка, я же не дура! Позвольте говорить!

Аглая сложила руки на колѣняхъ движеніемъ вниманія и недовольства.

— Да, какъ же мы будемъ говорить, — сказала она, — если ты такъ вотъ сразу за племянника въ любви мнѣ объясняешься? Вѣдь это же отвѣта требуетъ. Я Гришу хорошимъ человѣкомъ считаю, мнѣ жаль сдѣлать ему

больно. Зачѣмъ же ты и его, и меня въ такое положеніе ставишь, что я должна его обидѣть?

Епистимія на каждое слово ея согласно мотала головою и касалась платья пальцами.

— Аглаечка, душа моя, все понимаю. Хорошо знаю, что любовь Гришина — дерзкая и безнадежная. Когда же я не знала? Дуракъ онъ. Истинно подтверждаю, что дуракъ оказался. Не за свой кусъ берется, рубить дерево не по топору. А, все-таки, голубчикъ мой! ангельчикъ! собинка вы моя! Ну, позвольте умолять васъ! ну, прикажите ручки ваши цѣловать!..

Она сползла со стула и повалилась Аглаѣ въ ноги, стукнувъ лбомъ въ носокъ ея ботинка. Аглая вскочила, испуганная, смущенная, пристыженная.

— Встань, Епистимія Сидоровна! Какъ можно? Встань!

Но Епистимія ползала за нею на колѣняхъ, лоя ея за платье, обращая къ ней лицо съ настойчивыми, нестерпимо сіявшими сквозь хлынувшія слезы, синими глазами.

— Солнышко вы мое! Если заговорить онъ

съ вами о любви своей, — радостная вы моя! — не обезкураживайте вы парня моего! не убивайте!

Аглая, растерянная, взяла ее за плечи и старалась поднять.

— Но что же я могу, Епистимія? Ну, что я могу? повторяла она. Да встань же ты, сдѣлай мнѣ милость. Вѣдь я же не могу такъ... мнѣ стыдно...

Епистимія поднялась:

— Голубушка! — заговорила она, всхлипывая, съ по краснѣвшимъ носомъ, странною полосою обозначившимся на зеленомъ ея лицѣ. — Голубушка вы моя! Вѣдь все это, — что онъ науку свою предпринялъ, учится, къ экзамену готовится, — все это въ одной мечтѣ старается: буду образованный, стану всѣмъ господамъ равенъ, барышнямъ пара, Аглаѣ Викторовнѣ женихъ.

Аглая смотрѣла на нее внимательными, участливыми глазами и качала головою.

— Мнѣ жаль его, Епистимія. Мнѣ очень жаль его. Но ты сама говоришь, — и ты права, — это безуміе! Между нами нѣтъ ничего общаго. Нелѣпо! Смѣшно!

— Знаю! — даже восторженно какъ то воскликнула Епистимія. — Очень знаю! Матушка! Развѣ я васъ о согласіи прошу? Невозможно! Неровня! Но если у парня такая фантазія, что онъ по васъ съ ума сошелъ?

Аглая невольно улыбнулась.

— Не могу же я за всѣхъ, у кого ко мнѣ фантазія, замужъ итти!

Епистимія поймала ея улыбку и въ тотъ же мигъ ею воспользовалась.

— Вы погубили, вы и помогите, — съ глубокою ласкою сказала она, притягивая дѣвушку къ себѣ за руку и заставляя ее опять сѣсть на кровать, и сама сѣла рядомъ съ нею, обнимая ее за талію.

— Право, не вижу, чѣмъ я помочъ въ состояніи.

— Да, вотъ, только тѣмъ, чего прошу. Не отказывайте на отрѣзъ.

— Ты странный человекъ, Епистимія Сидорова. Какъ же я могу не отказать, если этого не можетъ быть, если я не согласна?

— Барышня, милая, не уговариваю я васъ соглашаться. Откажите. Богъ съ вами! Откажите, да не на отрѣзъ. Обѣщайте подумать.

Срокъ для отвѣта положите.

Аглая задумалась.

— Когданибудь отвѣтить надо же будетъ, — нерѣшительно сказала она. Но и этого было достаточно ободрившейся Епистиміи, чтобы убѣдительно впиться въ нее не только словомъ, но и пальцами:

— Дѣтинька моя! Если вы его хоть полусловомъ поманите, — онъ три года ждать радъ будетъ.

— И три года пройдутъ.

Но Епистимія, пожимая ее костлявымъ своимъ объятіемъ, похлопывая по колѣну костлявою рукою, говорила съ нервнымъ, лукавымъ смѣшкомъ сквозь слезы:

— Мнѣ лишь бы сейчасъ-то его убережь, а въ теченіи времени, будьте спокойны: образуется. Всѣ силы старанія употреблю, чтобы его фантазію освѣжить и возвратить парня къ разсудку. Тоже имѣю надъ нимъ властишку-то. Только теперь то, сразу то въ омутъ его не толкайте.

Аглая встала. Ей и хотѣлось сдѣлать чтонибудь пріятное для Епистиміи, которая всегда была къ ней отличительно ласкова и

добра предъ всѣми другими Сарай-Бермятовыми, и дико было, не слагалось въ ея умѣ требуемое обѣщаніе.

— Ужасно странно, Епистимія Сидоровна! произнесла она, еще не зная, въ какую форму облечь свой отказъ, и въ смущеніи перебирая бездѣлушки на Зоиномъ комодѣ. А Епистимія, оставшись сидѣть на кровати, со сложенными въ мольбу руками, смотрѣла на Аглаю снизу вверхъ чарующими синими глазами и говорила съ глубокою, твердою силою искренности и убѣжденія:

— Барышня милая, пожалѣйте! Вѣдь — что я въ него труда и заботъ положила, чтобы изъ нашей тины его поднять и въ люди вывести! Мать то только что выносила его, да родила, а то — все я. Пуще роженанаго онъ мнѣ дорогъ. Теперь онъ на перекресткѣ стоитъ. Весь отъ васъ зависитъ. Пожалѣете, — человѣкомъ будетъ, оттолкнете, — чорту баранъ. Что я буду дѣлать безъ него? Ну — что? Свѣта, жизни должна рѣшиться!

Аглая, тронутая, хорошо знала, что это правда, и ей еще больше хотѣлось помочь Епистиміи, и еще больше она недоумѣвала.

— Что же я должна сказать ему? Я, право, не знаю.

Епистимія подошла къ ней, ласковая, льстивая, гибкая.

— Мнѣ ли дурѣ учить васъ? Вы барышня образованная. У васъ мысли тонкія, слова жемчужныя.

Аглая отрицательно качнула головой.

— Какъ ни скажу, все будетъ обманъ.

— Лишь бы время протянуть! — съ мольбою вскрикнула Епистимія, хватая ее за плечо костяшками своими.

Аглая высвободилась.

— Я не умѣю лгать, — сказала она съ искренностью. — Когда приходится, теряюсь, бываю глупая. Братья сразу замѣчаютъ.

Епистимія отошла.

— Братья въ васъ не влюблены, — возразила она, — а Григорій слѣпой отъ любви ходитъ.

— Грѣшно челоуѣка въ лучшемъ чувствѣ его морочить.

— Нѣтъ, — строго возразила Епистимія. — Если ложь во спасеніе, то не грѣхъ, а доброе дѣло. Грѣхъ — чело вѣка въ отчаянность вве-

сти.

Аглая долго молчала. Прислонясь къ комо-
ду и положивъ руки на него, она, въ своемъ
темнозеленомъ, почти черномъ платьѣ, каза-
лась распятою. Епистимія издали ловила ея
взглядъ, но Аглая упорно смотрѣла на коврикъ
подъ ногами своими, и только видѣла
Епистимія, что волненіе быстро красить ея
румянцемъ, такъ что даже шея у нея
порозовѣла...

— Да, этого я на себя не возьму, — произ-
несла она, наконецъ, голосомъ, въ которомъ
тепло дрожала искренность самосознанія, —
этого я никакъ не возьму на себя, чтобы изъ-
за меня человѣкъ жизнь свою испортилъ.

Епистимія въ эти слова такъ и вцѣпилась,
торжествующая, расцвѣтшая.

— Кабы только испортилъ, родная! — воз-
бужденно подхватила она. — Кабы только ис-
портилъ! Потеряетъ онъ себя, Аглаечка!
Вѣрьте моему слову: вотъ, какъ самый
послѣдній оглашенный, себя потеряетъ!

Аглая, поднявъ свои длинныя черныя
рѣсницы, освѣтивъ ея задумчивыми, ласко-
выми глазами, повторила рѣшительно и

твёрдо:

— Быть причиною того, чтобы чья-нибудь жизнь разрушилась, этого я и вообразить для себя не умѣю. Съ такимъ пятномъ на совѣсти — жить нельзя...

Синіе глаза побѣдно сверкнули, увядшія губы Епистиміи сжались въ важную складку, и все лицо приняло такое же значительное выраженіе, какъ тѣ слова, которыя она про себя подбирала, чтобы сказать ихъ Аглаѣ...

Но въ скрипнувшей изъ корридора двери показалось курносое лицо Марѳутки и пропицало, что архитекторъ отъ барина Симеона Викторовича уѣхалъ, и баринъ Симеонъ Викторовичъ приказываетъ тетенькѣ Епистиміѣ, чтобы немедленно шла къ нему... Глядя на Аглаю, Епистимія не могла не замѣтить, что она, какъ лучомъ, освѣтилась радостью прервать тяжелый разговоръ... И эта нескрываемая радость заставила ее придержать языкъ и замолчать то важное, что на немъ уже висѣло.

— Не время, — подумала она. — Не поспѣло яблочко. Сорвешь — погубишь, укусишь — оскомину набьешь...

И, накинувъ на острия плечи сѣрый платокъ свой, она только низко поклонилась Аглаѣ:

— Ужъ я пойду, Аглая Викторовна, а то Симеонъ Викторовичъ будутъ сердиться... Очень много вами благодарна... Вѣкъ не забуду вашей ласки, какъ вы меня пріободрили... А разговоръ этотъ нашъ позвольте считать между нами неоконченнымъ, и, когда у васъ время будетъ, разрѣшите мнѣ договорить...

Аглая отвѣтила ей только нерѣшительнымъ и неохотнымъ склоненіемъ головы...

— И ужъ вы мнѣ позвольте надѣяться, — продолжала Епистимія, — что я передъ вами говорила — все равно, какъ попу на духу... чтобы — сдѣлайте милость — сберечь это въ секретъ, между нами двоими: чтобы ни Зонинкѣ, ни братцамъ...

— Въ этомъ можешь быть совершенно увѣрена, — сказала Аглая. — Ты говорила, я слышала. Больше никто не будетъ знать.

Епистимія еще разъ поклонилась ей и вышла.

— Первую пѣсенку, зардѣвшись, спѣли, —

хмуρο думала она, идя корридоромъ къ кабинету Симеона. — Ну, да и за то спасибо. Я много хуже ждала... Теперь держись, Епистимія Сидоровна! Съ малиновкою было легко, — каково-то будетъ съ лютымъ сѣрымъ волкомъ?

XI

Когда она, постучавъ и получивъ отзывъ, вошла въ кабинетъ, Симеонъ стоялъ у окна и смотрѣлъ во дворъ, заложивъ руки въ карманы брюкъ, что сразу бросилось Епистиміи въ глаза, такъ какъ не было его постоянной манерой...

— Пистолеть у него тамъ, что-ли? — пугливо подумала она — не предъ Симеономъ пугливо, а по тому странному страху, которое большинство женщинъ питаетъ къ оружію, будто къ какой-то мистически-разрушительной, самодѣйствующей силѣ.

— Запри двери, — не поворачиваясь, приказалъ Симеонъ. — И ключъ положи на письменный столъ. Она исполнила.

— Садись. Съла.

— Ну-съ?!

Теперь онъ быстро повернулся къ ней и

глядѣль издали, сверкающимъ, ненавистнымъ взглядомъ, который былъ-бы страшенъ всякому, кто зналъ его меньше, чѣмъ Епистимія. Она же сразу разложила взглядъ этотъ привычнымъ, за много лѣтъ, наблюденіемъ на составныя части и опредѣлила, что, какъ ни золь Симеонъ, но боится ея онъ еще больше.

— Ну-съ?!

— Нѣтъ, пистолета у тебя въ карманѣ нѣтъ, — насмѣшливо подумала Епистимія, — шалишь-мамонишь, на грѣхъ наводишь, обманываешь...

И, сразу осмѣлѣвъ и успокоившись, она даже спустила сърую шаль съ острыхъ плечъ своихъ. А Симеонъ стоялъ уже передъ нею, какъ солдатъ въ строю, пятки вмѣстѣ, носки врозь, и, все съ засунутыми въ карманы руками, покачиваясь корпусомъ впередъ и назадъ, повторялъ:

— Ну-съ?

— Что нукаете? Не запрягли! — улыбнулась она.

Онъ круто остановилъ ее движеніемъ руки.

— Нѣтъ ужъ, пожалуйста. Довольно. Прямо къ дѣлу и на чистоту.

Это, — что онъ такъ сразу повернулъ дѣло, ждетъ отвѣта въ упоръ на вопросъ въ упоръ и не позволяетъ подползти къ сути и цѣли объясненія издали, окольнымъ подходомъ, — смутило Епистимію, вышибло изъ сѣдла и вогнало къ робость... Она не могла преодолѣть въ себѣ этого смятеннаго наплыва, а въ то же время чувствовала, что обнаружить его предъ Симеономъ значитъ почти зарѣзать свое дѣло, что онъ сразу возьметъ надъ нею свое привычное засилье...

— Эхъ, — съ досадою думала она, — слишкомъ понадѣялась на себя. Не слѣдовало сводить въ одинъ день два эти разговора. Слишкомъ много силы истратила съ Аглаюшкой. Не хватить меня на этого, прости Господи, дьявола...

А «дьяволь», стоя предъ нею, позади высокаго кресла, и, постукивая по спинкѣ его взятою со стола линейкою, требовалъ отрывистыми фразами:

— Что же ты? Оглохла? Онѣмѣла? Или ужъ такую мерзость придумала, что даже у самой

языкъ не поворачивается выговорить? Открой, наконецъ, уста свои вѣщія, говори...

Послѣдняя краска сбѣжала со щекъ Епистиміи, и лицо ея было маскою трупа, когда, напряженнымъ усиліемъ возобладавъ надъ собою, пробормотала она голосомъ, неровнымъ отъ стараній его выровнять и неестественно беззаботнымъ, точно говорила не о рѣшительномъ, обдуманномъ планѣ, а о случайномъ игривомъ капризѣ, и слова ея, подобно взбалмошнымъ дѣтямъ, сами рѣзво спрыгнули съ губъ:

— Такъ... что... вотъ... стало быть... породниться мы съ вами желаемъ.

Симеонъ опустил линейку.

— Что?

Если-бы онъ обругалъ Епистимію самымъ сквернымъ словомъ, если-бы швырнулъ ей въ лицо линейку свою, — не такъ-бы, кажется, рѣзнулъ онъ ее по сердцу, ударилъ по лицу, какъ этимъ глубоко изумленнымъ, ничего не понимающимъ, за ослышку слова ея принявшимъ, искреннимъ — «что?»... Пришибленная, согнулась она въ креслахъ и, тупо глядя подъ письменный столъ въ корзину съ

брошенной бумагой, лишь бы не встрѣтиться глазами съ Симеономъ, напрягла послѣднюю силу воли, чтобы пролепетать:

— Обыкновенное дѣло... Божье... Если-бы намъ породниться, я говорю...

Симеонъ уронилъ свою линейку... Съ глупыми глазами, разинутымъ ртомъ стоялъ онъ нѣсколько секундъ... И вдругъ слухъ Епистиміи кипяткомъ ядовитымъ обжегъ громкій хохотъ — такой настоящей, живой, прямой и искренній, какого она отъ Симеона во всю жизнь не слыхала, на какой способностью его не считала... И сыпались на нее толчки хохота Симеонова, точно удары плетей, и ежилась она подъ ними, стискивая зубы, слабѣя силами, мучительно думая про себя въ тоскѣ, стыда и злобы:

— Гришка ты, мой Гришка! Чѣмъ-то ты мнѣ, теткѣ, заплатишь, что принимаю я за тебя этотъ позоръ...

А Симеонъ все хохоталъ, даже необычно красный сталъ отъ смѣха и слезы вытиралъ на глазахъ, а, въ передышкахъ, говорилъ, тряся всѣмъ тѣломъ и, вмѣстѣ, тряся тяжелыя кресла, за спинку которыхъ держался теперь

объими руками:

— Ты дура... Ахъ, дура!.. Вотъ дура!..

И, къ ужасу своему, Епистимія, подъ смѣхомъ его, въ самомъ дѣлѣ, чувствовала себя дура-дурою — съ головою, пустою отъ мыслей, съ сердцемъ, оробѣвшимъ, оставшимся безъ воли... будто на дно какое-то, безсильную, спустилъ ее и потопилъ этотъ смѣхъ, разливаясь надъ нею глумливою волною.

— Врядъ-ли, — пробовала она, тонущая барахтаться, всплыть со дна. — Врядъ-ли я дура, Симеонъ Викторовичъ. Не надѣюсь быть глупѣе другихъ.

Но онъ перебилъ ее весело, побѣдительно, небрежно.

— Нѣтъ, ужъ — это ты надѣйся! Ты дура. Напрасно ты вчера боялась, что я тебя бить стану. Надо было не мямлить, а прямо сказать — вотъ какъ сегодня. Мы повеселились бы и разошлись. Ты смѣшна. Ахъ, если-бы ты только могла сейчасъ себя видѣть, какая ты, душа моя, дура, и до чего ты, Пишенька моя любезная, смѣшна!..

— Не заплачьте съ большого смѣха-то, — огрызнулась она, съ отчаяньемъ чувствуя,

что говорить это напрасно, себѣ во вредъ и лишь къ новому смѣху Симеона, что это именно то, чего ей сей часъ, разбитой и посрамленной, не слѣдуетъ говорить...

А онъ и впрямь опять такъ и залился, восклицая:

— Нѣтъ, какова? Вообразила, будто настолько запугала меня нелѣпымъ документомъ своимъ, что я даже жениться на ней способенъ!

Какъ радостная молнія, вспыхнули въ ушахъ Епистиміи эти неожиданныя слова. У нея даже дыханіе захватило.

— Ага, голубчикъ! вотъ куда тебя метнуло! — быстрымъ и злораднымъ вихремъ полетѣла оживающая мысль... Ну, значитъ, врешь: ничего еще не пропало, — напрасно ты грохоталъ! Не я тебѣ дура, а ты предо мною въ дуракахъ останешься.

И, впервые за все время разговора, подняла Епистимія на Симеона синіе глаза свои и, честно глядя, честно, по искренней правотѣ, сказала:

— Откуда вамъ въ умъ взбрело? И въ мысляхъ ничего того не имѣла.

Но онъ дразнилъ:

— Ловко, Пиша! Новый способъ выходить въ барыни! Епистимія Сидоровна Сарай-Бермятова, урожденная... какъ бишь тебя? Ха-ха-ха!

Но ее все это уже нисколько не трогало. Чѣмъ болѣе сбивался Симеонъ на свой ошибочный воображаемый путь, тѣмъ крѣпче и надежнѣе чувствовала она новую почву подъ своими ногами, тѣмъ злораднѣе готовила позицію для новаго сраженія... И, выждавъ, когда Симеонъ, уставъ издѣваться, умолкъ и почти упалъ на кожаный диванъ у окна, Епистимія, опять спуская шаль съ острыхъ плечъ и распрямленной спины, заговорила уже опять тѣмъ ровнымъ, почтительно-фамиллярнымъ тономъ близкаго человѣка, съ которымъ хоть миришь, хоть ссорься — все онъ не чужой, своя семья, какимъ она обычно говорила съ Симеономъ въ важныхъ случаяхъ жизни. И она хорошо знала, что этотъ ея тонъ Симеонъ тоже знаетъ и втайнѣ потрухиваетъ его, какъ серьезнаго предостереженія.

— Что вы, Симеонъ Викторовича ужъ такъ очень много некстати раскудахтались? — ска-

зала она, ядовитою насмѣшкою наливая синіе глаза свои и медленно окутываясь сѣрою шалью поперекъ поясицы.

— Такъ-ли ужъ оно вамъ весело? Ужъ если дѣло пошло на чистую правду, то — по документу моему, вы — не то, что на мнѣ, а, прости Господи, на морской обезьянѣ женитесь. Да я-то за васъ не пойду.

Симеонъ, дѣйствительно, насторожился, но еще шутилъ:

— Жаль. Почему же? Дворянкой Сарай-Бермятовой быть лестно.

Она отвѣтила быстро, дерзко, ядовито:

— Единственно потому, что жизнь люблю, Симеонъ Викторовичъ, а жизнь-то у меня одна. Понимаю я васъ, яснаго сокола. Знаю достаточно хорошо. Постылую жену извести — въ полъ-грѣха не возьмете. Вотъ почему.

Симеонъ смутился и, чтобы скрыть смущеніе, отвѣтилъ на дерзость дерзостью — бросилъ Епистиміи, лежа, съ дивана своего — нагло, глумливо:

— А то, Пиша, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, тряхнемъ стариною? вспомнимъ молодость, да и покроемъ, что-ли, вѣнцомъ быва-

лый грѣхъ?

Она быстро поднялась съ мѣста — высокая, узкая, прямая, острая, какъ злая стрѣла, и глаза ея засверкали, какъ синія молніи, жестокою, смертною угрозою.

— Ну, этого вамъ сейчасъ лучше бы не поминать, — прерывисто сказала она, смачивая языкомъ высохшія отъ гнѣва губы. — Да! Не поминать!

Симеонъ отвернулся, пристыженный.

— Ты, однако, не вскидывайся... что такое! — проворчалъ онъ въ опасливой досадѣ.

А она медленно шла къ нему, потягивая концы шали своей, свѣтила глазами и говорила, будто дрожала въ рояли печальная мѣдная струна:

— Гдѣ болѣло, — хотъ и зажило, это мѣсто оставь, ногтемъ не ковырай...

Симеонъ сѣлъ и сердито ударилъ ладонью по колѣну.

— Такъ и ты не ерунди! — прикрикнулъ онъ, — въ загадки пришла играть? Есть дѣло, — ну, и говори дѣло. А то...

Епистимія остановилась у новаго, столь драгоцѣннаго Симеону, книжнаго шкафа и,

взявшись рукою за колонку его, заговорила, въ упоръ глядя на Симеона, — ровно, ясно, внятно, какъ монету чеканила. Оскорбленіе выжгло изъ нея послѣднее смущеніе и страхъ. Она уже нисколько не боялась Симеона и думала только о томъ, что, вотъ, сейчасъ она его, гордеца проклятаго, срѣжетъ по-своему и ужъ теперь — шалишь! она оправилась и собою владѣеть! — мало что срѣжетъ, а и скрутитъ — оскорбительно и больно.

— Свахою прихожу къ вамъ, Симеонъ Викторовичъ, — любезно и пѣвуче чеканила она звонкія ехидныя слова. — На счетъ сестрицы вашей, Аглаи Викторовны. У васъ товаръ, у насъ купецъ. Ваша дѣвица на выданьи, а нашъ молодецъ на возрастѣ. Племянникъ мой, Григорій Евсѣичъ, руки проситъ, челомъ бьетъ...

Симеонъ, въ долгомъ молчаніи, такомъ мертвомъ, будто никто и не дышалъ уже въ комнатѣ, — и только часовой Сатурнъ тихо и мѣрно щелкалъ надъ Летою косою своею, — медленно поднялся съ дивана своего, бѣлый въ лицѣ, какъ полотно. Епистимія смотрѣла на него въ упоръ, и страшный взглядъ его не

заставилъ ее ни дрогнуть, ни отступить ни шага. Онъ отвернулся, вынулъ портсигаръ, закурилъ папиросу и, послѣ нѣсколькихъ затяжекъ, тяжелыми, рѣшительными шагами, подошелъ къ письменному столу, на которомъ блестѣлъ ключъ отъ двери... Сатурнъ махалъ косою... Все молча, докурилъ Симеонъ папиросу свою и, лишь погасивъ ее въ пепельницѣ, устави́лъ холодные, уничтожающіе глаза на зеленое лицо Епистиміи и — голосомъ, нѣсколько охриплымъ, но ровнымъ и спокойнымъ — произнесъ:

— Возьми ключъ. Я далъ тебѣ слово, что не трону тебя. Поди вонъ.

Свѣтъ не измѣнился въ глазахъ Епистиміи, въ лицѣ не дрогнула ни жилка. Медленно и спокойно подошла она за ключемъ, медленно и спокойно прошла къ двери и только, когда вложила ключъ въ замочную скважину, вдругъ, съ правою рукою на немъ, еще разъ обернулась къ Симеону съ усмѣшливымъ вызовомъ:

— А, можетъ быть, еще подумаете?

Симеонъ, вмѣсто отвѣта, показалъ ей ру-

кою на портретъ на стѣнѣ.

— Если-бы на моемъ мѣстѣ былъ покойный папенька, онъ не посмотрѣлъ-бы на новыя времена, на всѣ ваши революціи и конституціи. Изъ собственныхъ рукъ арапникомъ шкуру спустилъ-бы съ тебя, негодяйки, за наглость твою.

Какъ ни рѣшительно было это сказано, — «эге! разговариваешь!» — быстро усмѣхнулась въ себѣ Епистимія и, безъ приглашенія, сама, отошла отъ двери и стала на прежнее мѣсто у шкафа.

— Время на время и человѣкъ на человѣка не приходится, — спокойно возразила она. — Съ папенькою вашимъ мнѣ торговаться было не о чемъ, а съ вами есть о чемъ.

Обычная судорога не дергала, а крючила щеку Симеона и правый глазъ его тянуло изъ орбиты, когда онъ, напрасно зажигая трясущуюся въ рукѣ папиросу, заикался и хрипѣлъ:

— Шкура! Продаешь мнѣ собственное мое состояніе за безчестіе сестры моей?

— Чести Аглаи Викторовны я ничѣмъ не опозорила. Это вы напрасно.

— Вотъ какъ?... Ты находишь? Вотъ какъ? Не честь ли еще дѣлаешь? Дьяволъ!

— Мы люди простые, маленькіе, но смотрѣть вверхъ намъ никто запретить не можетъ. Попытка не пытка, отказъ не торговая казнь. Аглаю Викторовну я уважаю настолько, что и другого кого въ этомъ домѣ поучить могу. Но сватать Гришу я, Симеонъ Викторовичъ, вольна — хотъ къ самой первой во всѣхъ Европахъ принцессѣ.

— Отъ твоей холопской наглости станется! — рвануль Симеонъ.

Епистимія, не отвѣтивъ ни слова, не удостоивъ его взглядомъ, поддернула шаль свою и, повернувшись, какъ автоматъ, пошла къ двери...

— Стой! — заревѣль Симеонъ, бросаясь за нею изъ за письменнаго стола.

Она возразила, съ рукою на ключъ:

— Что — въ самомъ дѣлѣ? У меня тоже своя амбиція есть. Холопка, да наглянка, да дура, да негодяйка. Не глупѣе васъ, и честность въ насъ одна и та же. Ежели вы намѣрены такъ, то вѣдь мнѣ и наплевать: могу все это дѣло оставить...

А онъ, въ безумномъ, озвѣренномъ бѣшенствѣ, тряся передъ нею, коверкался лицомъ, вывертывалъ глаза, скалилъ серпы зубовъ своихъ, колотилъ кулакомъ по ладони и шипѣлъ, не находя въ себѣ голоса:

— Къ Васькѣ перекинешься, тварь? къ Мерезову?

Епистимія отвѣчала внушительно и вѣско:

— Намекни я только господину Мерезову, что завѣщаніе существуетъ, — онъ двадцать, тридцать, пятьдесятъ тысячъ не пожалѣетъ. Я сразу могу богатой женщиной стать. А для васъ стараюсь даромъ.

Горько усмѣхнулся на это слово ея Симеонъ.

— Душу и тѣло сестры моей требуешь. Это — даромъ? Въ старый дворянскій родъ мѣщанскимъ рыломъ лѣзешь. Это — даромъ?

Онъ отошелъ, усталый, волоча ноги, и опять бросился на диванъ, лицомъ къ стѣнкѣ... Епистимія, зорко приглядываясь, послѣдовала за нимъ по пятамъ.

— А, разумѣется, не за деньги, — говорила она, великодушно рѣшивъ на этотъ разъ простить ослабѣвшему врагу «мѣщанское рыло».

Ни-ни-ни! Боже сохрани! Денегъ никакихъ. Если сами не соблаговолите, то мы съ васъ даже и приданого не спросимъ. А родъ вашъ знаменитый — Богъ съ нимъ совсѣмъ! Собою надоѣдать вамъ не будемъ: не семьи вашей ищемъ, а дѣвушки. Вы собою гордитесь и хвастайте, сколько вамъ угодно, а я, Симеонъ Викторовичъ, не очень-то васъ, Сарай-Бермятовыхъ, прекрасными совершенствами воображаю. Наглядѣлась всякаго у васъ въ дому, — знаю, каковы ляльки и цацки! Только одна Аглая Викторовна, между вами, и на человѣка-то похожа, если хотите знать мое мнѣніе. И льщусь я совсѣмъ не на родство съ вами, а только — что барышня-то ужъ очень хороша. И это, Симеонъ Викторовичъ, такъ вы и знайте, — желаніе мое непремѣнное. Давно я это намѣтила, чтобы, ежели мой Гриша въ люди выйдеть, искать ему Аглаечку въ законный бракъ. И если вамъ опять-таки угодно слышать правду до конца, то изъ-за этого одного я вамъ и помогала обстрипать старика Лаврухина...

— Не Лаврухина ты, а меня обстрипала! — глухо отозвался Симеонъ.

Епистимія пожалала плечами и улыбнулась съ лукавствомъ побѣды.

— Должна же я была себя обезпечить, чтобы не быть отъ васъ обманутой и получить свою правильную часть. Ваше — вамъ, наше — намъ. Подѣлимтесь по чести. Капиталь — вамъ, Аглаю Викторовну — мнѣ съ Гришуткой...

Симеонъ долго молчалъ. Мысль о сдачѣ на предлагаемое соглашеніе ему и въ голову не приходила, но онъ чувствовалъ бесполезность спора и теперь думалъ только, какъ сейчасъ-то изъ него выйти, не окончательно истоптавъ уступками израненное свое самолюбіе и въ то же время не обозливъ тоже окончательно Епистимію, злобу которой противъ себя онъ теперь впервые видѣлъ и слышалъ во всю величину...

— Возьми деньги! — еще разъ, какъ вчера, предложилъ онъ, все не поворачиваясь, все уткнутой носомъ съ стѣну.

Епистимія сѣла на тотъ же диванъ у ногъ Симеона и спокойно сказала, спуская шаль по спинѣ:

— Нѣтъ, Симеонъ Викторовичъ, не предла-

гайте. Не пройдетъ. Тутъ есть такое, чего деньгами не купишь.

А Симеонъ лежалъ и думалъ:

— Чуетъ власть свою... Ишь — осмѣлѣла: сѣла подъ самый каблукъ и не боится, что я ее, дохлятину, могу однимъ пинкомъ отправить къ чертямъ, у которыхъ ей настоящее мѣсто... Знаетъ, что уже не посмѣю... связаны руки мои!.. въ кандалахъ!.. Плохо мое дѣло... На компромиссъ тутъ не отъѣдешь... Да вертитесь же вы, мозги мои, чортъ бы васъ дралъ! Шевелитесь! Подсказывайте, какъ мнѣ ее надуть? Проклятые, выдумайте что-нибудь, лишь бы отсрочку взять, а ужъ въ отсрочкѣ то надую...

Вслухъ же онъ спросилъ:

— Милліонъ что-ли ты нашла, что тысячами швыряешься?

И получилъ спокойный отвѣтъ:

— Ужъ если судьба мнѣ разстаться съ этимъ дѣломъ только на денежномъ интересѣ, то для меня спокойнѣе будетъ продать документъ не вамъ, а господину Мерезову.

— Ты полагаешь? — отозвался Симеонъ, чувствуя, что отъ словъ этихъ замерзло въ

немъ сердце.

— Вы же такъ растолковали, Симеонъ Викторовичъ. Васъ завѣщаніе отдать — законъ исполнить, вамъ — законъ нарушить, судомъ, тюрьмою, ссылкой рисковать... Ясное дѣло, куда мнѣ выгоднѣе повернуть. А ужъ въ добродѣтели Васиной я, конечно, нисколько не сомнѣваюсь: душа-человѣкъ, что спросишь — тѣмъ и наградить.

— Сказать ей или нѣтъ, что Эмилиа надумалась тоже сватать Аглаю за Мерезова? — размышлялъ Симеонъ, машинально изучая глазами на обивкѣ дивана лучеобразныя морщины коричневой кожи, складками сбиравшейся къ пуговицѣ. Пугнуть? Нѣтъ, погоди... Не такъ у меня хороши карты, чтобы всѣ козыри на столъ... Это — тузъ про запасъ... Покуда можно, придержимъ — поиграемъ въ темную... И сказалъ вслухъ:

— А кто порукою, что ты меня не надуешь? Эпистиміа засмѣялась.

— То есть какъ же это — вы предполагаете — я могу васъ надуть?

— Очень просто: Аглаю я за племянника твоего выдамъ, а ты мнѣ, завѣщаніе не воз-

вратишь и будешь терзать меня по прежнему — какъ теперь мучишь.

— А какая мнѣ тогда польза васъ надуть? Если Аглаечка выйдетъ замужъ за моего Григорія, то прямая наша выгода — не разорять васъ, а чтобы вы, напротивъ, состояніе свое упрочили и какъ можно цѣлѣе сохранили. Потому что свояки будемъ. Какъ вы насъ тамъ ни понимайте низко или высоко, любите, не любите, а свой своему поневолѣ братъ, и отъ вашего большого костра мы тоже нѣтъ-нѣтъ, да уголочками погрѣмся... Да будетъ ужъ вамъ лежать-то! Какіе узоры на диванѣ нашли? Я же отъ васъ обругана, я же осмѣяна, да вы же мнѣ трагедію представляете! Эхъ, Симеонъ Викторовичъ! Грѣшно вамъ воображать меня злодѣйкою своею... Старымъ попрекнули... Кабы я стараго-то не помнила, развѣ такъ-бы съ вами поступила? Чего я отъ васъ прошу? Того, что вамъ совсѣмъ не нужно, только лишній грузъ на рукахъ? Что вы, — скажите, — любите, нешто, ее, Аглаечку-то? бережете очень? Ничего не бывало: одна дворянская фанаберія въ васъ взбушевалась... Кабы другая-то на моемъ мѣстѣ оказа-

лась, былого не помнящая, молодыми чувствами съ вами не связанная, она бы васъ, какъ орѣшекъ отъ скорлупки облупила, да и скушала... А я съ вами — вотъ она вся, прямокомъ, какъ на ладони, на всей моей искренней чести... Чтобы мнѣ было хорошо, да и вамъ не худо... Чего намъ ссориться-то? Слава тебѣ, Господи! Не первый годъ дружбу ведемъ, — у насъ рука руку завсегда вымоетъ.

Симеонъ повернулся къ ней, злобно, печально улыбаясь.

— Соловей ты, мой соловей! голосистый соловей! — произнесъ онъ съ глубокимъ, насквозь врага видящимъ и не желающимъ того скрывать, сарказмомъ.

— Вы не издѣвайтесь, а вѣрьте, — серьезно возразила Епистимія, вставая, чтобы дать ему мѣсто — опустить съ дивана ноги на полъ.

— Хорошо. Попробую повѣрить. Ну, а теперь — слушай и ты меня, прекрасная моя синьора! Предположимъ, что ты настолько забрала меня въ когти свои, и что я окажусь такой подлецъ и трусъ; пожертвую этому проклятому наслѣдству ни въ чемъ неповинною сестрою моею и соглашусь утопить ее за тво-

имъ хамомъ-племянникомъ...

Епистимія остановила его суровымъ, мѣднымъ голосомъ:

— Кто на землѣ отъ Хама, кто отъ Симеона Викторовича, — это, Симеонъ Викторовичъ, на Страшномъ Судѣ Христосъ разберетъ.

— Молчи! не мѣшай, я не диспутировать о правахъ намѣренъ съ тобою... Такъ — вотъ — предположимъ, какъ я сказалъ... Поняла?

— Предположимъ.

— Хорошо. Скажи же мнѣ теперь, голосистый соловей: дальше-то что? Пусть я согласенъ, — какъ съ Аглаей-то быть? Вѣдь нынче невѣсть въ церковь силкомъ не возятъ, связанными не вѣнчаютъ?

Епистимія рѣшительно потрясла головою.

— Мы и не желаемъ. Насильно взятая жена не устройство жизни, а дому разруха. Надѣмся взять Аглаю Викторовну по согласу.

Симеонъ поднялъ на нее глаза, полные искренняго удивленія.

— Что же, ты воображаешь, будто Аглая плѣнится твоимъ Гришкою, и ему на шею повиснетъ?

Епистимія смущенно опустила глаза, но отвѣчала уклончиво и спокойно:

— Я вѣнцомъ не тороплю. Только бы съ вами, — старшимъ, — между собою дѣло рѣшить и по рукамъ ударить. И Аглаечка молодая, и Гриша не перестарокъ. Сколько угодно буду терпѣть, лишь бы свыклись, и сталося, какъ я хочу, благое дѣло.

Симеонъ усмѣхнулся, съ презрительнымъ сомнѣніемъ качая черною, стриженою головою, на которой чуть оживало и находило обычныя смуглыя краски измученное, желтое, татарское лицо.

— Долго тебѣ ждать придется!

— А, батюшка! — выразительно и настойчиво, съ подчеркиваніемъ подхватила Епистимія. — Тутъ ужъ и на васъ будетъ наша надежда, и вы старайтесь, Симеонъ Викторовичъ, батюшка мой. Мы съ своей стороны будемъ рѣпку тянуть, а вы съ своей подталкивайте...

Симеонъ раздумчиво прошелъ къ письменному столу своему...

— Какъ нибудь обойдусь, вывернусь, надеюсь... — прыгало и юлило въ его растревон-

женномъ, разгоряченномъ умѣ. — Во всякомъ случаѣ, это ея согласіе ждать очень облегчаетъ мое положеніе и открываетъ возможности... Неужели это опять какой-нибудь подвохъ? Ну, если и такъ, то онъ не удастся... Хитра, хитра, а изъ капкана меня выпускаетъ... уйду!

А вслухъ говорилъ:

— Ты не забывай, что въ этомъ случаѣ мой голосъ — не одинъ. Вопросъ семейный. У Аглаи, кромѣ меня, четыре брата, каждый имѣетъ право свое слово сказать...

Епистимія отвѣтила презрительною улыбкою:

— Э, Симеонъ Викторовичъ! Не вамъ бы говорить, не мнѣ бы слушать. Если будетъ Аглаечкино согласіе, да вы благословите, такъ остальнымъ то — каждому — я найду, чѣмъ ротъ замазать... Вы за себя рѣшайте, до прочихъ мой интересъ не великъ.

Симеонъ слушалъ и внутренно сознавалъ, что она говоритъ правду. Матвѣй и Викторъ — демократы: что имъ Сарай-Бермятовскій гоноръ и дворянская честь? Къ тому же Матвѣй любитъ этого Григорія, во-

зится съ его образованіемъ, въ люди его выводитъ... Еще радъ будетъ, пожалуй, сдуру, блаженъ мужъ, этакому опрощенному союзу... Иванъ — тупое эхо Модеста, а Модестъ... выкинетъ ему вотъ эта госпожа Епистимія тысячу-другую рублей взаимишки, онъ и самъ не замѣтитъ, какъ обѣихъ сестеръ не то, что замужъ, — въ публичный домъ продастъ... только и пожалѣетъ, что третьей нѣту!.. Да и безъ денегъ даже... Просто выставить ему Епистимія своевременно коньяку подороже, да подведетъ двухъ-трехъ дѣвокъ пораспутнѣе... вотъ и весь онъ тутъ. Дальше непристойнаго анекдота взглянуть на жизнь не въ состояніи. Все — анекдотъ, и сестра — анекдотъ. Еще пикантнымъ найдетъ, декадентъ, Діонись проклятый...

— Э-эхъ — томила сердце тоска и обижала истерзанный умъ. — Э-эхъ! Одинъ я, — одинъ, какъ всегда, ни друга, ни брата нѣтъ, опереться не на кого...

И зубы просились сжаться и скрипѣть, и рука нервно комкала на письменномъ столѣ; попадавшія подъ нее газеты... Розовый листокъ подъ прессъ-папье привлекъ вниманіе Си-

меона... Онъ машинально потянулъ листокъ къ себѣ, пробѣжалъ, и губы его затряслись: это была вчерашняя оскорбительная анонимка, которую Анята, убирая поутру комнату, нашла брошенную на полу и, думая, что ненарокомъ обронено что нибудь важное, сунула, на всякій случай, подъ прессъ-папье...

Честное созданье,
Душка Симеонъ,
Слямзилъ завѣщанье
Чуть не на милльонъ...

— Епистимія! — позвалъ Симеонъ придуроченнымъ голосомъ, разрывая оскорбительный листокъ на мелкіе клочки и трясущеюся рукою высыпая ихъ въ корзинку.

— Что, баринъ?

И, когда она подошла, онъ положилъ свою руку на острое плечо ея и, глядя своими безпокойными черными татарскими глазами въ ея выжидающіе бездонно морскіе синіе глаза, произнесъ спокойныя, почти дружескія слова:

— Развяжи меня съ позоромъ моимъ, Епистимія. Я не могу жить подъ его гнетомъ... Это адъ!

— Симеонъ Викторовичъ! Да развѣ же есть что нибудь противъ съ моей стороны?.. Вы слышали: я всею душою...

Но онъ остановилъ ее, говоря еще спокойнѣе, рѣшительнѣе, проще:

— Прямо тебѣ говорю: сдѣлка эта — объ Аглаѣ — мнѣ претить. Я не въ состояніи тебѣ помогать. Но я въ твоихъ рукахъ, бороться съ тобою не могу, за тобою сила, долженъ уступить. Но не требуй отъ меня больше того, на что моя натура способна податься. Союзникомъ тебѣ въ этомъ дѣлѣ я быть не могу. Не заставляй. Больше того скажу: заставишь, — себѣ, на бѣду: не выйдетъ у меня ничего, только твое же дѣло тебѣ испорчу. А — что я могу обѣщать тебѣ и обѣщаніе сдержу, — это — полное невмѣшательство. Поле — предъ тобою, — дѣйствуй, какъ знаешь. Я закрываю глаза. Удастся, — твое счастье. Не удастся, — не моя вина. Не буду ни мѣшать, ни помогать. Знать ничего не знаю и вѣдать не вѣдаю...

— А намъ отъ васъ больше ничего и не надо! — весело подхватила, съ засіявшими глазами, Епистимія, наклоняя лицо, чтобы благодарно поцѣловать лежащую на ея плечѣ Си-

меонову руку.

Онъ медленно убралъ руку и безсознательно осмотрѣлъ ее, точно недоумѣвая, — да его ли эта нервная, съ короткими, изогнутыми пальцами, цѣпкая рука, съ темными волосами изъ-подъ манжетъ, съ красно-подушечною желчною ладонью, съ налитыми, синими венами на тылу.

— Контрактъ-то — будемъ кровью писать? — зло усмѣхнулся онъ, разминая большимъ пальцемъ лѣвой руки надутыя вены эти на правой.

Епистимія поджала, въ шутливой обидѣ, блѣдныя тонкія губы свои: угрюмая шутка пришлась ей по нраву.

— Что вы, Симеонъ Викторовичъ, — засмѣялась она, почти уже кокетничая прекрасными своими глазами: — вы не Фаустъ изъ оперы, и я не красный демонъ съ перомъ... Какая тамъ кровь!.. Мы вамъ — вотъ какъ даже безъ чернилъ — на одно ваше благородное словѣ повѣримъ!..

Конецъ.

Fezzano. 1912. II. 15.

Год: 1912

Примечания

Наследники

[^^^]